

ISSN 2079-1003
URAL-ALTAIC STUDIES
УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

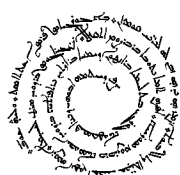
№ 4 (15) 2014

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

МОСКВА

Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования

ISSN 2079-1003
ISBN 978-1-4632-0168-5

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 4 (15) 2014

Established in 2009
Published four times a year

Moscow

© Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2014

Co-published with

ISSN 2079-1003
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 4 (15) 2014

Основан в 2009 г.
Выходит четыре раза в год

Москва

© Институт языкознания Российской академии наук, 2014

Совместно с

CONTENTS

No 4 (15) 2014

Maria Amelina. The Nenets women's clothing <i>pǎny</i> : Western panitsa and Eastern yagushka	7
Pavel Grashchenkov. Auxiliary constructions 'manner — result' (on the Karachay-Balkar and Kazakh material)	32
Polina Dambueva. Buryat traditional clothes	47
Ekaterina Devyatkina. The Proto-Mordvin names of the basic elements of the national costume	66
Baylak Oorzhak. The main meanings of the past tense in Tuvin	83

PERSONALIA

Rezida Suleymanova. On scientific studies of Saria F. Mirzhanova	98
Dmitriy Vasilyev, Vladimir Tishin. Sergey G. Klyashtorny (4 th February 1928 — 21 st September 2014).....	101

REVIEWS

Gulia Kyshtymova. <i>Selyutina I. Ya., Urtegeshev N. S., Ryzhikova T. R., Dambyra I. D., Kechil-ool S. V.</i> Pharyngealization as a typological feature of phonological systems (on the material of South Siberian Turkic languages) / Ed. <i>Shirobokova N. N.</i>	105
Style sheet	109
How to subscribe	112

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 4 (15) 2014

М. К. Амелина. Ненецкая женская одежда <i>пáны</i> : западная паница и восточная ягушка.....	7
П. В. Гращенков. Сложные глаголы 'образ действия — результат' (на материале карачаево-балкарского и казахского языков)	32
П. П. Дамбуева. Бурятская традиционная одежда	47
Е. М. Девяткина. Названия базовых элементов национального костюма в прамордовском языке	66
Б. Ч. Ооржак. Системообразующие значения поля прошедшего времени в тувинском языке	83

ПЕРСОНАЛИИ

Р. А. Сулейманова. О научной деятельности Сарии Фазулловны Миржановой.....	98
Д. Д. Васильев, В. В. Тишин. Сергей Григорьевич Кляшторный (4 февраля 1928 — 21 сентября 2014) ...	101

РЕЦЕНЗИИ

Г. В. Кыштымова. <i>Селютина И. Я., Уртегешев Н. С., Рыжикова Т. Р., Дамбыра И. Д., Кечил-оол С. В.</i> Фарингализация как типологический признак фонологических систем (на материале тюркских языков Южной Сибири) / Отв. ред. <i>Широбокова Н. Н.</i>	105
Требования к оформлению статей.....	109
Как подписаться	112

Главный редактор

А. В. Дыбо

(д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН)

Заместитель главного редактора

Ю. В. Норманская

(д.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционная коллегия

В. Ю. Гусев (к.ф.н., Институт языкознания РАН), П. П. Дамбуева (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), А. И. Кузнецова (д.ф.н., проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова), О. А. Мудрак (д.ф.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет), С. А. Мызников (д.ф.н., проф., Институт лингвистических исследований РАН), И. Николаева (PhD, Школа восточных и африканских исследований, Великобритания), Ф. Ш. Нуриева (д.ф.н., проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет), Г. Ц. Пюрбеев (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), И. Я. Селютина (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), Р. А. Тадинова (д.ф.н., доц., Институт языкознания РАН), З. Н. Экба (к.ф.н., Институт языкознания РАН), М. Роббеетс (PhD, Лейденский университет, Нидерланды)

Редакционный совет

В. М. Алпатов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), А. Е. Аникин (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт филологии СО РАН), Р. Г. Ахметьянов (д.ф.н., проф., Бирский государственный педагогический институт), М. Бакро-Надь (проф., Университет Сегеда, Венгрия), В. Блажек (проф., Масариков университет, Чехия), Т. М. Гарипов (д.ф.н., чл.-корр. НАН РБ, Башкирский государственный педагогический институт имени М. Акмуллы), Н. И. Егоров (д.ф.н., проф., Чувашский государственный институт гуманитарных наук), И. В. Кормушин (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), И. Л. Кызласов (д.и.н., проф., Институт археологии РАН), Й. Лааксо (проф., Венский университет, Австрия), К. М. Мусаев (д.ф.н., чл.-корр. РАЕН, Институт языкознания РАН), Д. М. Насилов (д.ф.н., чл.-корр. РАЕН, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова), И. А. Невская (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия), Т. Ризе (проф., Венский университет, Австрия), Е. К. Скрибник (проф., Мюнхенский университет, Германия), П. А. Слепцов (д.ф.н., проф., академик НАН РСЯ, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН), М. Стаховски (проф., Краковский университет, Польша), Ф. Г. Хисамитдинова (д.ф.н., проф., Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН), Л. Хонти (проф., Будапештский университет, Венгрия), К. Шониг (проф., Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия), Н. Н. Ширококова (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), М. Эрдал (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия)

Editor-in-Chief

Anna Dybo

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief

Yulia Normanskaya

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

Polina Dambueva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Zarema Ekba (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Valentin Gusev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Ariadna Kuznetsova (Lomonosov Moscow State University), Oleg Mudrak (Russian State University for the Humanities), Sergey Myznikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences), Irina Nikolaeva (School of Oriental and African Studies, Great Britain), Fanuza Nurieva (Kazan (Volga region) Federal University), Grigoriy Pyurbeev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Martine Robbeets (Leiden University, Center for Linguistics, Institute for Area Studies, the Netherlands), Irina Selyutina (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Roza Tadinova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Advisory Board

Vladimir Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Alexandr Anikin (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Rinat Ahmet'yanov (Birk State Pedagogical Institute), Marianne Bakró-Nagy (University of Szeged, Hungary), Václav Blažek (Masaryk University, Czech Republic), Nikolay Egorov (Chuvash State Institute for the Humanities), Marcel Erdal (Goethe University Frankfurt, Germany), Talmás Garipov (M. Akmuulla Bashkir State Pedagogical University), Firdaus Hisamitdinova (Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Centre of Russian Academy of Sciences), László Honti (University of Budapest, Hungary), Klaus Schönig (Humboldt University of Berlin, Germany), Igor Kormushin (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Igor Kyzlasov (Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences), Johanna Laakso (University of Vienna, Austria), Kenesbay Musaev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Dmitriy Nasilov (Lomonosov Moscow State University), Irina Nevskaya (Goethe University Frankfurt, Germany), Timothy Riese (University of Vienna, Austria), Elena Skribnik (University of Munich, Germany), Piotr Sleptsov (Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marek Stachowski (Krakow University, Poland), Natalia Shirobokova (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences)

Ненецкая женская одежда *пáны*: западная паница и восточная ягушка¹

Ненцы — самый крупный из коренных малочисленных народов Севера: по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., ненцев насчитывается 44 640 человек [Перепись 2010]. Основное хозяйственное занятие ненцев — оленеводство. Оленеводство является основой не только традиционного хозяйства, но и этнической культуры ненцев, оно дает им все самое необходимое для жизни: возможность передвижения, пищу и материал для покрытия чума и пошива одежды — оленью шкуру, незаменимую в суровых климатических условиях Заполярья.

Традиционная ненецкая одежда, прошедшая долгий исторический путь, является не только наиболее приспособленной к условиям тундры, но и позволяет ненецкому народу сохранять этническую самобытность и уникальность своей культуры и в настоящее время, она воспринимается ненцами как необходимая и важная составляющая их культурной идентичности. О важности традиционной одежды в современной жизни ненцев говорит и факт использования ее не только оленеводами, постоянно проживающими в тундре, но и поселковыми и городскими ненцами, не ведущими традиционный образ жизни. Так, по данным социологического опроса среди ямальских ненцев, проведенного в 2003 г., «не имели и не пользовались <...> национальной одеждой 12,3% респондентов, не пользовались, но имели национальную одежду только 11% жителей; пользовался по праздникам² каждый пятый опрошенный, пользовались постоянно чуть более половины опрошенных ненцев (57,3%)» [Хайруллина 2005: 195—196].

Даже в настоящее время (с его установкой на глобализацию) представлено широкое разнообразие традиционной ненецкой одежды, изготавливаемой из оленьих шкур. Среди верхней одежды ненцев выделяются следующие виды:

1) мужская *мáлица*³ глухого покроя, сшитая мехом вовнутрь, — Т ненец. *малиця* ‘малица (верхняя мужская меховая одежда, шьется мехом внутрь)’ [Терещенко 1965, 2008: 225; Терещенко 1989: 49]; Л ненец. *мой* ‘малица (меховая одежда)’ [Бармич, Вэлло 2002: 74, 216], *мóй* ‘малица’ [Приходько 2000: 78, 172], *’тиһи* ‘малица’ [Попова 1978: 56]⁴;

2) надеваемые поверх малицы *пáрка* и *совик* (соку́й, гусь)⁵, сшитые мехом наружу;

3) женская распашная *пáница*⁶ (ягу́шка⁷).

Данная статья посвящена описанию разных типов ненецкой женской распашной одежды. Два вида традиционной верхней одежды ненцев — *пáрка* и *совик* — были подробно рассмотрены нами в статье [Амелина 2013], а в последующих работах планируется дать детальное описание мужской малицы.

1. Лингвистический аспект

В тундровом ненецком для обозначения верхней женской одежды используется имя существительное *пáны* 1) ‘одежда’, 2) ‘верхняя женская одежда (паница, ягушка)’ [Терещенко 1965, 2008: 442; Терещенко 1989: 49].

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 14-04-00496 «Этимологический диалектный словарь северносамодийских языков (анализ и подготовка к изданию наследия Е. А. Хелимского)».

² В первую очередь речь идет о Дне оленевода, празднуемом весной — в основном с марта по апрель в зависимости от географической широты населенного пункта, в котором он проходит: чем южнее — тем раньше, чем севернее — тем позже.

³ Малица — «глухая, без разреза, одежда, сшитая из телячьих шкур (осенних или летних) мехом внутрь» [Хомич 1966: 116]. Под «телячьими» шкурами здесь и далее понимаются шкуры трех-четырёхмесячных оленят.

⁴ В примерах, приводимых по [Попова 1978], символом ' обозначается ударность последующего слога.

⁵ Русское слово *совик* распространено преимущественно на территории западнее Уральских гор, существительное *гусь* в значении верхней меховой одежды — на полуострове Ямал, а *соку́й* — на Таймыре, самой восточной территории расселения ненцев.

⁶ «*Пáница* — зимняя женская разрезная (распашная) одежда из оленьих шкур мехом наружу, с широкими рукавами, суживающимися к обшлагам» [НАО 2001: 203].

⁷ «*Ягу́шка* — традиционная женская меховая распашная одежда у народов Западной Сибири: шуба, с воротом или без него, подбитая тканью либо легким мехом» [ЭМ 1997].

щенко 1989: 87]; ср. Т ненец. *pəni*^o (N e ~ iə)⁸, PØNE ~ IØ [Salminen 1998: 58]; O, T, Sj., U, MB, M *pəñi* ‘Frauenrock; Kleidungsstück, Anzug’ (‘женская одежда’) [Lehtisalo 1956: 341].

В лесном ненецком представлен коррелят этого тундрового слова: Л ненец. *паны, панэй* ‘одежда; верхняя женская одежда (ягушка, паница)’ [Бармич, Вэлло 2002: 104]; ср. *пайнэй*⁹ ‘ягушка; одежда’ [Приходько 2000: 172, 176]; *pa'nəj* ‘одежда’, *ñet pa'nəj* ‘паница — верхняя женская одежда’, *ʼatʼšuj pa'nəj* ‘разрезная¹⁰ одежда’ [Попова 1978: 92]; Lj. *pəñi*^ʹ, S, Nj. *pəñi* ‘Frauenrock; Kleidungsstück, Anzug’ (‘женская одежда’) [Lehtisalo 1956: 341].

На русский язык эти Т ненец. и Л ненец. слова, обозначающие ненецкую женскую распашную одежду, переводятся по-разному: русское слово *паница* употребляется западнее Уральских гор — в Канинской, Тиманской, Малоземельской и Большеземельской тундрах Ненецкого автономного округа [ПМАК 2011; ПМАБз 2012]; русское слово *ягушка* распространено восточнее Уральских гор — в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах, Ямальской, Гыданской, Тазовской тундрах, Пуровской тайге [ПМАЯ 2008—2009, 2010; ПМАГ 2011; ПМАЛ 2012].

Как в тундровом, так и в лесном ненецком это слово (Т *паны*; Л *паны, панэй*) широко употребляется в двух значениях: 1) ‘одежда (вообще)’ и 2) ‘верхняя женская одежда (паница, ягушка)’.

1) Приведем примеры употребления этого существительного в первом значении: Т *тохо* “паны” ‘платье’ (букв. ‘тканевая одежда’), *паны ека(сь)* ‘раздеться’ (букв. ‘одежду снять’) [Терещенко 1965, 2008: 442]; Л *хома паны* ‘хорошая одежда’ [Бармич, Вэлло 2002: 230].

В первом значении слово *паны* употреблено и в переводе на Т ненец. стихотворения «Такой мороз, что выстудит глаза...» ненецкого поэта Алексея Ильича Пичкова (1934—2006), писавшего на русском языке (перевод на ненецкий был сделан Н. В. Ледковым). Приводим здесь это стихотворение полностью¹¹:

«Теци, сэвод нод” сэртрев’ ханзенга”, // латорта хаял пайдэн’ ленеуга. // Нин яр”, хаял маянд нид ту” вуни, // хаял” ябтийхад мерцяхад латыд” ма, // танзер” понд’ уэ” ни’ хибярид юркыд” ма, // юркыд”, // маял ю” янд ни’ тоугу” ни. // Юрка, нэд, ханя”, мядо” няю’ яднугу”, // еугамд мимба, сарпямд пада-рамба. // Табцорта сэр” панэнд нид нурнесаднугу, // мань хынотам’, серот мун нядаба» [Пичков 2000: 64].

«Такой мороз, что выстудит глаза // и льдинкой стынет на щеке слеза. // А слезы те не от обиды, нет, // те слезы ветер ненароком выжал, // но ты в метель и стужу эту выжил, // а выжил, // значит, горя больше нет. // Раз выжил, значит, вновь идти к жилью, // торить дорожку, рисовать тропинку. // Пусть на одежде загорятся льдинки, // пусть зазвенят, а я им подпою» [Пичков 2000: 63].

В этом стихотворении, написанном от лица лирического героя-мужчины, речь никак не может идти о женской одежде (панице, ягушке), а только об одежде вообще, а вернее — о мужской.

2) В своем втором значении рассматриваемое существительное употреблено, например, в таких сочетаниях: Т *мадавы паны* ‘верхняя женская одежда, украшенная орнаментом’, *ной паны* ‘суконная одежда’ (имеется в виду женская летняя паница, сшитая из сукна; подробнее см. ниже), *паны сись* ‘завязки у верхней женской одежды’, *паны хоба* ‘шкура для пошива верхней женской одежды’ [Терещенко 1965, 2008: 442—443], *падвы паны* ‘верхняя женская одежда из пестрых оленьих шкур’ (букв. ‘пестрая одежда’) [Терещенко 1965, 2008: 430]; Л *матамъй пайнэй* ‘ягушка с узорами’ [Приходько 2000: 104, 172].

В значении ‘верхняя женская одежда’ слово *паны* употреблено в переводе на Т ненец. другого стихотворения А. И. Пичкова (перевод выполнен Н. В. Ледковым):

«Тыд пярна” муугуэ нэдавэдрев’, // нэвэй” ты тодрев’ пенада”. // Сырит нид, нэв” тось хэ” лавэдрев’, // ирий пирибтянэ яда, // панэр ялянд нувот хобахад, // нумгэхэт сэдвы’ то” лаха <...>» [Пичков 2000: 55].

«Летят олени, словно стрелы, // красив их бег, как птичий лет. // А по равнинам белым-белым // луна, как девушка, плывет // в панице¹² светлой, сшитой мудро // из синевы и ярких звезд <...>» [Пичков 2000: 54].

Необходимо отметить, что в Т ненец. существительное *паны* не только широко употребляется в своих прямых значениях, но и участвует в образовании фразеологизмов: *тики серкэна ёря пайным’*

⁸ В транскрипции Т. Салминена символ *ø* соответствует гласной фонеме, которая в орфографии и словаре Н. М. Терещенко [Терещенко 1965, 2008] обозначается буквой *ä*, а символ ^o служит для записи ее редуцированного варианта (“further reduced to an entity that may be called the schwa phoneme” [Salminen 1993: 177]).

⁹ Как отмечает Т. Салминен, сочетанием *эй* в издании [Приходько 2000] обозначается безударный [ä] (в транскрипции Т. Салминена), который таким образом оказывается противопоставлен на письме безударному [i], обозначаемому в [Приходько 2000] буквой *ы* [Salminen 2007: 355]. Ср. употребление символа *э* в такой же функции в записи [Бармич, Вэлло 2002] (см. об этом [Salminen 2007: 352]).

¹⁰ Т. е. распашная.

¹¹ Здесь и далее в цитатах из издания [Пичков 2000] сохранена орфография оригинала.

¹² В издании [Пичков 2000] слово *паница* в русском тексте снабжено подстрочным комментарием: «Паница — женская шуба из оленьих шкур, украшенная полосами орнамента» [Пичков 2000: 54].

серá(сь) ‘съесть собаку в каком-либо деле’ (букв. ‘в этом деле теплую одежду (сшитую из шкур с густой шерстью) надеть’). Пример: Т ненец. *Хасавар ты пэрць сáць тенева, тикы серкáна ёря пáным’ сервы* ‘Твой муж умеет разводить оленей, в этом деле он собаку съел’ [Терещенко 1965, 2008: 443]. Таким образом, наличие теплой одежды с густой шерстью воспринимается носителями ненецкого языка не только как защищенность и безопасность, но и как опыт, умение, знание и т. д.: иметь теплую одежду — значит быть подготовленным, опытным.

В ненецком языке существует множество **производных слов**, образованных от этого имени существительного по продуктивным моделям с помощью типичных суффиксов:

1. Т *пáныда(сь)* ‘снабдить одеждой кого-либо’ > Т *пáныдамбá(сь)* (длит.) ‘снабжать одеждой кого-либо’ [Терещенко 1965, 2008: 443] (Т *páni°da-* > *páni°damprø-* [Salminen 1998: 500]);

2. Т *пáнындá(сь)* 1) ‘шить паницу; шить одежду’, 2) ‘просить паницу; просить одежду’ [Терещенко 1965, 2008: 443] (Т *páni°ntø-* [Salminen 1998: 500]); Л *панынтаиш* ‘шить одежду’ [Бармич, Вэлло 2002: 105];

Т *пáнындорць* (многокр.) 1) ‘шить паницу; шить одежду’, 2) ‘просить паницу; просить одежду’ [Терещенко 1965, 2008: 443] (Т *páni°ntor-* [Salminen 1998: 500]);

3. Т *пáнырць* ‘обзавестись одеждой, занять одежду; обзавестись паницами, ягушками, занять паницы, ягушки’ [Терещенко 1965, 2008: 443] (Т *pániør-* [Salminen 1998: 500]); Л *pa'nāšs* ‘иметь одежду’ [Попова 1978: 92];

4. Т *пáнысана* ‘шкура, пригодная для пошива верхней женской одежды (паницы или ягушки)’ [Терещенко 1965, 2008: 443] (Т *páni°sana* [Salminen 1998: 500]);

5. Т *пáнытá(сь)* 1) ‘пользоваться одеждой; быть в одежде’: *Ёря пáныта мякáд тáрпы* ‘Он вышел из чума в теплой одежде’; 2) ‘иметь новую одежду каждую зиму’: *Хусувэй по’ пáнытасетыдм* ‘Каждую зиму я имею новую одежду’; 3) ‘быть в панице’ [Терещенко 1965, 2008: 443] (Т *páni°tø-* [Salminen 1998: 500]) > Т *пáнытáбцо* ‘манера носить одежду’ [Терещенко 1965, 2008: 443] (Т *páni°tøbco* [Salminen 1998: 500]);

6. Т *пáныць* 1) ‘использовать в качестве одежды, употреблять для одежды’: *тохосо пáныць* ‘использовать ткани для одежды’; 2) ‘иметь много одежды’; 3) ‘использовать что-либо в качестве паницы’ [Терещенко 1965, 2008: 443] (Т *pániøq-* [Salminen 1998: 500]) > Т *пáныта* ‘имеющий много одежды’, ямал. *пáныта харта* ‘игральная карта с изображением фигуры’ (букв. ‘имеющая много одежды карта’) [Терещенко 1965, 2008: 443];

7. Т *пáнэсавэй*¹³ ‘с одеждой’, тайм. *пáнэсавэй харта* ‘игральная карта с изображением фигуры’ (букв. ‘одетая карта’) [Терещенко 1965, 2008: 443] (Т *pønesawey°* [Salminen 1998: 500]); Л *pa'nāša, tāj* ‘одетый’ [Попова 1978: 92];

8. Т *пáнэся(сь)* 1) ‘быть голым, обнаженным; не иметь одежды’, 2) (перен.) ‘быть очень бедным’ [Терещенко 1965, 2008: 443] (Т *pønesyø-* [Salminen 1998: 500]); Л *pa'nāšī(š)* ‘быть голым’ [Попова 1978: 92];

Т *пáнэсява* — имя процесса действия по глаголу *пáнэся(сь)* [Терещенко 1965, 2008: 443];

Т *пáнэсяда* 1) ‘голый, обнаженный; не имеющий одежды’, 2) (перен.) ‘очень бедный’: *пáнэсяда харта* ‘игральная карта без изображения фигуры’ (букв. ‘голая, обнаженная, не имеющая одежды карта’) [Терещенко 1965, 2008: 443], О *райпэšэдр* ‘unbekleidet, nackt’ ‘голый, обнаженный’ [Lehtisalo 1956: 341]; Л *панышата* ‘голый (обнаженный)’ [Бармич, Вэлло 2002: 105], *pa'nāšata* 1) ‘голый, не имеющий одежды’, 2) ‘бедный’ [Попова 1978: 92];

9. Т *пáнэсялэмз* 1) ‘оголиться, обнажиться, раздеться; лишиться одежды’, 2) (перен.) ‘стать бедным’ [Терещенко 1965, 2008: 443] (Т *pønesyalom-* [Salminen 1998: 500]) > Т *пáнэсялмде(сь)* 1) ‘оголить, обнажить, раздеть; лишиться одежды’, 2) (перен.) ‘сделать бедным’ [Терещенко 1965, 2008: 443] (Т *pønesyal°mtye-* [Salminen 1998: 500]) > Т *пáнэсялмдембá(сь)* (длит.) 1) ‘оголять, обнажать, раздевать; лишать одежды’, 2) (перен.) ‘делать бедным’ [Терещенко 1965, 2008: 443] (Т *pønesyal°mtyempø-* [Salminen 1998: 500]).

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1) **Производные** от слова *пáны* **широко представлены** как в тундровом, так и в лесном ненецком; их количество велико: так, в словаре [Терещенко 1965, 2008: 442—443] приводятся 17 дериватов с этим корнем.

2) Как в тундровом, так и в лесном ненецком зафиксированы **переносные значения с семой ‘бедный’** у лексем, производных от слова *пáны* (‘не имеющий одежды’ > ‘голый’ > ‘бедный’, ‘нагота’ > ‘бедность’), что также говорит о **широком семантическом потенциале** этого корня.

Ср. **аналогичный метафорический перенос** значения у дериватов от Т ненец. *парка* ‘пáрка (верхняя меховая одежда мужчины)’ [Терещенко 1965, 2008: 448] (Т *parka* [Salminen 1998: 501]) и Л ненец. *pāilka* ‘верхняя меховая мужская одежда’ [Попова 1978: 90]¹⁴:

¹³ Чередование *ы/э* типично для Т ненец. См. указание на это чередование в данной основе в [Salminen 1998: *páni°* (N *e ~ iø*), PØNE ~ IØ [Salminen 1998: 58].

¹⁴ Однако это Л ненец. существительное засвидетельствовано только в [Попова 1978] и не представлено в [Бармич, Вэлло 2002] и [Приходько 2000].

1. Т *паркася(сь)* 1) ‘быть голым, нагим, обнаженным (о человеке)’ > 2) (перен.) ‘быть бедным’ (Т *parkasyø-* [Salminen 1998: 501]), *паркасява* 1) ‘нагота’ > 2) (перен.) ‘бедность’, *паркасяда* 1) ‘голый, нагой, обнаженный’ > 2) (перен.) ‘бедный’ [Терещенко 1965, 2008: 448]; Л *pālka'sa(š)* 1) ‘быть раздетым’ > 2) ‘быть бедным’ [Попова 1978: 90];

2. Т *паркасялэмзь* 1) ‘оголиться, обнажиться’ > 2) (перен.) ‘обеднеть, стать бедным’ [Терещенко 1965, 2008: 448] (Т *parkasyaløt-* [Salminen 1998: 501]);

Т *паркасялворць* (многокр.) 1) ‘оголяться, обнажаться’ > 2) (перен.) ‘беднеть, становиться бедным’ [Терещенко 1965, 2008: 448] (Т *parkasyal°wor-* [Salminen 1998: 501]);

Т *паркасялмде(сь)* 1) ‘оголить, обнажить’ > 2) (перен.) ‘сделать бедным’ [Терещенко 1965, 2008: 448] (Т *parkasyal°mtye-* [Salminen 1998: 501]); Т *паркасялмдембй(сь)* (длит.) 1) ‘оголять, обнажать’ > 2) (перен.) ‘сделать бедным’ [Терещенко 1965, 2008: 448] (Т *parkasyal°mtyetpø-* [Salminen 1998: 501]);

Т б.-з., зап. *паркасялмдәнй(сь)* (несов.) 1) ‘оголяться, обнажаться’ > 2) (перен.) ‘беднеть, становиться бедным’ [Терещенко 1965, 2008: 448] (Т *parkasyal°mtønø-* [Salminen 1998: 501]).

Т ненец. *паны* и Л ненец. *паны*, *панэй* имеют **соответствия** в родственных северносамодийских языках: энец. *фоно* ‘женский комбинезон’, нган. *hopi'ə* ‘штаны’ [Helinski 2007] < ПСС *rəniə (или *rənz) ‘одежда’ ~ (< ?) ПТМ **rāni-* ‘наряжаться; наряд, нарядный’ (> эвенк. неп. *hanисин*, эвен. *hānīn* ‘наряд’ и др.) [Аникин, Хелимский 2007: 128; ССТМЯ, 2: 314]. См. подробнее об этимологии этих северносамодийских слов в [Амелина, Норманская 2013: 14—17].

2. Этнографический аспект: описание типов ненецкой женской одежды

Ранние источники, в которых встречаются описания ненецкой одежды: свидетельства ПIANO Карпини (XIII в.), сказание «О человеках незнаемых в Восточной стране» (кон. XV в. — нач. XVI в.), сочинение «О Русском Государстве» («Of the Russe Common Wealth») Джильса Флетчера (XVI в.), записи Яна Гюйгена ван Линсхотена, участника Нидерландской экспедиции к северным берегам России в 1594—1595 гг. (кон. XVI в.), материалы Вильяма Персглоу (нач. XVII в.), сочинение «Покорение Сибири» Исаака Массы (нач. XVII в.), Есиповская летопись по Сычевскому списку (XVII в.), «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно» А. Олеария (сер. XVII в.), «Путешествие в Северные страны» П. М. де Ламартина (1653 г.) — не дают нам ответа на вопрос о том, была ли ненецкая одежда глухой или разрезной (распашной). Однако уже описания XVIII в.: сочинения В. Ф. Зуева, П. С. Палласа («Путешествие по разным провинциям Российского государства»), И. И. Лепехина и В. В. Крестинина («Краткое географическое известие о земле самодийской») — свидетельствуют о том, что в XVIII в. одежда европейских и зауральских ненцев была такой же, как и в начале XX в., т. е. мужчины носили глухую одежду (малицу, совик), а женщины — распашную [Хомич 1966: 114—116].

Исследователи отмечают, что у ненцев сохранились «пережитки бытования в прошлом распашной одежды у мужчин», к числу которых относится, например, сохранившийся до настоящего времени обычай, согласно которому в чуме мужчины находятся в распашной одежде, по покрою аналогичной женской панице, ягушке [УСС 2005: 6; ПМАЯ 2008—2009, 2010]. Л. В. Хомич считает, что ненецкая распашная одежда, сохранившаяся до настоящего времени у женщин и в виде отдельных пережитков у мужчин, может быть отнесена к общесамодийскому пласту. По ее мнению, глухая одежда появилась под влиянием природных условий, а также в связи с развитием санного оленеводства, способствовавшего удлинению одежды [УСС 2005: 6—7].

Сходного мнения придерживается и известный специалист в области материальной культуры Н. Ф. Прыткова. В своей работе «Одежда народов самодийской группы как исторический источник» [Прыткова 1970] она ввела в историческое изучение одежды такой важный признак, как покрой одежды. На основании анализа покроя Н. Ф. Прыткова приходит к выводу, что самодийские народы не являются аборигенами Севера, т. к. имеют распашную одежду (т. е. одежду южного происхождения). В составе одежды ненцев она различает три древних слоя: 1) старосамодийский — одежда без конструктивных продольных швов («обернутая»); 2) угорский — одежда туникообразного покроя; 3) древнеарктический, аборигенный — одежда глухого покроя [УСС 2005: 6].

В настоящее время основной верхней мужской одеждой ненцев является глухая по покрою малица: Т *мальця* [Терещенко 1965, 2008: 225], *талу°суа* [Salminen 1998: 485]; Л *мюй* [Бармич, Вэлло 2002: 74], *'tiñi* ‘малица’ [Попова 1978: 56]. В суровых климатических условиях Заполярья закрытая, глухая, сшитая мехом вовнутрь малица с капюшоном и теплый совик мехом наружу служат мужчине — оленеводу, охотнику, рыбаку — не только одеждой, но и своего рода убежищем, в котором можно переночевать на снегу под открытым небом, если пурга застанет в дороге. Однако такая одежда глухого покроя не подойдет ненецкой женщине, значительную часть своего времени проводящей за работой в чуме.

«В связи с необходимостью кормить детей грудью распашная одежда у женщин сохранилась дольше (чем у мужчин). Однако сейчас, когда меховая одежда стала одеждой для улицы, ненки по примеру женщин-коми в некоторых районах начинают носить малицы. Таким образом, процесс приспособления к суровым условиям Севера продолжается и в наши дни» [УСС 2005: 6]. Это касается в первую очередь Большеземельской тундры [ПМАБз 2012], где контакты ненцев и коми довольно тесны. Стоит, однако, отметить, что характерная для традиционной культуры необходимость различать мужскую и женскую одежду, т. е. мужчину и женщину по их внешнему виду и одежде, являющейся своего рода знаковой системой, остается и в этом случае: так, женщины, как правило, шьют для себя малицы с белым (светлым) капюшоном, а для мужчин — с темным [ПМАБз 2012].

Традиционная верхняя одежда ненецкой женщины — паница, ягушка (Т *не' пáны* [Терещенко 1965, 2008: 442]; Л *нэй пáннэй* [Приходько 2000: 171], *нет ра'нај* [Попова 1978: 92]) — не только удобна и тепла. Каждая паница — произведение искусства, в котором отражаются представления ненецкого народа о красоте, гармонии и соразмерности, представления ненецкой женщины о мире и своем месте в нем. «Умение не только глубоко видеть, но и предугадывать свойства меха и раскрывать их во всей полноте, играя на сочетании фактуры и расцветки, — это качество, прекрасно реализуемое в изделиях, прежде всего ненецких мастериц, придает особое очарование декоративному творчеству западносибирских самодийцев и позволяет им сохранять свою самобытность на фоне художественного богатства соседних народов» [УСС 2005: 11]. Своеобразие ненецкой женской одежды неоднократно отмечалось уже путешественниками XVIII—XIX вв.: «Щегольство самоедок¹⁵ состоит в красных лоскутках и в медных ширкунцах; лоскутками делают они пеструю свою верхнюю одежду для приятности зрению (...)» [Лепехин 1805: 227—228].

Однако при всей неповторимости и уникальности каждой конкретной паницы (ягушки) существуют и определенные локальные ограничения (своего рода стандарты) в покрое и отделке этого вида одежды, благодаря которым можно отличить, например, канинскую паницу от ямальской, гыданской или большеземельской и даже ягушку (панницу), сшитую на севере полуострова Ямал, от ягушки с юга Ямала. Орнаменты, украшающие ненецкую женскую одежду, также имеют локальные особенности, характерные для определенной местности: узоры на паницах канинских, колгуевских и тиманских тундровичек не похожи на узоры на одежде «печорианок» (жительниц Малоземельской¹⁶ и Большеземельской¹⁷ тундр) и, тем более, на приуральские, ямальские, гыданские и таймырские орнаменты [ПМАЯ 2008—2009, 2010; ПМАГ 2011].

(Для удобства читателя расположение основных тундровых территорий расселения ненцев с запада на восток можно схематично представить следующим образом: Канинская тундра (полуостров Канин Нос) / Тиманская тундра / Малоземельская тундра / (р. Печора) / Большеземельская тундра / (Уральские горы) / Приуральская тундра / Ямальская тундра (севернее), Надымская тундра (южнее) / Гыданская тундра (севернее), Тазовская тундра (южнее) / Таймырская тундра.)

2.1. Ненецкая женская одежда западного типа («трехчастная» паница горизонтального покроя)

Отличительной особенностью **западных** паниц, распространенных в первую очередь в Канинской¹⁸ и Тиманской тундрах, а также на острове Колгуев (и редко в низовьях Печоры), можно считать **горизонтальный покрой**. Паница этого типа состоит из трех частей, которые соединяются между собой конструктивными горизонтальными швами.

Верхняя часть такой паницы (до талии) сшивается из кусков беличьего (Т б.-з. *тáряв' пáны*, ямал. *тáряха' пáны* 'беличья паница' [Терещенко 1965, 2008: 638, 442], ср. Т *toryaw^oh pøni^o*, *toryaxah pøni^o* [Salminen 1998: 515, 58]; Л *таляхáй пáннэй* 'беличья ягушка' [Приходько 2000: 171]; см. *Рис. 1, 2*), лисьего (Т *тэня' пáны* 'лисья паница' [Терещенко 1965, 2008: 654, 442], *tyonyah pøni^o* [Salminen 1998: 522, 58]) или бобрового (Т *лидянг' пáны* 'одежда из бобровых шкур', *лидянгáта пáны* 'панница с отделкой из бобровых шкур' [Терещенко 1965, 2008: 191], *lyidyangk^oh pøni^o* [Salminen 1998: 483, 58]) меха, в швы между которыми вставляются полоски разноцветного сукна, свободно свисающие вдоль спины, груди и рукавов; иногда сукно оплетают узкими скрученными полосками из меха пушных зверей (*Рис. 3*). Средняя часть такой паницы (на уровне талии) изготавливается из нескольких горизонтальных полос оленьего меха, а нижняя (Т *пáны' пан* 'подол паницы' [Терещенко 1965, 2008: 440, 442], *pan^o* [Salminen 1998:

¹⁵ Самоеды — прежнее название ненцев.

¹⁶ Малоземельская тундра расположена к западу от р. Печора — на ее левом берегу.

¹⁷ Большеземельская тундра расположена к востоку от р. Печора — на ее правом берегу.

¹⁸ Подробнее о ненецкой женской одежде на полуострове Канин Нос см. [Хомич 1970].

501]; Л *неу панынта пан* ‘подол женской ягушки’ [Бармич, Вэлло 2002: 104]) — собачьего меха. При этом меховые части отделяются друг от друга вставками из полосок разноцветного сукна, сшитых в вертикальном направлении.

Приведем здесь описание паницы мезенской¹⁹ женщины, сделанное В. А. Иславиным в XIX в.: «(украшена) узорами из белых и темных оленьих лапок, опушена волчьим, лисьим и собачьим мехом, а у богатых даже соболем и бобром (панды <подол>) и нашитыми разноцветными суконными лоскутками и маленькими погремушками» [Иславин 1847: 31].

Такая «трехчастная» паница (ее старинное название — Т *хунды* ‘старинная женская одежда из бобровых шкур, отделанная беличьей шкуркой и разноцветными сукнами, с подолом из собачьей шкуры’ [Терещенко 1965, 2008: 781], *хунти*²⁰ [Salminen 1998: 534]²¹) — не просто нарядная, праздничная одежда: изготавливая ее, женщина «овеществляет» представления ненцев о **трехчастности мироздания**. Верхняя часть паницы, сшитая из меха священных животных (белки, бобра), символизирует собой верхний мир, светлое начало, небо (Т *нум*’ [Терещенко 1965, 2008: 320]; Л *нит?* [Попова 1978: 69], *нум* [Бармич, Вэлло 2002: 84]). Средняя часть паницы, изготовленная из оленьей шкуры, является изображением среднего мира, Земли, — мира человека, мира оленевода-кочевника. Подол из собачьей шкуры — символ нижнего мира, от которого, по представлениям ненцев, человека оберегает именно собака.

Ср. также мнение известного этнолога Н. М. Терехихина: «Не только цветовая символика²², но и сама конструкция женской одежды ненцев (*лидиг*²³ *паны*, *таряв паны*) имеет определенный космологический “подтекст”. Верхняя часть паницы сшивалась из кусков меха белки, бобра, лисицы, средняя — из меха оленя, а нижняя — из полос собачьего меха. Подобное членение раскрывает космологические представления ненцев о трехчастном устройстве мира, выраженное зооморфными символами (верхний мир — бобр, белка, лисица; средний — олень; нижний — собака)» [НЖЗО 2006: 5—6].

Ср.: «Связь бобра с верхним (чистым) миром прослеживается в обрядах очищения территории жертвенного места, которое окуривалось дымом тлеющего бобрового волоса²⁴. Олень — зооморфный символ среднего мира, и в этом отношении он уподобляется человеку, который также занимает срединное положение в ненецкой космографии. Собака — это существо нижнего мира, поэтому собак приносили в жертву “злым духам”» [НЖЗО 2006: 8].

Кроме того, в 1909 г. А. В. Журавским в его работе «Из быта и культа архангельских самоедов», изданной в «Известиях Архангельского общества изучения Русского Севера», была зафиксирована легенда, повествующая о том, почему именно собачий мех использовался для пошива подола женской одежды: «Бог сотворил после прочей всякой живности человека, мужчину, и в вернейшие друзья создал ему собаку. Первая собака была голая, без шерсти, как и человек, и оберегала своего хозяина от дьявола, упорно пытавшегося пробраться в чум самоеда, и, плюнув на него, покорить греху. Собака не пускала дьявола в чум. Чего только не предпринимал дьявол, морил собаку голодом и затем подбрасывал жирную кость, но собака не отходила от входа в чум. На последнее средство пустился демон, напустил лютый мороз. Собака коченеет, дрожит, а все не выпускает дьявола в чум. Дьявол усилил мороз, подошел к собаке сзади и начал осторожно ее гладить. Собака при этом поросла шерстью, ей стало тепло, она обрадовалась, завиляла хвостом и впустила в чум демона, который плюнул в лицо спавшему самоедину и сделал его склонным ко злу. Впоследствии самоедка узнала все это, задушила собаку, содрала с нее

¹⁹ Река Мезень протекает по крайнезападным территориям расселения тундровых (канинских) ненцев (северо-восток Архангельской области).

²⁰ В [Salminen 1998] символ *u* (с подчеркиванием) обозначает, что здесь мы имеем дело либо с *u* (более вероятно), либо с *ü* (менее вероятно), а символ *i* (с подчеркиванием) — либо *i* (более вероятно), либо *ī* (менее вероятно) [Salminen 1998: 18].

²¹ Ср. Л *хонты* ‘женская меховая одежда с широким собольим подолом’ [Попова 1978: 141].

²² «Троичная система мироздания имеет (...) определенную цветовую семантику: белый цвет отождествляется с верхним миром, черный — с нижним, а средний мир, мир людей, ассоциируется с пестрой цветовой палитрой. В мифах, сказках и легендах пестрый цвет нередко наделен особой смысловой нагрузкой» [УСС 2005: 10].

²³ В передаче этого слова в данном источнике отражена диалектная особенность, характерная для западных говоров Т ненец., — деназализация (подробнее см. [Salminen 1998: 16]).

²⁴ Ср.: Т ненец. *нйбте(сь)* (этно.) ‘очистить от «погани»»; «у ненцев считается, что женщина с наступлением половой зрелости и до окончания менструаций является “нечистой”; “поганой” считается и нарта, на которой перевозится мешок с женской обувью — *сябу*, а также вещь, через которую переступила женщина; “очищение” производят, бросив в огонь кусочек кишечного жира, разжеванный во рту, *лоскут бобровой шкурки*, или путем пропускания “опоганенной” вещи через дужку котла, ведра и т. д. от трех до семи раз» [Терещенко 1965, 2008: 310].

шкуру и обшила этой шкурой свою паницу. С тех пор женская самоедская паница обшивается собачьей шкурой» (цит. по [НЖЗО 2006: 8]).

Особенность паниц горизонтального кроя — отсутствие шва на плечах: верхнюю часть рукава шьют вместе с наплечной частью лифа. К рукавам (Т *пáны' тю*” [Терещенко 1965, 2008: 442, 695]; Л *t'ü* [Попова 1978: 133], чу [Бармич, Вэлло 2002: 147] ‘рукав’), широким в пройме и суживающимся к обшлагу, пришивают рукавицы (Т *уба*” [Терещенко 1965, 2008: 392], канин., тиман. и м.-з. *оба*”²⁵; Л *'ñõра* [Попова 1978: 82], *уона* [Бармич, Вэлло 2002: 98] ‘рукавица’), сшитые из камыса — шкуры с ног оленя. При этом на уровне запястья делается небольшой разрез (Т *уба' ня'áв* ‘отверстие в рукаве, куда просовывается рука’ [Терещенко 1965, 2008: 392]), чтобы при необходимости женщина могла без труда высвободить руку.

Воротник паницы — Т *пáны' икáд*” < ик ‘шея’ [Терещенко 1965, 2008: 139] (ср. Т *yikød°q* < *yik°* [Salminen 1998: 542], где символом *i* обозначена долгая фонема *ĩ*), Л *ве'ктат*²⁶ ‘ворот одежды; воротник’ < *ве'к* ‘шея’ [Бармич, Вэлло 2002: 17] (ср. Л *β'ekat* ‘ворот’ < *β'ek* ‘шея’ [Попова 1978: 147]) — принято изготавливать из шкуры песца (Т *нохо' икáд*” ‘песцовый воротник’ [Терещенко 1965, 2008: 139, 317]) или лисицы (Т *тёня' икáд*” ‘лисий воротник’ [Терещенко 1965, 2008: 139, 654]), т. к. мех этих животных хорошо сохраняет тепло: *Нохо' тэва пáны' икда'юэ сэва* ‘Хвост песца очень подходит для воротника верхней женской одежды’ [Терещенко 1965, 2008: 139].

Свидетельство о том, что в Канинской тундре воротники для женской одежды изготавливаются из лисьей шкуры, представлено в первом стихотворении А. И. Пичкова из цикла «Из песен ненецких женщин» (перевод с русского языка на Т ненец. выполнен Н. В. Ледковым):

«Мань *икдув*²⁷ *наровна яда, // пибин — тэ'на' нэ' нина жу*”. // *Ядадма уэван ну'мада, // пай сэв' мюд — нумгыд есана*”. // <...> // Мань *икдув наровна яда, // пибин — тэ'на' нэ' нина жу*”. // *Тёнямд хари' пир'нав хада, // сеюв вуни тирас' пина*» («Не' сэхот», I) [Пичков 2000: 97—98].

«Еще **воротник мой** — в лесу, // пимы — на оленьих ногах. // Но голову гордо несущу, // и звезды — в раскосых глазах. // <...> // Еще **воротник мой** — в лесу, // пимы — на оленьих ногах. // Сама я добуду лису, // в лес выйду, неведом мне страх» («Из песен ненецких женщин», I) [Пичков 2000: 97].

Для того чтобы мех на воротнике дольше оставался красивым и пушистым, некоторые ненецкие мастерицы пришивают к нему птичью железку, которая выделяет жир, предохраняющий перья от намокания (обычно железку гаги или гуся) [ПИМАЯ 2008—2009, 2010]. Когда воротник паницы изнашивается, его отпарывают и заменяют новым.

К бортам паницы (Т *пáны' вар*” [Терещенко 1965, 2008: 44—45]) от воротника до самого низа на некотором расстоянии друг от друга пришивают завязки из ровдуги (замши из оленьей кожи): Т *пáны' сись*’ ‘завязка из замши у паницы’ [Терещенко 1965, 2008: 563], *syisy°h* [Salminen 1998: 513]; Л *ши'иш* ‘пуговица (на одежде)’, ‘завязка (на одежде)’, ‘вешалка (петля на одежде)’ [Бармич, Вэлло 2002: 156], *'šišāy* ‘пуговица’, ‘застежка, завязка’ [Попова 1978: 121]. Большинство этих ремешков (верхние) завязываются изнутри, для чего женщине приходится вынимать руки из рукавов; нижние же — снаружи, внахлест, так, чтобы одна пола заходила на другую.

На уровне талии завязки не делают, т. к. паницу следует подвязывать поясом: Т *не'ни* ‘женский пояс’ [Терещенко 1965, 2008: 309], *nyí* [Salminen 1998: 274] (т. е. *nĩ*); Л *ни* ‘пояс’ [Бармич, Вэлло 2002: 82], *'ñiñβ'i, ħa*²⁸ ‘пояс для верхней одежды’ [Попова 1978: 67]. К одному из концов пояса женщина пришивает медную пряжку (Т *ни' еся*” ‘металлические украшения на поясе; пряжка женского пояса’, *ни' мара* ‘небольшая металлическая пряжка на поясе’ [Терещенко 1965, 2008: 309]; Л *'mala* ‘пряжка, застежка’ [Попова 1978: 51]) — большое (диаметр некоторых пряжек превышает 20 см) кольцо, в которое продевается длинный конец пояса (Рис. 4, 5). Считается, что такое металлическое кольцо оберегает женщину от болезни и сглаза, а также «держит живот», не позволяя «надорваться», когда приходится поднимать тяжелые вещи; появиться же перед гостями неподпоясанной — неприлично для женщины.

Обычно под «горизонтальную» паницу надевают подклад (Т *пáны' янд*”(ð) ‘подкладка’ [Терещенко 1965, 2008: 842], *yønt°q* [Salminen 1998: 536]; Л *ħānt?* ‘нижняя женская шуба’, ‘подкладка’ [Попова 1978: 14]), сшитый мехом вовнутрь из летней или зимней шкуры взрослого оленя, — его не пришивают к панице, а просто надевают под нее. При этом покрой подклада отличается от покроя самой паницы: спина *пáны' янд*” выкраивается из целой оленьей шкуры, к которой пришивают боковые клинья.

²⁵ Для западных диалектов Т ненец. (канинского, тиманского и малоземельского) характерно отсутствие *ñ* в абсолютном начале слова, т. е. возможны гласные в начале слова (подробнее см. [Salminen 1998: 16]).

²⁶ Ср. Л *β'ek'tat* ‘часть малицы от шапки до плеч’ [Попова 1978: 147].

²⁷ Форма именительного падежа единственного числа с посессивным аффиксом первого лица единственного числа.

²⁸ Ср. Л *ни видя* ‘ремень’ [Бармич, Вэлло 2002: 82].

В западной тундре помимо «горизонтальных» паниц, верхние части которых сшиты из беличьих, лисьих или бобровых шкурок, встречаются также Т *пена' паны* "камьсные паницы" [Терещенко 1965, 2008: 442, 457]. Материалом для их верхней части (Т *паны' хаюк* [Хомич 1966: 125]) служат детали, выкроенные из темных и белых шкур с оленьих ног — камысов (Рис. 6—11). Сшитые вместе, эти детали образуют узор — белый на темном фоне или темный на белом (более редкий и, соответственно, нарядный). Такой узор из узких вытянутых треугольников и зигзагов из темного и светлого камыса, которые примыкают друг к другу, называется Т *хацала'ма* 'зацепленный' (Рис. 12, 13). Особенно широко он распространен в Канинской тундре: им украшают верхние передние части и наплечные лифы паниц [ПИМАК 2011].

Кроме этого узора на паницах канинских и тиманских женщин можно встретить и другие — узкие узоры, основными элементами которых являются полосы: Т *ябтик* "тонкий" (< Т *ябта* 'тонкий, узкий' [Терещенко 1965, 2008: 822], *yabta* [Salminen 1998: 536]) и *паны' падар* "полосы" [Терещенко 1965, 2008: 429] (Рис. 14). Этими узорами, составленными из узких темных и белых меховых полос, перемежающихся друг с другом, украшают как верхнюю переднюю часть паницы, так и ее спину — Т *паны' маха* [Терещенко 1965, 2008: 242, 442]. Узоры восточных ненецких паниц значительно отличаются от западных: они более «разветвленные» и имеют сходство с хантыйскими.

2.2. Ненецкая женская одежда восточного типа (ягушка вертикального покроя)

Паницы (или ягушки, Т *не' паны*) второго, **восточного**, типа отличаются от «трехчастных» как материалом, из которого они изготавливались, так и самим покроем (Рис. 15—21). Их шьют целиком из шкур трехмесячных оленят, которых для изготовления одежды взрослой женщины может потребоваться около восьми: Т *няблюй' хоба* 'шкура неблюя', *няблюй' неблюй* (осенний теленок)²⁹, 'телячья шкура, снятая примерно в сентябре, пригодная для малицы', *торик няблюй* 'шкура неблюя, которая употребляется для пошива женской верхней одежды' [Терещенко 1965, 2008: 336], *nyøb°lyuy°* [Salminen 1998: 490]; Л *няплюй* 'вновь выросшая шерсть оленя (к осени)' [Бармич, Вэлло 2002: 89], *ñāp'ŋij* 'осенний теленок', 'шкурка теленка, снятая осенью' [Попова 1978: 62].

Кроят такие ягушки (паницы) не в горизонтальном, а в **вертикальном** направлении: стан женской одежды этого типа состоит из спины (Т *паны' маха* [Терещенко 1965, 2008: 242, 442]), собранной из трех частей, и двух пол. Рукава (Т *паны' тю*) кроются отдельно и имеют ластовицы, к ним так же, как и к паницам первого типа, пришивают рукавицы (Т *паны' ноба*). Подол (Т *паны' пан*) выкраивается отдельно, часто из шкуры более темного оттенка, обычно совпадающей по цвету с бортами. Воротник (Т *паны' икад*; *yikød°q* [Salminen 1998: 542]) чаще всего шьют из меха песца, реже — лисицы или зайца (на о. Колгуев — также из оленьего меха). Завязываются «вертикальные» ягушки (паницы) так же, как и «трехчастные», с помощью ровдужных ремешков (Т *паны' сись*; *syisy°h* [Salminen 1998: 513]).

Ненецкие женщины украшают плечевые части, манжеты рукавов и борта «вертикальных» паниц (ягушек) разноцветными суконными полосками, а также узорами из темного и белого камыса с суконными вставками по швам — Т *пена' мадавы* "узоры из камыса" [Терещенко 1965, 2008: 214], *mødawi°* [Salminen 1998: 59, 483]³⁰; Л *матамы* 'узор, орнамент' [Бармич, Вэлло 2002: 66], *матамый* 'узор' [Приходько 2000: 104, 171]. Обычно женщина пришивает заранее заготовленные орнаменты к плечевой части рукава (Т *марьць' мадавы* "плечевые узоры" [Терещенко 1965, 2008: 214, 238]; Л *мадьий' матамый* 'узоры на плечах' [Приходько 2000: 104, 171]), к обшлаго (Т *тю' мадавы* "узоры на рукаве" [Терещенко 1965, 2008: 214, 695]; Л *чу' матамый* 'узоры на рукавах' [Приходько 2000: 104, 172]; см. Рис. 22), вдоль бортов (Т *сись' хэвхы вар' мадавы* "узор по краю рядом с завязками"; см. Рис. 22, 23) и на месте соединения стана с подолом (Т *пан' мадавы* "узоры на подоле" [Терещенко 1965, 2008: 214, 440]; см. Рис. 23, 24).

Среди самых распространенных узоров, служащих украшением женской одежды, можно перечислить следующие:

1) Т *уэвак* "головки" [Терещенко 1965, 2008: 414] < Т *уэва* 'голова' [там же: 412]; ср. *уэвак мадавы* 'вырезанный из шкуры орнамент в виде ромба с одной незамкнутой частью' [там же: 414], *ngæwak°* [Salminen 1998: 497];

²⁹ Под «теленком» здесь и далее понимается олененок, детеныш оленя.

³⁰ Т ненец. *мадавы* 1) 'разрезанный, срезанный, отрезанный, перерезанный, вырезанный (<...>'; 2) 'узор, орнамент' [Терещенко 1965, 2008: 214], *mødawi°* [Salminen 1998: 59, 483] < Т *мада(сь)* 'разрезать, срезать, отрезать, перерезать, вырезать (<...>' [Терещенко 1965, 2008: 213—214], *mōda-* [Salminen 1998: 483]. Здесь мы имеем дело с двумя разными интерпретациями гласного первого слога в этом корне (в традиционной орфографии — *a* и *ä*).

2) *мялха уэвак* — ‘вытянутые, похожие на чум головки’ (букв. ‘подобные чуму головки’) — обычно вдоль бортов;

3) *нямд* — ‘рога’ [Терещенко 1965, 2008: 348], *пуамт°q* [Salminen 1998: 491];

4) более сложный орнамент *мэкад нямд* — ‘заячьи уши, интересные рога’ [Терещенко 1965, 2008: 269, 348], *текад° пуамт°q* [Salminen 1998: 486, 491] — обычно на плечевой части рукава и в месте соединения стана с подолом.

В Малоземельской тундре (на левом берегу Печоры) ненецкие женщины украшают свои паницы вертикального кроя и другими узорами, например: Т *тёня’ сáлик* ‘локоть лисицы’ [Терещенко 1965, 2008: 523, 654] и *тэвэйси’ ха* — ‘заячьи уши’ (букв. ‘бесхвостого уши’) [там же: 685, 707], ср. *тэвэсыи́ хаq* [Salminen 1998: 518, 529]. В Большеземельской тундре (на правом берегу Печоры) чаще используют орнаменты Т *вэрк’ яд’ма* — ‘следы (отпечатки ступни) медведя’ [Терещенко 1965, 2008: 46, 830], *ворк°h уад°qтаq* [Salminen 1998: 523, 536] и *хора’ ламбай*” (*хора’ ламбэй*) ‘передние широкие ответвления рогов оленя-самца’ [Терещенко 1965, 2008: 174, 771], *хорah лөтпей°q* [Salminen 1998: 534, 480]. Подробнее об украшении и орнаментах на ненецкой женской одежде, а также их локальных особенностях см.: [Федорова 1988; Рандин 1993; Рындина 1995; Бармич 2004; Бобрикова 2004; УСС 2005]; об орнаментах на одежде хантов, живущих в Нижнем Приобье, в местах расселения ненцев, см. [Сязи 2000].

Малоземельские и большеземельские паницы вертикального кроя различаются не только узорами: ненецкие женщины, живущие в Малоземельской тундре, выкраивают более широкий подол (Т *лата пáны’ пан*), чем жительницы Большеземельской тундры. О территориальных различиях женской одежды писала и Л. В. Хомич: «⟨...⟩ на полуострове Ямал подол, борта и нижнюю часть рукавов делали всегда из темного меха» [Хомич 1966: 126].

Кроме того, необходимо отметить существование нескольких **функциональных подтипов** традиционной ненецкой женской одежды. Нарядную паницу (ягушку), украшенную орнаментом, — Т *мадавы пáны* [Терещенко 1965, 2008: 442] (*төдави рөни°* [Salminen 1998: 483, 58]), Л *матамъй пáннъй* ‘ягушка с узорами’ [Приходько 2000: 104, 172] — ненецкие женщины надевают на праздник (в первую очередь День оленевода) или для поездки в гости (Рис. 25). Старая поношенная паница (ягушка), бывшая в употреблении несколько лет, отчего оленьи шкуры, из которых она были сшита, вытерлись, а сама она стала легче и менее теплой, используется во время хозяйственной работы в чуме, у печки или открытого огня (Рис. 26): Т *хорэця пáны* ‘хорэця (старая изношенная женская одежда, которую надевают в чуме у огня)’, тайм. ‘одежда из ровдуги (сшитая на летнее время)’ [Терещенко 1965, 2008: 773—774]; Л *кóльша* ‘ягушка старая (из замши)’ [Приходько 2000: 172], *мякша* ‘старая ягушка’ [Приходько 2000: 171]. Теплая пушистая паница (ягушка) — Т *ёря пáны* [Терещенко 1965, 2008: 442—443] — используется во время кочевки и хозяйственной работы на улице в холодную погоду (Рис. 27). А вместо одеяла в чуме служит специально предназначенная для этого паница (ягушка), которая есть у каждого члена семьи (Т *то’(н), той пáны* ‘женская одежда, которой накрывается на ночь мужчина’ [Терещенко 1965, 2008: 673]): ей накрываются не только женщины, но и мужчины (и дети); эту же паницу мужчина часто надевает или набрасывает себе на плечи, когда находится в чуме [ПМАЯ 2008—2009, 2010].

В возрасте около четырех лет ненецкая девочка надевает свою первую паницу (ягушку); как правило, до этого возраста дети обоих полов ходят в малице — одежде глухого покроя. Как отмечает Л. В. Хомич, «панницы даже для маленьких девочек очень тщательно украшались орнаментом из меха и суконными прошивками» [Хомич 1966: 132] (см. Рис. 28, 29). Подрастая, девочка смотрит на пробегающих вместе со стадом трехмесячных оленят, показывает матери тех, из шкурок которых ей хотелось бы новую, может, даже белую паницу (Т *сэр пáны* ‘белая паница’ [Терещенко 1965, 2008: 442, 586]), Л *хэл пáннъй* ‘ягушка из белой шкуры’ [Приходько 2000: 172]), сама учится кроить и шить сухожильными нитками одежду из оленьих шкур, собирает камысы и вырезает из них узоры для отделки будущих паниц.

2.3. Летняя суконная паница (ягушка)

Традиционная ненецкая женская одежда, предназначенная для использования в летнее время, шьется из сукна (Рис. 30—38). Суконную паницу (ягушку) — Т *ной пáны, нояця*, м.-з. *нойко* [Терещенко 1965, 2008: 317]; Л *ной паны* [Бармич, Вэлло 2002: 104], *ной пáннъй* ‘суконная ягушка’ [Приходько 2000: 103, 171] — кроят так же, как и меховую «вертикальную» паницу (без швов на плечах), только в нижнюю часть стана вставляют дополнительные клинья (в Канинской тундре подол принято обшивать собачьим или оленьим мехом — Рис. 39—41). Воротник обычно изготавливают из песцового или лисьего меха. Суконная паница (ягушка) тундровых ненцев не имеет рукавиц и подклада. Следует, однако, отметить, что лесные ненцы используют суконные ягушки и в зимнее время, надевая под них специальный подклад, сшитый из оленьих шкур.

Как правило, основные детали летней паницы шьют из сукна одного цвета, манжеты рукавов и подол — из другого (Рис. 34, 35, 42), а украшают паницу узкими суконными вставками третьего, яркого, оттенка и узорами (Рис. 43—45): «Располагая свободой выбора в отношении цвета применяемого сукна, самодийцы отдавали явное предпочтение красному, далее следовали желтый и зеленый цвета. Приоритет оттенков красного объясняется тем, что сукно пришло на смену ровдуге, окрашенной в красный цвет. Вся радужная цветовая триада служила олицетворением радуги, украшавшей, по мнению народа, подол одежды его верховного божества Нума» [УСС 2005: 10—11].

Некоторые мастерицы шьют себе летнюю одежду из разноцветных суконных полотнищ, в этом случае паница не имеет клиньев. Покрой такой «бесклинной» паницы считается старинным — в отличие от кроя одноцветной «суконки» с клиньями. По данным Л. В. Хомич, существуют и некоторые локальные отличия в пошиве *ной паны*: «Так, в европейских тундрах, кроме Малой Земли (Малоземельской тундры), иногда подол отделявали опушкой из собачьего, оленьего, а позднее часто телячьего (коровьего) меха» [Хомич 1966: 130].

Красоте суконной женской паницы посвящено третье стихотворение А. И. Пичкова из цикла «Из песен ненецких женщин» (перевод на Т ненец. выполнен Н. В. Ледковым): «*Нерманзь ядба "нан хубтан" тон', // ной паным' мэ "намзяню", // сава имд мине пумнан то, // си "ми" ядабтансяню*» («Не" сэхот», III) [Пичков 2000: 101]. «За водой к озерам дальним // шла в панице расписной, // ты веселый, не печальный, // следом шел и шел за мной» («Из песен ненецких женщин», III) [Пичков 2000: 100].

3. Этапы эволюции и география распространения типов ненецкой женской одежды

Л. В. Хомич отмечает, что женская одежда горизонтального покроя («космологическая» паница, отражающая народные представления о трехчастности мироздания), которая сейчас бытует только в крайнезападных районах расселения ненцев (к тому же редко), в XVIII и XIX вв., а также эпизодически и в начале XX в. была распространена у всех групп ненцев вплоть до Енисея (сведения о бытовании такой одежды у ненцев Ямала относятся к началу XX в. [УСС 2005: 8]). Об этом свидетельствуют материалы В. Ф. Зуева [Зуев 1947: 28], И. Г. Георги [Георги 1799: 9], П. С. Палласа [Паллас 1788: 91] и более поздние — В. В. Бартенева [Бартенев 1896: 131] и К. М. Рычкова [Рычков 1916: 173].

В одном из первых (XVIII в.) подробных описаний ненецкой женской одежды, сделанном В. Ф. Зуевым, воссоздается облик именно «трехчастной» («горизонтальной») паницы, сшитой «из разных суконных лоскутков, на груди и на спине из неплюевой³¹ кожи»: «Сзади и спереди навешено несколько лоскутков из оленьих кож, также и сукон, кругом имеются по платью три кунды³² (опушки) из разных лучших зверей, спереди не застегиваются, но подпоясываются ремнем и на брюхе, вместо завязывания узлом, имеет большое железное кольцо, на которое другой конец ремня привязывает, впрочем, шуба сия не долгая и не пространная, но чтоб полы только сходились, а длиной пониже колена, внизу носят штаны ровдужные (...)» [Зуев 1947: 28].

Считается, что «горизонтальная» паница более архаична и характерна для раннего периода распространения ненцев в тундре [УСС 2005: 6]. Так, Л. В. Хомич пишет: «Нам представляется возможным на основании имеющихся литературных материалов и наличия в настоящее время обоих типов <женской одежды>³³ в Канинской тундре считать, что некогда первый тип ненецкой женской одежды (панница с опушкой из собачьего меха) был распространен среди всех групп ненцев. Ненецкая верхняя зимняя одежда (мужская и женская) в сравнительно недавнее время была заимствована северными хантами и манси, а также русскими и коми, проживающими в районах расселения ненцев³⁴. Видимо, ханты, заимствовав женскую распашную одежду у ненцев, внесли в нее изменения (подол из оленьего меха, мозаичный орнамент из белого и темного камуса (камыса) вдоль бортов и подола), а в измененном виде она стала проникать к ненцам, вытесняя одежду с собачьим мехом. Таким образом, собственно ненецкой одеждой можно считать шубу *таряв паны* (т'аряв' паны)» [Хомич 1966: 126].

Ненецкая паница, будучи традиционной одеждой, претерпела ряд исторических изменений: «Выход предков самодийцев в тундровые просторы сопровождался изменением многих черт их культуры. В

³¹ Рус. *небллой* < Т ненец. *нябллой* 1) 'небл'ой (осенний теленок)', 2) 'телячьа шкура, снятая примерно в сентябре, пригодная для малицы' [Терещенко 1965, 2008: 336] (под «теленком» здесь понимается олененок, детеныш оленя).

³² Ср. Т ненец. *хунды* 'старинная женская одежда из бобровых шкур, отделанная беличьей шкуркой и разноцветными сукнами, с подолом из собачьей шкуры' [Терещенко 1965, 2008: 781].

³³ Т. е. горизонтального и вертикального покроев.

³⁴ См. подробнее об одежде ханты [Прыткова 1953: 151], об одежде коми — [Белицер 1958: 257, 284].

процессе изготовления одежды активно стали использоваться большие полотнища оленьего меха. Это преобразовало покрой одежды, в частности женских шуб (т. е. паниц, ягушек), и внесло коррективы в их отделку. Элементом украшения стали узкие мозаичные полосы, вставленные вдоль конструктивных швов, а позднее и орнаментация. Однако традиция сборного меха³⁵ не исчезла совсем, а продолжает жить в виде декоративных рудиментов. (...) Лоскутная технология применительно к сукну явилась прямой продолжительницей традиции составного меха. (...) Непревзойденное искусство подбора и компоновки меховых шкур своей виртуозностью также обязано традиции сборного меха, тысячелетиями оттачивавшей вкус и мастерство самодийской женщины» [УСС 2005: 11].

О традиции сборного меха, характерной в первую очередь для «трехчастных» («горизонтальных», наиболее архаичных) паниц, см. также: «В традиции изготовления сборного меха сокрыта глубокая архаика, связанная со временем проживания предков самодийцев в таежной зоне. Их основными занятиями несколько тысячелетий назад были охота и рыболовство. Одежда изготавливалась из шкур добытых зверей — зайца, северного оленя, соболя, куницы, белки — и входила в сферу женского рукоделия. Устойчивой традицией охотничье-рыболовческого хозяйства покоятся на принципе экологичности: человек должен очень хорошо чувствовать меру своих потребностей и брать у природы ровно столько, сколько ему действительно необходимо, а, взяв, использовать все без остатка. Традиция самодийцев и по сей день запрещает выбрасывать мелкие кусочки от шкурок добытых зверей, т. к. считается, что в противном случае не будет охотничьей удачи в дальнейшем. Возникновение традиций сборного меха было определено всем жизненным укладом древнего таежного населения» [УСС 2005: 10].

Позже территория распространения «горизонтальных» паниц значительно сузилась: в основном женскую одежду такого покроя продолжали шить жительницы Канинской и Тиманской тундры, тогда как ненецкие женщины, кочующие со своими семьями в низовьях Печоры (в Малоземельской и Большеземельской тундрах), чаще стали одеваться в паницы восточного типа, повсеместно распространенные в Зауралье. В настоящее время женские паницы горизонтального покроя имеют очень ограниченное распространение (крайнезападные территории расселения ненцев), тогда как «вертикальные» паницы (ягушки) в настоящее время могут встречаться как к востоку, так и к западу от Урала (Рис. 16—21).

Как уже было сказано выше, ненецкие (Т и Л ненец.) слова, обозначающие паницу (ягушку), принято сравнивать с энец. *фоно* ‘женский комбинезон’ и нган. *honi’ə* ‘штаны’ [Helimski 2007]. Комплект женской одежды у нганасан и энцев включал комбинезоны — верхний и нижний: верхние комбинезоны представляли собой сочетание корсажа со штанами с закрытой грудью (*hónie*), которые шили из шкуры мехом внутрь; нижний комбинезон шили из ровдуги. Утепленный *hónie* делался из шкур с подстриженной шерстью, его надевали поверх ровдужного комбинезона (подробнее см. [Амелина, Норманская 2013: 16]).

Можно предположить, что ПСС **pəŋjə* (**pəŋz*) имело значение ‘верхняя одежда, меховой комбинезон’, поскольку и у ненцев встречались рудименты комбинезона. Как отмечается в [Хомич 1966: 128], в районах, расположенных восточнее полуострова Канин Нос, женские штаны имели «пришивной нагрудник, представляющий собой полосу меха или ровдуги от талии до шеи». Сверху такой нагрудник имел два ровдужных ремешка, которые завязывались сзади на шее. Наличие нагрудника объясняется бытованием женской распашной одежды (Т ненец. *пáны* [Терещенко 1965, 2008: 442]) «в условиях суровой природы» [Хомич 1966: 128]. Заслуживает внимания следующее сообщение А. Соболева о ненцах Гыданского полуострова: «(...) на теле женщина носит из шкуры оленя нечто вроде длинного передника от шеи до колен, надеваемого на плечи при помощи ременных лямок» [Соболев 1926: 128]. В издании [Хомич 1966: 128] указывается, что «ненецкий нагрудник является рудиментом комбинезона, воспринятого самодийскими народностями от аборигенов северного побережья». Вероятно, предположение о заимствовании обусловлено тем, что, насколько нам известно, комбинезон является традиционной одеждой палеоазиатов (подробнее см. [Амелина, Норманская 2013: 16]).

С исчезновением у ненцев комбинезонов такого типа слова Т *пáны* и Л *паны*, *панэй* стали описывать верхнюю женскую одежду, а с появлением паницы (ягушки) — использоваться и для ее обозначения, т. к. именно она стала основной верхней женской одеждой ненцев.

Итак, сравнение ненецкого слова с его этимологическими аналогами в других самодийских языках позволяет сделать вывод о том, что паница (ягушка) является специфической ненецкой одеждой, не свойственной другим самодийским народам, что она появилась, вероятно, уже после разделения северносамодийских языков. Поскольку ненецкое название паницы (ягушки) не было заимствовано и имеет

³⁵ Технология сборного меха характерна для оформления верхней части паницы горизонтального покроя («трехчастной»).

этимологические аналоги в других самодийских языках, можно предположить, что и сам фасон не был заимствован, а появился на собственно ненецкой почве [Амелина, Норманская 2013: 16].

Затем покрой ненецкой ягушки был заимствован соседними, в т. ч. несамодийскими, народами: «Контакты с хантами, энцами и селькупам в XVIII — начале XX в. привели к распространению ненецкой одежды у части этих народов» [Квашнин 2007: 59]. В результате контактов с хантыйским населением ненецкая ягушка в свою очередь подверглась некоторым изменениям: «Фигурные узоры на ягушках (изображающие оленье рога, след медведя, головки соболя, заячьи уши и т. д.) вместо опушки по подолу собачьим мехом, по мнению Л. В. Хомич, первыми стали делать ханты, которые заимствовали у ненцев тип распашной женской одежды³⁶ (...). С такими видоизменениями ягушка стала проникать к ненцам. Поначалу ямальские ненки пришивали к своим ягушкам тонкие полоски ткани с мелким однообразным узором, а потом постепенно перенимали искусство орнаментирования у приуральских и нижнеобских хантов» [Квашнин 2007: 60].

Даже в настоящее «глобальное» время традиционная женская паница (ягушка) продолжает оставаться не просто практичной одеждой, которая защищает от северного ветра и мороза, но и своего рода знаковой системой, способом рассказать о себе, воплощением эстетических представлений о красоте и религиозных — об устройстве мироздания.

Рис. 1. Традиционная канинская паница горизонтального кроя («трехчастная» паница), сшитая из беличьего (сверху), оленьего (в середине) и собачьего (снизу) меха (вид спереди). Канинская тундра (п-ов Канин Нос), с. Ома Заполярного р-на НАО; май 2011 г. *Фото автора.*

Рис. 2. Традиционная канинская паница горизонтального кроя («трехчастная» паница), сшитая из беличьего (сверху), оленьего (в середине) и собачьего (снизу) меха (вид сзади). Канинская тундра (п-ов Канин Нос), с. Ома Заполярного р-на НАО; май 2011 г. *Фото автора.*

³⁶ См. об этом [Хомич 1966: 126].

Рис. 3. Рукав традиционной канинской паницы горизонтального кроя («трехчастной» паницы), сшитый из кусков беличьего меха и украшенный сукном, обвитым узкими полосками оленьего меха.

Канинская тундра (п-ов Канин Нос), с. Ома Заполярного р-на НАО; май 2011 г. *Фото автора.*

Рис. 4. Пряжка женского пояса. Заполярный р-н НАО, стойбище близ г. Нарьян-Мар; август 2012 г. *Фото автора.*

Рис. 5. Пряжка женского пояса. Заполярный р-н НАО, с. Красное; март 2012 г. *Фото автора.*

Рис. 6. Традиционная паница горизонтального кроя с узорами из камыса, привезенная с п-ова Канин Нос (вид спереди); хранится в фондах «Этнокультурного центра НАО» (г. Нарьян-Мар). *Фото автора* (2012 г.).

Рис. 7. Традиционная паница горизонтального кроя с узорами из камыса, привезенная с п-ова Канин Нос (вид сзади); хранится в фондах «Этнокультурного центра НАО» (г. Нарьян-Мар). Фото автора (2012 г.).

Рис. 8. Традиционная паница горизонтального кроя с узорами из камыса, привезенная с п-ова Канин Нос (вид сбоку); хранится в фондах «Этнокультурного центра НАО» (г. Нарьян-Мар). Фото автора (2012 г.).

Рис. 9. Традиционная канинская паница горизонтального кроя с узорами из камыса (вид спереди). Канинская тундра (п-ов Канин Нос), с. Ома Заполярного р-на НАО; май 2011 г. Фото автора.

Рис. 10. Традиционная канинская паница горизонтального кроя с узорами из камыса (вид сзади). Канинская тундра (п-ов Канин Нос), с. Ома Заполярного р-на НАО; май 2011 г. Фото автора.

Рис. 11. Ненецкая женщина в традиционной канинской панице горизонтального кроя с узорами из камыса. Канинская тундра, п-ов Канин Нос. Фото Кожжевина Г. С.

Рис. 12. Традиционные канинские узоры из камыса на спине и плечевой части рукавов паницы горизонтального кроя. Канинская тундра (п-ов Канин Нос), с. Ома Заполярного р-на НАО; май 2011 г. Фото автора.

Рис. 13. Традиционные канинские узоры из камыса на плечевой части рукавов и переднем лифе паницы горизонтального кроя, привезенной с п-ова Канин Нос (хранится в фондах «Этнокультурного центра НАО», г. Нарьян-Мар). Фото автора (2012 г.).

Рис. 14. Традиционные канинские узоры из камыса на панице горизонтального кроя. Канинская тундра (п-ов Канин Нос), с. Ома Заполярного р-на НАО; май 2011 г. Фото автора.

Рис. 15. Девушка из рода Вануйто в ямальской повседневной ягушке (панице) вертикального кроя. Север п-ова Ямал, Тамбейская тундра, стойбище семей Вэнго и Вануйто (ЯНАО, Ямальский р-н); июнь 2009 г. *Фото автора.*

Рис. 16. Ненецкая женщина (жительница с. Красное Заполярного р-на НАО, участница фольклорного коллектива «Нянэй сё») в большеземельской праздничной панице с узорами; август 2012 г. *Фото автора.*

Рис. 17. Традиционная большеземельская паница вертикального кроя (вид спереди); хранится в фондах «Этнокультурного центра НАО» (г. Нарьян-Мар). *Фото автора (2012 г.).*

Рис. 18. Традиционная большеземельская паница вертикального кроя (вид сзади); хранится в фондах «Этнокультурного центра НАО» (г. Нарьян-Мар). *Фото автора (2012 г.).*

Рис. 19. Ненецкие женщины в традиционных канинских паницах вертикального кроя с узкими узорами-полосками из камыса. Канинская тундра, п-ов Канин Нос. Фото Кожевина Г. С. (из семейного архива Бобриковой И. Н. — крайняя справа).

Рис. 20. Ненецкие девочки в традиционных канинских паницах вертикального кроя. Канинская тундра, п-ов Канин Нос. Фото Кожевина Г. С. (из семейного архива Бобриковой И. Н.).

Рис. 21. Жительница о-ва Колгуев Апицына Степанида Ивановна в панице вертикального кроя (подпоясанной плетеным поясом с круглой пряжкой), колгуевской шапке и традиционной обуви (п. Бугрино, 1987 г.). Фото из личного собрания Ледковых И. Е. и Ю. А., а также фондов Ненецкого краеведческого музея (г. Нарьян-Мар, НАО).

Рис. 22. Узоры на нижней части рукавов и бортах традиционной большеземельской паницы вертикального кроя (хранится в фондах «Этнокультурного центра НАО», г. Нарьян-Мар). Фото автора (2012 г.).

Рис. 23. Узоры на бортах и подоле традиционной ямальской ягушки (паницы) вертикального кроя. Ямальская тундра (п-ов Ямал), с. Сё-Яха Ямальского р-на ЯНАО; апрель 2009 г. Фото автора.

Рис. 24. Узоры на рукавах и подолах большеземельских праздничных паниц (одежда участниц фольклорного коллектива «Нянэй сё»). Большеземельская тундра, с. Красное Заполярного р-на НАО (2012 г.). Фото автора.

Рис. 25. Ненецкие девушки в нарядных орнаментированных ягушках (паницах) на праздновании Дня оленевода. Ямальская тундра (п-ов Ямал), с. Сё-Яха Ямальского р-на ЯНАО; апрель 2009 г. Фото автора.

Рис. 26. Женщина из рода Вануйто в ямальской рабочей ягушке (панице) вертикального кроя за выделкой камысов в чуме. Север п-ова Ямал, Тамбейская тундра, стойбище семей Вэнго и Вануйто (ЯНАО, Ямальский р-н); июнь 2009 г. Фото автора.

Рис. 27. Женщина и девочка в теплых ягушках (паницах) вертикального кроя во время длительной дороги на снегоходах. Север п-ова Ямал, Тамбейская тундра (ЯНАО, Ямальский р-н); апрель 2010 г. Фото автора.

Рис. 28. Девочка Неко из рода Окотэтто в традиционной ямальской ягушке (панице) вертикального кроя. Север п-ова Ямал, Тамбейская тундра, стойбище семьи Окотэтто (ЯНАО, Ямальский р-н); август 2010 г. Фото автора.

Рис. 29. Девочка из рода Окоэтто в теплой ягушке (панице) вертикального кроя во время длительной дороги на снегоходе. Север п-ова Ямал, Тамбейская тундра (ЯНАО, Ямальский р-н); апрель 2010 г. Фото автора.

Рис. 33. Ненецкая женщина в большеземельской праздничной суконной панице на Дне оленя (2 августа 2012 г.). Заполярный р-н НАО, стойбище близ г. Нарьян-Мар. Фото автора.

Рис. 30. Участницы фольклорного коллектива «Нянэй сё» в большеземельских суконных паницах с узорами во время своего выступления. Большеземельская тундра, с. Красное Заполярного р-на НАО; март 2012 г. Фото автора.

Рис. 31. Ненецкие женщины в праздничных суконных паницах на Дне оленя (2 августа 2012 г.). Заполярный р-н НАО, стойбище близ г. Нарьян-Мар. Фото автора.

Рис. 32. Ненецкая женщина в праздничной суконной панице на Дне оленя (2 августа 2012 г.). Заполярный р-н НАО, стойбище близ г. Нарьян-Мар. Фото автора.

Рис. 34. Традиционная малоземельская суконная паница (вид спереди); хранится в фондах «Этнокультурного центра НАО» (г. Нарьян-Мар).
Фото автора (2012 г.).

Рис. 35. Традиционная малоземельская суконная паница (вид сзади); хранится в фондах «Этнокультурного центра НАО» (г. Нарьян-Мар).
Фото автора (2012 г.).

Рис. 36. Ненецкие женщины в канинской и малоземельской суконных паницах (вид спереди); хранятся в фондах «Этнокультурного центра НАО» и личной коллекции (г. Нарьян-Мар).
Фото автора (2012 г.).

Рис. 37. Традиционная малоземельская суконная паница с узорами (вид сзади); хранится в личной коллекции (г. Нарьян-Мар).
Фото автора (2012 г.).

Рис. 38. Вануйто Лариса Николаевна в традиционной ямальской суконой ягушке (панице). Ямальская тундра (п-ов Ямал), с. Сё-Яха Ямальского р-на ЯНАО; сентябрь 2010 г. Фото автора.

Рис. 39. Бобрикова Инна Николаевна в традиционной канинской суконой панице с меховым подолом. Канинская тундра (п-ов Канин Нос), с. Ома Заполярного р-на НАО; май 2011 г. Фото автора.

Рис. 40. Традиционная канинская суконая паница с меховым подолом (вид спереди); хранится в фондах «Этнокультурного центра НАО» (г. Нарьян-Мар). Фото автора (2012 г.).

Рис. 41. Традиционная канинская суконая паница с меховым подолом (вид сзади); хранится в фондах «Этнокультурного центра НАО» (г. Нарьян-Мар). Фото автора (2012 г.).

Рис. 42. Узоры на бортах и подоле традиционной суконной паницы. Заполярный р-н НАО, стойбище близ г. Нарьян-Мар; август 2012 г. Фото автора.

Рис. 43. Традиционные клинья и узоры на подолах суконных паниц. Заполярный р-н НАО, стойбище близ г. Нарьян-Мар; август 2012 г. Фото автора.

Рис. 44. Узоры на подоле традиционной большеземельской суконной паницы. Заполярный р-н НАО, стойбище близ г. Нарьян-Мар; август 2012 г. Фото автора.

Рис. 45. Узоры на бортах и подоле суконной паницы, предназначенной для сценических фольклорных выступлений. Большеземельская тундра, с. Красное Заполярного р-на НАО; март 2012 г. Фото автора.

Сокращения

Языки и диалекты

нган. — нганасанский

ненец. — ненецкий

Л — лесной ненецкий

Лj. — ляминский диалект [Lehtisalo 1956]

S — сахалинский говор (по р. Сахалинская) [Lehtisalo 1956]

Nj. — нялинский диалект [Lehtisalo 1956]

T — тундровый ненецкий

б.-з. — большеземельский диалект

MB — усть-цилемский говор [Lehtisalo 1956]

Sj. — усинский говор (говор по р. Уса) [Lehtisalo 1956]

У — устьинский (пустозерский) говор (говор с. Устье — Пустозерска) [Lehtisalo 1956]	
зап. — западные диалекты	
канин. — канинский диалект	
М — мезенский говор [Lehtisalo 1956]	
м.-з. — малоземельский диалект	
тиман. — тиманский диалект	
тайм. — таймырский диалект	
ямал. — ямальский диалект	
О — обдорский говор (говор г. Обдорска, ныне — г. Салехарда) [Lehtisalo 1956]	
Т — тазовский диалект [Lehtisalo 1956]	
	эвен. — эвенский
ПСС — прасеверносамодийский	эвенк. — эвенкийский
ПТМ — пратунгусо-маньчжурский	неп. — непский говор
рус. — русский	энец. — энецкий

Полевые материалы

- ПМАБз 2012 — полевые материалы из экспедиции в с. Красное Заполярного района Ненецкого автономного округа (март, август 2012 г.); большеземельский диалект Т ненец.
- ПМАГ 2011 — полевые материалы из экспедиции в с. Гыда Тазовского района Ямало-Ненецкого автономного округа (сентябрь 2011 г.); гыданский диалект Т ненец.
- ПМАК 2011 — полевые материалы из экспедиции в с. Ома Заполярного района Ненецкого автономного округа (май — июнь 2011 г.); канинский диалект Т ненец.
- ПМАЛ 2012 — полевые материалы из экспедиции в с. Халясавэй Пуровского района Ямало-Ненецкого автономного округа (июль 2012 г.); пуровский диалект Л ненец.
- ПМАЯ 2008—2009 — полевые материалы из экспедиции в с. Сё-Яха (Сеяха) и Тамбейскую тундру Ямальского района Ямало-Ненецкого автономного округа (сентябрь 2008 г. — сентябрь 2009 г.); ямальский диалект Т ненец.
- ПМАЯ 2010 — полевые материалы из экспедиции в с. Сё-Яха (Сеяха) и Тамбейскую тундру Ямальского района Ямало-Ненецкого автономного округа (апрель — сентябрь 2010 г.); ямальский диалект Т ненец.

Общие

букв. — буквально	многокр. — многократный	этно. — этнический
длит. — длительный	несов. — несовершенный вид	N — имя существительное
	перен. — переносное значение	

Литература

- Амелина 2013 — Амелина М. К. Ненецкая верхняя одежда: парка и совик // Урало-алтайские исследования. 2013, 3 (10). С. 7—23. {*Amelina M. K. Nenetskaja verhn'aja odezhda: parka i sovik // Uralo-altajskie issledovanija*. 2013, 3 (10). P. 7—23.}
- Амелина, Норманская 2013 — Амелина М. К., Норманская Ю. В. История исконных названий одежды и обуви в ненецком языке // Урало-алтайские исследования. 2013, 2 (9). С. 13—61. {*Amelina M. K., Normanskaja Ju. V. Istorija iskonnyh nazvanij odezhdy i obuvi v nenetskom jazyke // Uralo-altajskie issledovanija*. 2013, 2 (9). P. 13—61.}
- Аникин, Хелимский 2007 — Аникин А. Е., Хелимский Е. А. Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи. М., 2007. {*Anikin A. E., Helimskij E. A. Samodijsko-tunguso-man'chzhurskie leksicheskie sv'azi*. М., 2007.}
- Бармич 2004 — Бармич М. Я. Орнаменты и узоры тундровых ненцев // Печорские были: Альманах. Нарьян-Мар, 2004. С. 99—107. {*Barmich M. Ja. Ornamenty i uzory tundrovyyh nentsev // Pechorskije byli: Al'manah. Nar'jan-Mar*, 2004. P. 99—107.}
- Бармич, Вэлло 2002 — Бармич М. Я., Вэлло И. А. Словарь ненецко-русский и русско-ненецкий (лесной диалект): Около 6500 слов. Пособие для учащихся начальной школы. 2-е изд. СПб., 2002. {*Barmich M. Ja., Vello I. A. Slovar' nenetsko-russkij i russko-nenetskij (lesnoj dialekt): Okolo 6500 slov. Posobie dl'a uchashchihs'a nachal'noj shkoly*. 2-e izd. SPb., 2002.}
- Бартенев 1896 — Бартенев В. В. На крайнем северо-западе Сибири: Очерки Обдорского края. СПб., 1896. {*Bartenev V. V. Na krajnem severo-zapade Sibiri: Oчерki Obdorskogo kraja*. SPb., 1896.}
- Белицер 1958 — Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми // Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Т. XLV. М., 1958. {*Belitser V. N. Oчерki po etnografii narodov komi // Trudy Instituta etnografii im. N. N. Mikluho-Maklaja*. Vol. XLV. М., 1958.}

Бобрикова 2004 — *Бобрикова Е. Н.* Технология обработки материалов, изготовления и художественной отделки традиционных изделий ненцев. СПб., 2004. {*Bobrikova E. N. Tehnologija obrabotki materialov, izgotovlenija i hudozhestvennoj otdelki traditsionnyh izdelij nentsev.* SPb., 2004.}

Георги 1799 — *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. 3. СПб., 1799. {*Georgi I. G. Opisanie vseh obitajushchih v Rossijskom gosudarstve narodov. Part 3.* SPb., 1799.}

Зуев 1947 — *Зуев В. Ф.* Материалы по этнографии Сибири XVIII в. (1771—1772 гг.). М.—Л., 1947. {*Zuev V. F. Materialy po etnografii Sibiri XVIII v. (1771—1772 gg.).* М.—Л., 1947.}

Иславин 1847 — *Иславин В. А.* Самоеды въ домашнемъ и общественномъ быту. СПб., 1847 (репринт. изд.: СПб., 2011). {*Islavin V. A. Samoedy v" domashnem" i obshchestvennom" bytu.* SPb., 1847 (reprinted: SPb., 2011).}

Квашнин 2007 — *Квашнин Ю. Н.* Типы женской одежды сибирских тундровых ненцев // Актуальные вопросы истории Сибири: VI научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина (5—6 октября 2007 г.). Ч. 1. Барнаул, 2007. С. 58—61. {*Kvašnin Ju. N. Tipy zhenskoj odezhdy sibirskih tundrovyh nentsev // Aktual'nye voprosy istorii Sibiri: VI nauchnye chtenija pam'ati professora A. P. Borodavkina (5—6 okt'abr'a 2007 g.). Part 1.* Barnaul, 2007. P. 58—61.}

Лепехин 1805 — *Лепехин И. И.* Путешествие академика Ивана Лепехина в 1771 году. Ч. 4. СПб., 1805. {*Lepchin I. I. Puteshestvie akademika Ivana Lepchina v 1771 godu. Part 4.* SPb., 1805.}

НАО 2001 — Ненецкий автономный округ: Энциклопедический словарь / Гл. ред., сост. *Корепанова Л. Ю.* М., 2001. {*Nenetskij avtonomnyj okrug: Entsiklopedičeskij slovar' / Ed. Korepanova L. Ju.* М., 2001.}

НЖЗО 2006 — Ненецкая женская зимняя одежда в собрании Ненецкого краеведческого музея: Каталог / Сост. *Журавлева Т. Ю.* Ред. *Корепанова Л. Ю.* Нарьян-Мар, 2006. {*Nenetskaja zhenskaja zimn'aja odezhda v sobranii Nenetskogo kraevedčeskogo muzeja: Katalog / Sost. Zhuravleva T. Ju. Ed. Korepanova L. Ju.* Nar'jan-Mar, 2006.}

Паллас 1788 — *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 3. СПб., 1788. {*Pallas P. S. Puteshestvie po raznym provintsijam Rossijskogo gosudarstva. Part 3.* SPb., 1788.}

Перепись 2010 — Всероссийская перепись населения 2010 г. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство // http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm. {*Vserossijskaja perepis' naselenija 2010 g. Vol. 4. Natsional'nyj sostav i vladenie jazykami, grazhdanstvo // http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.*}

Пичков 2000 — *Пичков А. И.* Куда бегут мои олени... (Стихи). Ханя' мэтини' нываты"... (Вадасё") / Пер. с рус. на ненец. *Ледков В. Н.* СПб., 2000. {*Pichkov A. I. Kuda begut moi oleni... (Stihi). Han'a' metini' n'awaty"... (Wadas'o") / Transl. from Rus. to Nenets Ledkov V. N.* SPb., 2000.}

Попова 1978 — *Попова Я. Н.* Ненецко-русский словарь: Лесное наречие. (= *Studia Uralo-Altaica*. 1978, 12.) Szeged, 1978. {*Popova Ja. N. Nenetsko-russkij slovar': Lesnoe narechie. (= Studia Uralo-Altaica. 1978, 12.)* Szeged, 1978.}

Приходько 2000 — *Приходько М. С.* Хомаку: Картинный словарь русско-ненецкого языка. СПб., 2000. {*Prihod'ko M. S. Nomaku: Kartinnij slovar' russko-neshchanskogo jazyka.* SPb., 2000.}

Прыткова 1953 — *Прыткова Н. Ф.* Одежда хантов // Сборник статей Музея антропологии и этнографии. Т. XV. М.—Л., 1953. С. 123—233. {*Prytkova N. F. Odezhda hantov // Sbornik statej Muzeja antropologii i etnografii. Vol. XV.* М.—Л., 1953. P. 123—233.}

Прыткова 1970 — *Прыткова Н. Ф.* Одежда народов самодийской группы как исторический источник // Одежда народов Сибири. Л., 1970. С. 1—99. {*Prytkova N. F. Odezhda narodov samodijskoj grupy kak istoričeskij istochnik // Odezhda narodov Sibiri.* Л., 1970. P. 1—99.}

Рандин 1993 — *Рандин В. А.* Орнамент: Долганы, нганасаны, ненцы. СПб., 1993. {*Randin V. A. Ornament: Dolgany, nganasany, nentsy.* SPb., 1993.}

Рындина 1995 — *Рындина О. М.* Художественное оформление меховых изделий у ненцев // Материалы научной конференции «История и современность народов Ямала». Салехард, 1995. С. 31—43. {*Ryndina O. M. Hudozhestvennoe oformlenie mehovyh izdelij u nentsev // Materialy nauchnoj konferentsii "Istorija i sovremennost' narodov Jamala".* Salehard, 1995. P. 31—43.}

Рычков 1916 — *Рычков К. М.* Береговой род юраков // Записки Западно-Сибирского отделения РГО. Т. III. СПб., 1916. С. 154—191. {*Rychkov K. M. Beregovoj rod jurakov // Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdelenija RGO. Vol. III.* SPb., 1916. P. 154—191.}

Соболев 1926 — *Соболев А.* На реке Танаме // ИРГО. Т. LVI. Вып. 2. СПб., 1926. {*Sobolev A. Na reke Taname // IRGO. Vol. LVI. Is. 2.* SPb., 1926.}

ССТМЯ — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. 1—2 / Отв. ред. *Цинциус В. И.* Л., 1975—1977. {*Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskih jazykov. Vol. 1—2 / Ed. Tsintsius V. I.* Л., 1975—1977.}

Сязи 2000 — *Сязи А. М.* Орнамент и вещь в культуре хантов Нижнего Приобья. Томск, 2000. {*S'azi A. M. Ornament i veshch' v kul'ture hantov Nizhnego Priobja.* Tomsk, 2000.}

Терещенко 1965 — *Терещенко Н. М.* Ненецко-русский словарь. М.—Л., 1965. {*Tereshchenko N. M. Nenetsko-russkij slovar'.* М.—Л., 1965.}

Терещенко 1989 — *Терещенко Н. М.* Словарь ненецко-русский и русско-ненецкий: Около 4000 слов. Пособие для учащихся начальной школы. 2-е изд. Л., 1989. {*Tereshchenko N. M. Slovar' nenetsko-russkij i russko-nenetskij: Okolo 4000 slov. Posobie dl'a uchashchihs'a nachal'noj shkoly. 2-e izd. L., 1989.*}

Терещенко 2008 — *Терещенко Н. М.* Ненецко-русский словарь. СПб., 2008. {*Tereshchenko N. M. Nenetsko-russkij slovar'. SPb., 2008.*}

УСС 2005 — Узоры северного сияния. Т. 2. Самодийские народы / Отв. ред. *Лукина Н. В.* Сост. *Сязи А. М.* Салехард — СПб., 2005. {*Uzory severnogo sijanija. Vol. 2. Samodijskie narody / Ed. Lukina N. V. Sost. S'azi A. M. Salehard — SPb., 2005.*}

Федорова 1988 — *Федорова Е. Г.* Украшения верхней плечевой одежды народов Сибири // Материальная и духовная культура народов Сибири. Л., 1988. С. 86—104. {*Fedorova E. G. Ukrasheniya verhnej plechevoj odezhdy narodov Sibiri // Material'naja i duhovnaja kul'tura narodov Sibiri. L., 1988. P. 86—104.*}

Хайруллина 2005 — *Хайруллина Н. Г.* Социологическая диагностика этнокультурной ситуации в Ямало-Ненецком автономном округе // Ненцы Ямала: Кочевники и хранители традиций / Отв. ред. *Южаков А. А.* Тюмень — Салехард, 2005. С. 153—210. {*Hajrullina N. G. Sotsiologicheskaja diagnostika etnokul'turnoj situatsii v Jamalo-Nenetskom avtonomnom okruge // Nentsy Jamala: Kochevniki i hraniteli traditsij / Ed. Juzhakov A. A. T'umen' — Salehard, 2005. P. 153—210.*}

Хомич 1966 — *Хомич Л. В.* Ненцы: Историко-этнографические очерки. М.—Л., 1966. {*Homich L. V. Nentsy: Istoriko-etnograficheskie ocherki. M.—L., 1966.*}

Хомич 1970 — *Хомич Л. В.* Одежда канинских ненцев // Одежда народов Сибири: Сборник статей Музея антропологии и этнографии. Л., 1970. С. 100—121. {*Homich L. V. Odezhda kaninskih nentsev // Odezhda narodov Sibiri: Sbornik statej Muzeja antropologii i etnografii. L., 1970. P. 100—121.*}

ЭМ 1997 — *Андреева Р. П.* Энциклопедия моды. СПб., 1997 // http://enc-dic.com/enc_fashion. {*Andreeva R. P. Entsiklopedija mody. SPb., 1997 // http://enc-dic.com/enc_fashion.*}

Helinski 2007 — *Helinski E.* Нганасанские словарные материалы // www.uni-hamburg.de, 2007. {*Helinski E. Nganasanskije slovarnye materialy // www.uni-hamburg.de, 2007.*}

Lehtisalo 1956 — *Lehtisalo T.* Juraksamojedisches Wörterbuch. (= Lexica Societatis Fenno-Ugricae, XIII.) Helsinki, 1956.

Salminen 1993 — *Salminen T.* On identifying basic vowel distinctions in Tundra Nenets // *Finnisch-ugrische Forschungen*. 1993, 51. S. 177—187 // http://www.helsinki.fi/~tasalmin/FUF_51_177.pdf.

Salminen 1998 — *Salminen T.* A Morphological Dictionary of Tundra Nenets. Helsinki, 1998.

Salminen 2007 — *Salminen T.* Notes on Forest Nenets phonology // *Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia*. (= Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, 253.) Helsinki, 2007. S. 349—372.

РЕЗЮМЕ

В первой части статьи рассматриваются особенности употребления слова *пӑны* (*pəni*) 'одежда', 'верхняя женская одежда (панница, ягушка)' в тундровом ненецком и его коррелята *паны*, *панӗй* в лесном ненецком, а также приводятся дериваты, образованные от этих лексем по продуктивным моделям. Во второй части статьи автор уделяет внимание описанию типов ненецкой женской одежды: 1) «трехчастной» паницы горизонтального покроя (западный тип), 2) ягушки (панницы) вертикального покроя (восточный тип) и 3) летней суконной паницы (ягушки). Третья часть статьи посвящена этапам эволюции и географии распространения «горизонтального» (западного) и «вертикального» (восточного) типов ненецкой женской одежды.

SUMMARY

In the first part of the article the usage peculiarities of the word *păny* (*pəni*) 'clothes', 'type of women's clothing (panitsa, yagushka)' in Tundra Nenets and its Forest Nenets correlate are considered, derivatives are also taken into account. In the second part of the article the author describes different types of the Nenets women's clothing: 1) the clothing with horizontal cut (Western type), 2) the clothing with vertical cut (Eastern type) and 3) the summer clothing made of a woolen cloth. The third part of the article is devoted to the evolution and geographical distribution of the "horizontal" (Western) and "vertical" (Eastern) types of the Nenets women's clothing.

Ключевые слова: тундровый ненецкий, лесной ненецкий, семантический анализ, традиционная одежда, женская верхняя одежда, горизонтальный покрой, вертикальный покрой

Keywords: Tundra Nenets, Forest Nenets, semantic analysis, traditional clothes, women's clothing, horizontal cut, vertical cut

Сложные глаголы ‘образ действия — результат’ (на материале карачаево-балкарского и казахского языков)¹

Явление, определенное нами в данной работе как сложные глаголы образа действия, представляется реализацией регулярно встречающейся в языках мира серийной конструкции (см., например, [Baker 1989; Baker, Stewart 1999, 2002; Aikhenvald, Dixon 2006] и т. д.). Применительно к тюркскому материалу этим термином принято обозначать употребление вспомогательных глаголов ограниченного списка, передающих видовременные и модальные значения, т. е. конструкции со вспомогательными глаголами.

В число вспомогательных (или серийных) тюркских глаголов принято включать около 20 лексических единиц, среди которых обычно оказываются и глаголы направленного движения. В то же время рассматриваемые в данной работе сложные глаголы имеют своей второй частью либо глаголы направленного движения, либо глаголы результата (например, глаголы лексического класса ‘созидание / уничтожение’).

Глаголов созидания / уничтожения, регулярно образующих сложные глаголы, среди вспомогательных глаголов в тюркских языках не представлено. Что касается директивных глаголов, то, например, в [Текуев 1979: 44—76] указываются такие значения карачаево-балкарских глаголов: *чыкъ-* ‘выходить’ — «констатация факта с модальным оттенком; исчерпанность действия от начала до конца, без остатка»; *ѐт-* ‘проходить’ — «интенсивный результат действия»; *кел-* ‘идти’ — «длительное действие, результат действия, нарастание действия, действие, переходящее в свойство»; *кет-* ‘уходить’ — «действие, совершаемое нечаянно, без воли субъекта; действие, совершенное полностью, без остатков, без возврата; чуть не совершившееся действие или действие результативное». Перечисленные выше употребления карачаево-балкарских направительных глаголов очевидным образом передают грамматические значения. В одном ряду с этими употреблениями указываются также направительные значения директивных глаголов *кет-* и *кир-*: *кет-* ‘уходить’ — «движение от субъекта, от говорящего, с результативным значением»; *кир-* ‘входить’ — «войти внутрь чего-нибудь» [Текуев 1979: 44—76].

Таким образом, лексемы, участвующие в образовании сложных глаголов, частично входят в подкласс вспомогательных глаголов, но и в этом случае есть существенное различие: в то время как вспомогательные глаголы выражают грамматическое значение, директивы в составе сложных глаголов передают значение направленного движения. Несмотря на это, все употребления директивных глаголов традиционно рассматриваются как вариант конструкции со вспомогательными глаголами. В то же время глаголы созидания / уничтожения вовсе не рассматриваются как средство образования регулярных глагольных сочетаний в тюркских языках.

Задача данной работы — показать, что выделенные нами сложные глаголы ‘образ действия — результат’ представляют собой особый тип глагольных образований, известный как глагольная группа с общим аргументом (argument sharing VP) [Baker, Stewart 1999, 2002]. Такие глагольные образования хорошо известны в типологической и теоретической литературе, но прежде не обсуждались в связи с тюркскими языками. В данной статье мы сосредоточимся на отличительных свойствах тюркских сложных глаголов.

1. Сложные глаголы образа действия: примеры употребления

При наблюдении за дистрибуцией тюркских конвербов на *-n* бросается в глаза одна закономерность: данные формы регулярно употребляются с глаголами, задающими образ действия, после которых следует глагол с результативной семантикой.

(1) каз.

<i>монгол-дың</i>	<i>бір</i>	<i>нойан-ы</i>	<i>Мөңке-нің</i>	<i>жарлығ-ы</i>	<i>бойынша</i>	<i>Бошман-ды</i>
монгол-GEN	один	нойон-3	Менке-GEN	указ-3	на.основании	Бошман-ACC

<i>балта-мен</i>	<i>қақ</i>	<i>жары-н</i>	<i>өлтір-ді</i>
топор-INSTR	пополам	колоть-CONV	убивать-PST

‘Один монгольский нойон на основании приказа Менке разрубил Бошмана наполам топором’
(интернет-ресурс).

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 13-06-00884а.

(2) каз.

жаз шыга әртүрлі құстар ұшып келе-ді
 лето выходит различный птицы лететь-CONV приходит- PST

‘(...) когда приходит лето, прилетают разные птицы’ (интернет-ресурс).

(3) кбалк.

ол себебден камсыкъ джудузчукъ-ла, учу-б кели-б
 этот по.причине озорник звезда-PL летать-CONV приходит-CONV

аны тегерегинде, бугъунчакъ ойнаргъа сюйгендиле
 он на прятки играть любили

‘Поэтому озорные звездочки падали на нее и любили играть в прятки’ [Интернет-ресурс Карачаевские сказания].

(4) кбалк.

ингир, кюн батаргъа джыйыл-са, терк батыб кет-мей
 вечером солнце заходить собираться-CONV.COND быстро заходить-CONV уходить-NEG.3

‘(...) вечером, когда солнце начинает садиться, оно неспеша, немного подождав, заходит’ [Интернет-ресурс Карачаевские сказания].

В словарях подобные сочетания отображаются как сложные глаголы, образованные из двух частей, ср.: каз. *буындырып өлтіру* ‘задушить’ [Бектаев 1995: 543], *ушып кету* ‘улететь’ [Бектаев 1995: 664]; кбалк. *буууб ёлтюрюрге* ‘задушить, придушить’ [Тенишев, Суюнчев 1989: 171], *учуб кетерге* ‘улететь’ [Тенишев, Суюнчев 1989: 689].

Аналогичный анализ получают подобные конструкции и в грамматических описаниях: «Не все глаголы в одинаковой степени могут выражать образ действия. Чаще всего это значение передается сложными глаголами, состоящими из сочетания деепричастия и формы изъявительного наклонения: *Осман фермагъа чабыб кетди* букв. ‘Осман на ферму побежав ушел’ или ‘Осман побежал на ферму’. В этом предложении деепричастие *чабыб* выражает образ действия (бег), *кетди* обозначает чистое действие (уход). Таких глаголов в карачаево-балкарском языке много: *чабыб кетди* ‘побежал’, *къачыб кетди* ‘бежал’, *къалыб кетди* ‘отстал’, *кетиб къалды* ‘ушел’ и т. д.» [Алиев 1973: 190].

В данных конструкциях, которые мы далее будем называть сложными глаголами (СГ), первая часть, соответствующая способу действия, стоит в форме деепричастия на *-н*, а вторая имеет спрягаемую форму и принимает все релевантные флексии. Ниже, при обсуждении структуры тюркских СГ, мы еще обратимся к наблюдению У. Б. Алиева о неспособности некоторых глаголов выражать образ действия.

2. Семантические свойства сложных глаголов образа действия

Продемонстрируем семантические свойства СГ на материале карачаево-балкарского языка. Здесь, как и в других тюркских языках, наблюдаются два крупных семантических подкласса описываемых сложных предикатов.

Первый подкласс образуется следующим образом: глаголы направленного движения (‘приходить’, ‘уходить’, ‘проходить’ и т. д.) выступают в качестве второго компонента при глаголах способа перемещения (‘плыть’, ‘лететь’, ‘скакать’ и т. д.). Так, балкарский глагол *ётерге* ‘проходить’ образует СГ: *учуб ётерге* ‘пролететь’, *секириб ётерге* ‘перепрыгнуть’, *сюркелиб ётерге* ‘переползти’, *жюзюб ётерге* ‘переплыть’. Первые части данных СГ задают способ передвижения: ‘лететь’, ‘прыгать’, ‘ползти’, ‘плыть’.

Другой подкласс продуктивных глагольных значений включает примеры, в которых вторым компонентом выступает глагол, задающий некоторое результирующее состояние пациенса, а первым — глагол, описывающий способ изменения состояния пациенса:

(5) кбалк.

Керим чўйнў уру-б кийир-ди
 Керим гвоздь бить-CONV вводить- PST

‘Керим вбил ударом гвоздь’.

Так, глагол *ёлтюрюрге* ‘убивать’ регулярно выступает в качестве второго компонента карачаево-балкарских СГ: *басыб ёлтюрюрге* ‘задавить (машиной)’, *буууб ёлтюрюрге* ‘задушить’, *уруб ёлтюрюрге* ‘зарубить’, *атыб ёлтюрюрге* ‘расстрелять’.

В то же время первые части — *уруб* ‘ударяя’ и *атыб* ‘бросая’, ‘стреляя’ — сочетаются с другими глаголами, задающими конечное состояние пациенса: например, глагол *тюшюрюрге* ‘уронить, сбить’,

при помощи которого образуются значения *уруб тюшюрюрге* ‘сбить, застрелить’, *атыб тюшюрюрге* ‘сбить выстрелом’ и т. д.

Глагол *уурга* ‘бить’ может являться также первым компонентом следующих СГ карачаево-балкарского языка: *уруб кийрирге* ‘вбить’, *уруб тешерге* ‘проломить’; вторые части данных СГ имеют значения ‘провести’ и ‘пробить’ соответственно. Похожим образом ведет себя и глагол *атырга* ‘бросать, стрелять’, являющийся первой частью СГ *атыб ёлтюрюрге* ‘застрелить’ и *атыб тюшюрюрге* ‘сбить’.

Итак, внутри СГ образа действия выделяются два семантических подкласса: директивный и результативный (второй часто представлен глаголами созидания и уничтожения). Как мы увидим ниже, тот факт, что СГ образа действия образуют директивные и результативные значения, не является случайным и уникальным для тюркских языков. Такое наблюдение может быть проинтерпретировано как следствие универсальных правил организации значения глагольных лексем в естественном языке.

3. Возможные варианты анализа сложных глаголов

Возможны следующие (не взаимоисключающие друг друга) варианты анализа структуры СГ. Первый предполагает лексический подход к СГ. Второй состоит в том, что правила образования СГ аналогичны таковым для вспомогательных (или сериальных) глаголов. В рамках еще одного анализа первые части СГ, т. е. собственно глаголы образа действия, можно рассматривать как комплемент глаголов результата. Далее, конструкции со сложными глаголами можно проанализировать как сочинительные. Наконец, глагольные группы образа действия можно представить как адьюнкты к глагольным группам результата. Ниже мы разберем каждый из подходов и примем решение об их применимости.

3.1. Лексический подход

Такой подход принят в процитированных выше словарях и грамматиках тюркских языков. В соответствии с ним СГ могут быть рассмотрены как самостоятельные лексические комплексы, и в целом правила их образования должны быть подобны правилам образования фразеологизмов, иначе говоря, правила должны отсутствовать. Действительно, фразеологизмы окказиональны, а их отдельные элементы не могут быть заменены лексемами с близкой семантикой, ср.: *писать как курица лапой*, но не **рисовать как курица лапой*; *делать из мухи слона*, но не **производить из мухи слона*, **получать из мухи слона* и т. д. Таким образом, фразеологизмы окказиональны, и если мы будем анализировать СГ подобно фразеологизмам, то нам не удастся объяснить тот факт, что при их образовании действуют очевидные семантические правила (см. предыдущий пункт).

3.2. Вспомогательные глаголы

Иногда СГ с результативной семантикой интерпретируются аналогично другим вспомогательным глаголам, передающим значения вида, времени и модальности; ср., например описание карачаево-балкарского глагола *кет-* как передающего значение: «движения от субъекта, от говорящего, с результативным значением» и т. д. [Текуев 1979: 44—76].

Обсуждая подход к СГ как к конструкциям со вспомогательными глаголами (КВГ), мы разделим все СГ на семантические классы директивов и результативов. Напомним, что вспомогательные глаголы в тюркских языках также сочетаются с конвербами, модифицируя при этом аспектуально-временные и модальные компоненты высказывания.

(6) кирг.

Акмат, биз менен суйле-ш-уп олтур-уп, ачуулан-а кет-ти
 Акмат мы с говорить-REC-CONV сидеть-CONV сердиться-CONV уходить-PST
 ‘Акмат, разговаривая с нами, (вдруг) рассердился’ [Гращенко 2012: 57].

В данном киргизском примере представлены два вспомогательных глагола: *олтур-* ‘сидеть’ и *кет-* ‘уходить’. В данном предложении оба они выражают аспектуальные значения: *олтур-* — длительность действия первого глагола, а *кет-* — быстрый переход в состояние, задаваемое первым глаголом.

Часть вспомогательных глаголов представлена как раз предикатами с директивной семантикой, среди которых *kel* ‘приходить’, *ket* ‘уходить’, *çiq* ‘выходить’, *kir* ‘входить’, *öt* ‘проходить’ и др. (см., например, [Ганиев 2003; Гращенко 2012] и приведенные там источники). При этом глаголы с направительной семантикой могут иметь как аспектуальное (см. пример выше), так и директивное значение.

(7) каз.

кетмені анадай жер-ге ұшы-п кет-кен
 кетмень этот земля-DAT лететь-CONV уходить-PFCT
 ‘Его кетмень² в землю вошел’ (интернет-ресурс).

Очевидно, что выделенный нами подкласс директивных СГ образа действия образуется как раз при помощи направительных вспомогательных глаголов и соответствует их пространственному, а не аспектуальному употреблению.

Главным отличием использования одних и тех же глаголов (*kel, ket, čiq, kir, öt*) в аспектуально-временном и модальном значении от их употребления в директивной функции при образовании глаголов образа действия является следующее: при грамматическом употреблении вспомогательные глаголы полностью лишены аргументной структуры, наличие собственных зависимых в них невозможно.

(8) кирг.

*Акмат ачуулан-а биз-дин кет-ти
 Акмат сердиться-CONV мы-ABL уходить-PST
 ‘Акмат вдруг рассердился и ушел от нас’.

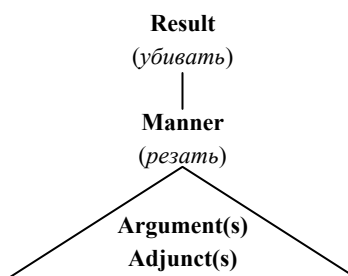
В данном примере значение внезапного вхождения в состояние (‘вдруг рассердился’) невозможно, если у глагола ‘уходить’ будет собственный участник (‘от нас’).

Что касается результативных СГ, то свести их к вспомогательным глаголам не представляется возможным: в этом случае не совпадает ни набор лексем, ни образуемое с их помощью значение. Так, среди вспомогательных глаголов карачаево-балкарского языка отсутствуют, например, глаголы *ёлтюрюрге* ‘умирать’ и *тешерге* ‘пробивать’ — результативный компонент значения добавляется более широким списком лексем, чем те, которые традиционно ассоциируются со вспомогательными глаголами.

Итак, СГ образа действия с результативной семантикой представляют собой отдельное явление, в то время как СГ, образованные при участии направительных глаголов, являются особым, директивным, типом конструкций со вспомогательными глаголами³.

3.3. Глагол результата и образа действия: структура «комплемент — зависимое»

Схематически подобная структура может быть представлена следующим образом.

В такой конфигурации прямой объект мог бы проецироваться только глаголом образа действия (*резать*), т. к. глагол результата (*убивать*) может иметь только одну валентность на комплемент. Таким комплементом не могут быть одновременно прямой объект и глагольная проекция с вершиной *резать*.

В английском языке есть поверхностные структуры с так называемым «исключительным маркированием объекта» (exceptional case marking, ECM): англ. *I saw him crossing the street*. В таких составляющих, связанных, как правило, с глаголами оценки и восприятия, можно заподозрить присутствие одновременно двух комплементов — прямого объекта *him* и глагольной группы *crossing the street*. Однако, во-первых, для английского языка было показано, что в подобных случаях *him crossing the street* образует одну составляющую, занимающую позицию комплемента и при этом прозрачную для приписывания аккузатива именной группе *him* [Chomsky 1986]: англ. *I saw* [ACC → *him* [*crossing the street*]]. Во-вторых, тюркские языки не демонстрируют эффекта исключительного маркирования объекта. В-третьих, семантика глагола (класс результата) не предполагает эффекта ECM.

² Кетмень — старинное ручное орудие типа мотыги, употребляемое в Средней Азии.

³ При этом директивные конструкции со вспомогательными глаголами, скорее всего, и исчерпываются СГ образа действия.

Похожим образом обстоит дело и с директивами. Аргументная структура директивного глагола подразумевает две синтаксически сильные валентности: 1) участник, который меняет свое положение в пространстве, и 2) локативный аргумент, показывающий, как именно изменилось положение ('откуда переместился', 'куда переместился', 'через что переместился' и т. д.). Валентностью на комплемент, будь то прямой объект или сентенциальный актанта, директивные глаголы не располагают.

3.4. Сочинение

Сочинение в тюркских языках также может кодироваться *n*-конвербом, см. по этому поводу [Johnson 1995: 335—336].

(9) каз.

Көшек-тің қол-ы-на Барак та келі-п қосыл-ды
Кешек-GEN войско-3-DAT Барак DA приходить-CONV присоединяться-PST

'Барак подошел и присоединился к войску Кешека' (интернет-ресурс).

В данном примере событие, описываемое первой частью предикации, предшествует событию второй части, а обстоятельства протекания этих событий совпадают для обеих ситуаций ('Барак, к войску Кешека подойдя, к нему присоединился'). Аналогичным образом можно рассматривать и СГ.

(10) каз.

Дон Жуан Командор-ды бауызда-п өлтір-ді
Дон Жуан Командор-ACC резать-CONV убивать-PST

'Дон Жуан заколол Командора' ('Дон Жуан, Командора резав, Командора убил')⁴.

(11) каз.

Ақ тұрымтай жерге ұшы-п түс-ті
перепелятник к.земле летать-CONV спускаться-PST

'Перепелятник приземлился' ('Перепелятник к земле летя, к земле спустился').

Так же, как и в случае с сочинением, временной интервал первой ситуации оказывается частично вложен во временной интервал второй.

(12) каз.

[['Дон Жуан колол (T1) Командора'] 'Дон Жуан убил (T2) Командора'] T1 ⊆ T2
[['перепелятник летел (T1) к земле'] 'перепелятник спустился (T2) на землю'] T1 ⊆ T2⁵

Подобное условие на временные отношения при употреблении двух и более глаголов в одной предикации известно как «условие временной иконичности» (temporal iconicity condition); см. [Tomioka 2004] и приведенные там ссылки.

Таким образом, в случае СГ образа действия мы имеем дело с сочинением некоторого уровня глагольной группы.

3.5. Адьюнкция образа действия к результату

Обычно аргументом, позволяющим выбрать между сочинением и адьюнкцией, считается способность внутреннего материала к экстрапозиции [Тестелец 2001; Johnson 2006]. Сочиненные структуры не позволяют А'-передвижения внутреннего материала, в то время как для адьюнктов оно возможно. В случае тюркских языков, однако, для применения данного теста есть два препятствия: во-первых, они являются *wh-in-situ*⁶; во-вторых, в этих языках глагольные группы не проявляют «островных» свойств и в случае «обычного» сочинения.

Далее, с точки зрения семантики адьюнктивные и сочинительные структуры также схожи: как те, так и другие могут обозначать временное предшествование, одновременность, причинно-следственные отношения и др.

⁴ Все примеры, для которых не указаны источники, собраны автором в процессе работы с носителями.

⁵ Строго говоря, начало подсобытия, задаваемого первым глаголом, также может наступить позже, чем начало подсобытия второго глагола, однако в нашем случае это не принципиально.

⁶ Речь идет о стратегии употребления вопросительных слов на месте той составляющей, которую они заменяют (а не в начале предложения).

По нашему мнению, главным аргументом против адьюнкции является невозможность разных уровней прикрепления адьюнкта. Так, для наречных обстоятельств способа действия возможно расположение до или после прямого объекта.

(13) каз.

Нурлан (тез) үстел-ди (тез) сүрт-ти
 Нурлан (быстро) стол-ACC (быстро) вытирать-PST
 ‘Нурлан (быстро) оттер стол’.

Как можно видеть, интерпретация высказываний с разным уровнем глагольной адьюнкции одинакова. В то же время расположение глагола образа действия до или после прямого объекта приводит к изменению интерпретации.

(14) каз.

Нурлан үстел-ди сүрт-ип тазала-ды
 Нурлан стол-ACC вытирать-CONV очищать-PST
 ‘Нурлан оттер стол’.

(15) каз.

Нурлан сүрт-ип үстел-ди тазала-ды
 Нурлан вытирать-CONV стол-ACC очищать-PST
 1. #‘Нурлан оттер стол’.
 2. ‘Нурлан тер и очистил стол’.

Интерпретация, соответствующая СГ ‘Нурлан тер стол, вследствие чего стол стал чистым’, доступна только при препозиции прямого объекта обоим глаголам.

3.6. СГ образа действия — определение

Итак, мы пришли к следующему представлению о СГ образа действия. Во-первых, они представляют собой конструкцию, образованную при участии глагола образа действия и глагола результата с совпадающим набором актанта и обстоятельств.

Во-вторых, обсуждая тип синтаксической связи, стоящей за такими конструкциями, мы заключили, что они представляют собой сочинение некоторого уровня проекции глагольной группы или, возможно, глагольных вершин (речь об этом пойдет ниже).

В-третьих, некоторые глаголы движения, образующие директивные СГ, также употребляются в конструкциях со вспомогательными глаголами. Однако в случае СГ такие единицы обладают собственной аргументной структурой и не передают грамматических значений, как это происходит в случае вспомогательных глаголов. Иными словами, СГ не являются одной из разновидностей конструкций со вспомогательным глаголом.

4. Свойства СГ образа действия

4.1. Идентичность участников и однособытийность

Сделаем одно важное допущение. Здесь и далее мы примем соглашение о левостороннем ветвлении зависимых, более точно отражающем тюркский синтаксис. Спецификаторы и комплементы (как лексических, так и функциональных проекций) будут в наших структурах порождаться слева от вершин. Альтернативным подходом, основанным на так называемой «аксиоме линейного соответствия» [Каупе 1994], предполагался бы порядок: спецификатор — вершина — комплемент, дальнейшее его преобразование в линейную цепочку SOV и другие реализации. Основным аргументом для выбора левостороннего глубинного ветвления для нас будет бóльшая по сравнению с другими порядками простота порождения линейных последовательностей.

Сочинение может быть проанализировано как конъюнкция частей Manner и Result с общими зависимыми, так называемое сочинение вершин (16a). Альтернативно, в СГ можно усмотреть сочинение глагольных составляющих с эллиптическим удалением зависимых второго конъюнкта (16b).

(16a) [[Argument(s), Adjunct(s)] [Manner & Result]]

(16b) [[[[Argument(s), Adjunct(s)] Manner] & [~~Argument(s), Adjunct(s)~~] Result]]]

Общей особенностью структур (16a) и (16b) является то, что набор актантов и сирконстантов одинаков для обоих глаголов.

Интерпретация примеров со СГ отличается от интерпретации предложений, составленных из тех же словоформ, но располагающих определенную часть зависимых между двумя глагольными формами; ср. (10—11) и (17—18).

(17) каз.

Дон Жуан бауызда-п Командор-ды өлтiр-дi
Дон Жуан резать-CONV Командор-ACC убивать-PST
'Дон Жуан, заколов, убивает Командора'.

(18) каз.

ақ тұрымтай ұшы-п жерге түс-тi
перепелятник летать-CONV к.земле спускаться-PST
'Перепелятник, летя, на землю спустился'.

Похожий контраст существует и в карачаево-балкарском языке. Вариант с контактным расположением прямого объекта переводится как единое событие с общим внутренним участником. В то же время в предложениях, где прямой объект располагается между глаголами, носители склонны выделять две ситуации.

(19) кбалк.

Чомай джугьутур-ну аты-п тюшюр-дю
Чомай тур-ACC стрелять-CONV бросать-PST
'Чомай подстрелил тура'.

(20) кбалк.

Чомай аты-п джугьутур-ну тюшюр-дю
Чомай стрелять-CONV тур-ACC бросать-PST
'Чомай выстрелил и подстрелил (= свалил) тура'.

Как видно из переводов примеров с неконтактными глагольными формами (17, 18, 20), в этих случаях мы либо имеем дело с сочинением двух глагольных групп, первая из которых содержит нулевой элемент, кореферентный объекту второй (17'), либо первая глагольная группа, скорее всего, будет проинтерпретирована как не имеющая общих зависимых со второй (18'). Такие структуры являются сочинением проекций более высокого уровня, чем сочинение в сложных глаголах. Прямой объект или участник, ответственный за маршрут перемещения (либо другие адьюнкты), не является частью общей структуры для глаголов образа и результата / направленного движения, а представлен в них либо в каждом конъюкте ('стрелял тура' & 'свалил тура'), либо в одном ('стрелял {intr}' & 'свалил тура').

(17') [[[Ø; Manner] & [[Argument(s), Adjunct(s)]_i Result]]]

(18') [[Manner] & [[Argument(s), Adjunct(s)] Result]]

Однособытийность является ключевым семантическим свойством СГ и связана с идентичностью участников обеих ситуаций. Даже если участники обоих глаголов совпадают семантически, но различаются синтаксически (17, 17'), интерпретация всей конструкции разбивается на две ситуации. Такой же эффект наблюдается и в случае (18, 18'): тождество участников нарушается, вместо одной сложной ситуации получаются две.

Если глаголы образа и результата не совпадают по переходности, при образовании СГ вводятся повышающие (каузатив) или понижающие (пассив) деривационные показатели, нивелирующие разницу в аргументной структуре. В следующих примерах директивные глаголы превращены в переходные результаты посредством каузативизации, только в таком виде они могут участвовать в формировании соответствующих СГ.

(21a) кбалк.

сюйре-п тюш-юр-юрге
тянуть-CONV падать-CAUS-INF ('стащить')

(21b) кбалк.

басы-п кий-ир-ирге
давить-CONV входить-CAUS-INF ('вдавливать')

(21c) кбалк.
джууу-п кет-ер-ирге
 мыть-CONV уходить-CAUS-INF ('смыть')

(21d) кбалк.
уру-п кий-ир-ирге
 бить-CONV входить-CAUS-INF ('вбить')

Итак, СГ образа действия представляют собой сочинительные конструкции с общим набором зависимых.

4.2. Фиксированный порядок «образ действия — результат»

Важным свойством СГ является фиксированный порядок «образ действия — результат»: при смене расположения элементов конструкция теряет свое ключевое свойство — однособытийность.

(22) кбалк.
Керим чүйнү уру-б кийир-ди
 Керим гвоздь бить-CONV вводить-PST
 'Керим вбил гвоздь'.

(23) кбалк.
Керим чүйнү кийири-б ур-ду
 Керим гвоздь вводить-CONV бить-PST
 'Вдавливая гвоздь, Керим бил'.

4.3. Сочинение и межкатегориальная морфология

Общим свойством СГ и сочинительных конструкций является способность образовывать формы причастий и номинализаций. Продемонстрируем данное свойство на материале причастий на *-ган*, объединяющих сочиненные глагольные группы. Весь сочиненный комплекс способен оформляться причастным показателем, образуя сложный причастный оборот.

(24) кбалк.
Керим туюю-б сюр-ген ийнек-ле минеки-ле-ди-ле
 Керим гнать-CONV хлестать-PFCT корова-PL мой-PL-PST-PL
 'Коровы, которых Керим гнал и хлестал, — мои'.

(25) каз.
 <...> *үлкен-ді құрметте-п өс-кен жас жігіт* <...>
 старший-ACC уважать-CONV расти-PFCT молодой парень
 '...> юноша, выросший в уважении к старшим <...>', 'юноша, который рос и уважал старших'
 (интернет-ресурс)

Отметим прежде всего, что внутренние структуры двух глаголов, соединенных маркером *-п*, в казахском примере (25) не совпадают: первый из них переходный, а второй непереходный. Из этого можно сделать вывод, что в данном случае перед нами не сочинение (глагольных) вершин, а сочинение составляющих (глагольных групп) некоторого уровня вложенности, т. е. структура (16b), а не (16a).

Далее, в примере (24) участник, попадающий в вершину именной группы, исходно является аргументом обоих глаголов — и образа действия, и результата:

(26) кбалк.
 [[*ийнекле*] *туюю-б*] [[~~*ийнекле*~~] *сюр-*]
 коров гнать-CONV коров хлестать-
 'коров гнать, коров хлестать'.

Если бы мы имели дело не с сочинением, а с адьюнкцией глагола образа действия к глаголу результата, это было бы возможно при следующей структуре:

(27) кбалк.
 [[*ийнекле*]_i *туюю-б*] [Ø_i *сюр-*]
 коров гнать-CONV коров хлестать-
 'гоня коров, хлестать (их)'.

Передвижение именной группы из группы конверба в позицию вершины было бы невозможно: оно нарушало бы так называемый «адьюнктивный остров» [Ross 1967: 449—477]. Продемонстрируем эффект «адьюнктивного острова» на примере русских деепричастий:

- (28a) рус. Мальчик [хлестал коров].
 (28b) рус. коровы, которых мальчик [хлестал t_i]
 (28c) рус. Мальчик, [хлестая коров], шел по дороге.
 (28d)* рус. коровы_i, которых мальчик, [хлестая t_i], шел по дороге
 (28e) рус. Мальчик [хлестал и гнал коров].
 (28f) рус. коровы_i, которых_i мальчик [хлестал и гнал t_i]

Пример (28d) нарушает адьюнктивное «островное» ограничение: прямой объект в нем выносится из деепричастного адьюнкта. В то же время при сочинении (28f) наблюдается так называемое передвижение, «пересекающее границы» (across the board movement, АТВ; см., например, [Казенин 2011]). АТВ характеризуется тем, что одинаковая операция производится над обоими конъюнктами; АТВ является, таким образом, диагностической операцией для сочинения.

Причастные формы могут быть образованы и от тюркских сложных глаголов.

(29) каз.

сонда бары-п бұл әйел-дің, ит-і-н ұры-п өлтір-ген
 тогда приходит-CONV этот женщина-ABL собака-3-ACC бить-CONV убивать-PFCT
 жігіт-тің кім е-кен-і-н ес-і-не түсір-ді
 парень-GEN кто быть-PFCT-3-ACC память-3-DAT ронять-PST

‘Придя тогда от этой женщины, (он) вспомнил, кто был этот парень, который забил собаку’;
 букв. ‘чье бытие парня на память пришло’ (интернет-ресурс).

(30) каз.

қайта ұшы-п кел-ген құс көкек жұмыртқас-ы-н
 вновь лететь-CONV приходит-PFCT птица кукушка яйцо-3-ACC
 өзінікі-нен айыр-а ал-май-ды <...>
 собственный-GEN раздваивать-ST брат-NEG-PST

‘Прилетевшие вновь птицы не могут отличить собственные яйца от яиц кукушки <...>;
 букв. ‘из кукушкиных яиц собственные различить не могут’ (интернет-ресурс).

(31) каз.

мен темекі-ні ойла-п тап-қан адам-ды ая-ма-с е-ді-м
 я табак-ACC думать-CONV находить-GEN человек-ACC жалеть-NEG-COND E-PST-1SG
 ‘Я бы не пожалел человека, который избрал табак’ (интернет-ресурс).

Как представляется, синтаксическая структура подобных образований аналогична примерам с сочинительными *n*-конвербами внутри причастных оборотов. Глаголы образа действия и результата, соединяясь сочинительной связью на некотором уровне проекции глагольной группы, оформляются показателем причастия и могут употребляться в позиции приименного атрибута:

(32) [[PartP [Argument(s), Adjunct(s)] [VP [VP Manner] & [VP Result]]]-gan N].

В пользу сочинения говорит следующий факт: в отличие от русских деепричастий, передвижение АТВ (которое, как мы знаем, является характеристическим для сочинительных структур) допустимо с тюркскими конвербами на *-n* (24). Таким образом, можно утверждать, что в примерах со СГ (29—31) мы также имеем дело с сочинением.

Единственное возможное отличие между СГ и «обычными» сочиненными конструкциями состоит в том, что из-за требования идентичности участников в случае СГ непонятно, имеем ли мы дело с сочинением вершин или составляющих. Последняя возможность, как мы видели в примерах (28a—28f), имеет место при сочинении «обычных» глаголов, однако и структуру с сочинением вершин для СГ мы пока не будем исключать.

Интересен также контраст между употреблением тюркских конвербов на *-n* и деепричастных оборотов в русском языке. Рассмотрим следующие русские примеры, получающиеся в результате перевода тюркских сочиненных конструкций:

(33a) рус. *уважая старших, росший юноша / *юноша, росший, уважая старших;

(33b) рус. *залааяв на прохожих, прибежавшая к хозяину собака / *собака, прибежавшая к хозяину, залааяв на прохожих;

(33c) рус. *убив собаку, пришедший парень / *парень, пришедший, убив собаку.

Как мы видим, русские причастные обороты не могут содержать деепричастный оборот независимо от пре- или постпозитивного употребления. Данное ограничение никак не связано с неспособностью подлежащих подобных конструкций контролировать PRO; в случае целевых инфинитивов примеры становятся грамматичными:

(34a) рус. поклонившийся, чтобы проявить уважение, юноша;

(34b) рус. прибежавшая, чтобы залааять на прохожих, собака;

(34c) рус. пришедший, чтобы убить собаку, парень.

В то же время в составляющих большего уровня деепричастный оборот может быть употреблен:

(35a) рус. юноша, который рос, уважая старших;

(35b) рус. собака, которая, залааяв на прохожих, прибежала к хозяину;

(35c) рус. парень, который пришел, убив собаку.

Таким образом, возможность употребления деепричастных оборотов в русском языке явно зависит от количества структуры в составляющей, внутри которой они употребляются: в небольших составляющих, которыми являются причастные обороты, их использование невозможно (33a—33c), в то время как в относительных предложениях (35a—35c) — грамматично.

Для тюркских *n*-конвербов подобного ограничения не наблюдается (см. примеры выше). Грамматичность тюркских *n*-конвербов, вложенных в причастные обороты, на наш взгляд, свидетельствует как раз о том, что перед нами сочиненная конструкция, а не деепричастный оборот: сочинение может содержать ровно то количество синтаксического материала, которое релевантно в данном контексте. В примерах (24) и (25), а также (29—31) количество сочиняемой синтаксической структуры представлено некоторым фрагментом глагольной группы — каким именно, мы постараемся разобраться ниже.

Способность показателей причастия оформлять сочиненные структуры отражает общее свойство тюркских языков, которые допускают синтаксические процессы достаточно «глубоко» в лексикон.

Итак, доступность передвижения, «пересекающего границы», и нечувствительность к уровню проекции, на котором происходит образование СГ, говорят нам о том, что в их основе лежит сочинительная связь.

4.4. Сочинение проекций или вершин?

В предыдущем пункте мы привели примеры оформления конструкции со СГ показателями причастия (29—31). Существование таких примеров можно было бы расценить как аргумент в пользу анализа с сочинением вершин. Возможный анализ предполагал бы образование СГ в лексиконе и последующее оформление их причастными и другими показателями:

(36) [Argument(s), Adjunct(s)] [_vV_{Manner} & V_{Result}]-Part.

Однако доступность тех же конструкций в «обычных» сочиненных составляющих (24, 25) говорит в пользу сочинения составляющих и их последующего оформления групповым причастным показателем:

(37) [_{VP}[_{VP}Argument(s), Adjunct(s) V_{Manner}] & [_{VP}Argument(s), Adjunct(s) V_{Result}]]-Part.

У данного явления есть интересная параллель в русском языке. Русский не допускает сочинения вершин под общим показателем, например, номинализации (38), однако в нем возможно образование рекатегоризирующих форм (в примере ниже — номинализаций) от сочиненных составляющих (39).

(38a) рус. окружить и уничтожить → *окруж- и уничтожение

(38b) рус. нарезать и приготовить → *нарез- и приготовление

(39a) рус. переработка нефти и газа → нефте- и газопереработка

(39b) рус. литье стали и чугуна → стале- и чугунолитейный

Как показывают рассмотренные примеры, и в русском, и в тюркских языках морфологические процессы (образование межкатегориальных форм и композитов) могут применяться к единицам, получающимся в результате сочинения составляющих, но не в результате сочинения вершин.

Еще один аргумент в пользу сочинения составляющих можно привести на примере тех сложных глаголов, вторые части которых имеют собственный зависимый адьюнкт. В таких случаях общее значение конструкции остается тем же, что и у СГ, и к нему добавляется значение, передаваемое адьюнктом.

(40) каз.

Дон Жуан Командор-ды бауызда-п қанжармен өлтір-ді
 Дон Жуан Командор-АСС резать-CONV кинжалом убивать-PST
 ‘Дон Жуан кинжалом заколол Командора’.

(41) каз.

бір топ тырна күні бойы ұшы-п ұзақ бар-ды
 один стая журавль день весь лететь-CONV долго идти-PST
 ‘Стая журавлей целый день, долго летела’.

Условие однособытийности, которое, как мы говорили, является конституирующим для СГ, сохраняется как в примере с результативным, так и в примере с директивным глаголом.

При том, что сочинение при образовании СГ не является сочинением вершин, оно не является и сочинением максимальных проекций глагольной группы (vP), что можно показать при помощи следующего теста. В [Kazenin 2010] приводится диагностика уровня сочинения глагольной группы в русском языке. Если сочиняемые составляющие будут иметь общую часть в виде вопросительного слова, возможны две ситуации: либо вопросительное слово может быть проинтерпретировано один раз (для сочиненной составляющей в целом), либо оно может быть проинтерпретировано дважды (т. е. для каждого конъюнкта в отдельности). Согласно [Kazenin 2010], русский язык выбирает вторую стратегию, что говорит о сочинении составляющих, каждая из которых содержит вопросительное слово:

(42) рус. *Что он купил и продал за это время?*

1. ‘Что он купил и продал за это время?’ (‘и купил, и продал один и тот же автомобиль’)
2. ‘Что он купил и что продал за это время?’ (‘купил автомобиль, а продал дачу’) [Kazenin 2010: 95].

Ниже казахский материал демонстрирует нам, что тюркские языки выбирают первую стратегию. При сочинении обычных глагольных групп мы наблюдаем невозможность двойной интерпретации.

(43) каз.

Дон Жуан кімді шақыры-п өлтір-ді?
 Дон Жуан кого резать-CONV убивать-PST
 1. ‘Кого Дон Жуан позвал и убил?’ (‘и позвал, и убил одного и того же человека’)
 2. *‘Кого Дон Жуан позвал и кого убил?’ (например, ‘позвал Командора, а убил его слугу’)

(44) каз.

Бір топ тырна қанша бары-п ұш-ты?
 один стая журавль сколько лететь-CONV идти-PST
 1. ‘Сколько пролетела стая журавлей?’
 2. *‘Сколько прошла и сколько пролетела стая журавлей?’ (например, ‘час прошла и десять часов пролетела’)

Структура подобных предложений предполагает, что сначала происходит сочинение, а уже потом сочиненная конструкция присоединяет прямой объект. Тюркские СГ демонстрируют синтаксис, аналогичный синтаксису «обычных» глагольных групп, и получить двойную интерпретацию не представляется возможным.

(45) каз.

Дон Жуан кімді бауызда-п өлтір-ді?
 Дон Жуан кого резать-CONV убивать-PST
 1. ‘Кого Дон Жуан заколол?’
 2. *‘Кого Дон Жуан уколол, а кого убил?’ (например, ‘нанес укол Командору, а убил его слугу’)

(46) каз.

Бір топ тырна қанша ұшы-п бар-ды?
 один стая журавль сколько лететь-CONV идти-PST
 1. ‘Сколько пролетела стая журавлей?’
 2. *‘Сколько пролетела и сколько прошла стая журавлей?’ (например, ‘час прошла и десять часов пролетела’)

Невозможность двойной интерпретации прямого объекта в составе сочиненных глагольных групп или СГ говорит о том, что сочинению, очевидно, не подвергается вся максимальная проекция глагольной группы. При этом совершенно необязательно перед нами должно быть сочинение вершин. Напротив, как мы видели, способность второго глагола иметь зависимые и грамматичность морфологического оформления ветвящихся составляющих говорят как раз в пользу сочинения составляющих.

Таким образом, СГ представляют собой некоторый промежуточный вариант между сочинением вершин и максимальных проекций: общая часть глагольной группы, составленная из двух сочиненных глагольных групп, присоединяет некоторое количество общей структуры. Как мы видели выше, и подлежащее (внешний семантический участник), и прямой объект (внутренний участник) являются общими для обеих глагольных групп. Предварительно структуру глагольной группы со сложными глаголами можно представить следующим образом:

(47) [_{VP}Ext.Arg [_{VP} [_{VP}Adjunct(s) [_{VP}Int.Arg [_{VP} [_{VP}V_{Manner}] & [_{VP}V_{Result}]]]]]]].

Итак, мы пришли к тому, что в случае СГ имеем дело с сочинением (немаксимальных) проекций глагольной группы, имеющих общего внутреннего и внешнего участника.

4.5. Пассивизация

Наконец, последнее свойство, которое при этом является достаточно важным для нас, — это способность к пассивизации всей конструкции при оформлении пассивным показателем только второго глагола.

(48) каз.

Командор бауызда-п өлтірі-л-ді
Командор колотъ-CONV убивать-PASS-PST
‘Командор был заколот’.

(49) каз.

(?) *өзен тез жүзі-п өті-л-ді*
река быстро плыть-CONV проходить-PASS-PST
‘Реку быстро переплыли’.

В примерах, приведенных выше, от обоих семантических типов СГ (результативного и директивно-го) образован пассив. Несмотря на то, что пассивный маркер при этом употреблен только один раз (на глаголе результата), пассивное значение получают оба глагола и вся конструкция в целом.

Если подобные пассивы от сложных глаголов носители (почти всегда) расценивают как грамматичные, то примеры, где семантика обоих глаголов не допускает прочтения Manner-Result, расцениваются как недопустимые. В двух примерах ниже события, задаваемые обоими глаголами, являются независимыми, из-за чего оформление таких пар значений общим пассивным показателем невозможно.

(50) каз.

**Командор шақыры-п өлтірі-л-ді*
Командор звать-CONV убивать-PASS-PST
‘Командора позвали и убили’.

(51) каз.

**Өзен тез тауы-п өті-л-ді*
река быстро находить-CONV проходить-PASS-PST
‘Река быстро найдена и преодолена’.

Свойство составных глагольных конструкций подвергаться пассивизации при морфологическом оформлении пассивным маркером только второго глагола известно как реструктурирование. Как утверждается в [Wurmbbrand 2001, 2004], реструктурированию подвергаются части глагольной группы, находящиеся внутри вершины малого *v*⁷.

Выше мы приводили примеры типа (17) с интерпозицией прямого объекта, которые, как мы предположили, отличаются от СГ семантически (неоднособытийностью) и синтаксически (более высоким уровнем проекции). Если мы предполагаем, что за такими примерами стоит структура, отличная от СГ и аналогичная «обычному» сочинению, мы ожидаем неграмматичности пассивных аналогов примеров ти-

⁷ Под «малым *v*» понимается функциональная вершина в составе глагольной проекции, ответственная за введение внешнего (каузирующего) участника ситуации.

па (17); это ожидание подтверждается. Повторим ниже пример (17) и приведем его неграмматичный аналог в пассиве.

(17) каз.

Дон Жуан бауызда-п Командор-ды өлтiр-дi
 Дон Жуан резать-CONV Командор-ACC убивать-PST
 ‘Дон Жуан, заколов, убивает Командора’.

(17') каз.

*бауызда-п Командор өлтiр-i-л-дi
 резать-CONV Командор убивать-ST-PASS-PST
 ‘Командор заколот’.

5. Свойства сложных глаголов образа действия: итоги

Подведем итоги исследования свойств СГ образа действия.

Свойства тюркских СГ образа действия:

- 1) **однособытийность** — СГ образа действия задают единое сложное событие, содержащее два под-события;
- 2) **идентичность участников** — однособытийность обеспечивается общей аргументной структурой и обстоятельствами⁸;
- 3) **время ситуации** — время события, передаваемого первым глаголом, вкладывается во время события второго ($T1 \subseteq T2$);
- 4) **фиксированный порядок следования глаголов** — глагол образа действия всегда предшествует глаголу результата / директивному глаголу;
- 5) **сочинение** — СГ образуются в результате сочинения (немаксимальных) проекций глагольной группы;
- 6) **межкатегориальная морфология** — СГ (как и другие сочиненные глагольные группы) могут оформляться общим показателем причастия, номинализации и т. д.;
- 7) **пассивизация** — СГ образа действия могут образовывать пассив при оформлении пассивным маркером только второго глагола.

Сложные глаголы, как уже было сказано, представляют собой сочиненную глагольную группу (свойство 5) и выделяются в особую конструкцию прежде всего благодаря свойству 7, а также, возможно, свойствам 1, 3 и 4. Последующие наши работы будут посвящены поиску и объяснению причин, по которым глагольные сочетания, обозначенные нами как СГ образа действия, образуют устойчивый оборот, обладающий особыми свойствами.

Заключение

В статье рассмотрен особый тип тюркских глагольных сочетаний, не подпадающий под стандартное определение конструкций со вспомогательными глаголами. На основании предложенного анализа можно утверждать, что рассмотренные сложные глаголы представляют собой продуктивное грамматическое средство образования новых глагольных значений. Такие конструкции образуются тем же способом, при помощи которого кодируется сочинение событий, с той лишь разницей, что сочинение в данном случае может затрагивать более глубокие языковые уровни. Вторая часть сложных глаголов, таким образом, не является элементом из закрытого списка лексем. Основные ограничения на образование СГ — сочинительная связь и принадлежность каждого из глаголов к определенному семантическому классу. Следовательно, данная конструкция должна рассматриваться отдельно от употребления вспомогательных глаголов.

Наблюдение о различии двух типов сериализаций делалось и раньше: ср., например, выделение в [Aikhenvald 2006] асимметричных и симметричных сериальных конструкций. Как представляется, на материале тюркских языков нам удалось показать, что сложные глаголы выделяются не только на семантических основаниях, но демонстрируют и особое синтаксическое поведение. За асимметричными (= грамматическими) и симметричными (= лексическими) сериализациями стоят разные синтаксические структуры, что приводит к серьезному расхождению в дистрибутивных и семантических свойствах.

⁸ Как мы видели в п. 4.1.4, каждый из двух глаголов может иметь и свои косвенные объекты / обстоятельства; критичное условие здесь — совпадение главных аргументов.

Сокращения

Языки и диалекты

англ. — английский
каз. — казахский

кбалк. — карачаево-балкарский
кирг. — киргизский

рус. — русский

Глоссы

ABL — аблатив (отложительный падеж)
ACC — аккузатив (винительный падеж)
CAUS — каузатив
COND — условное наклонение
CONV — конверб
DA — сочинительная / усилительная частица
DAT — датив (дательный падеж)
E — вспомогательный глагол
GEN — генитив (родительный падеж)
INF — инфинитив
INSTR — инструменталис (творительный падеж)

NEG — отрицание
PASS — пассив
PFCT — перфектив, перфективное причастие
PL — множественное число
PST — прошедшее время
REC — реципрок
SG — единственное число
ST — основа
1 — первое лицо
3 — третье лицо

Общие

букв. — буквально
КВГ — конструкция со вспомогательным глаголом
СГ — сложный глагол
АТВ — across the board movement
ЕСМ — exceptional case marking
Ext.Arg — внешний семантический участник
Int.Arg — внутренний семантический участник
intr — непереходный
N — имя

O — объект
PartP — группа причастия
PRO — нулевое подлежащее («большое PRO»)
S — субъект
t — trace, след передвижения
T1 — временной интервал первой ситуации
T2 — временной интервал второй ситуации
V — глагол
VP, vP — глагольная группа

Литература

- Алиев 1973 — *Алиев У. Б.* Синтаксис карачаево-балкарского языка. М., 1973. {*Aliiev U. B.* Sintaksis karachaevo-balkarskogo jazyka. M., 1973.}
- Бектаев 1995 — *Бектаев К.* Большой казахско-русский, русско-казахский словарь: 30 000 слов. Алматы, 1995. {*Bektaev K.* Bol'shoj kazahsko-russkij, russko-kazahskij slovar': 30 000 slov. Almaty, 1995.}
- Ганиев 2003 — *Ганиев Ф. А.* Способы действия глаголов в татарском языке. Казань, 2003. {*Ganiev F. A.* Sposoby dejstvija glagolov v tatarskom jazyke. Kazan', 2003.}
- Гращенко 2012 — *Гращенко П. В.* Тюркские конструкции со вспомогательным глаголом и деепричастием на -р (на материале языков кыпчакской группы) // Урало-алтайские исследования. 2012, 1 (6). С. 55—77. {*Grashchenkov P. V.* T'urkskie konstruksii so vspomogatel'nym glagolom i deerprichastiem na -r (na materiale jazykov kypchakskoj grupy) // Uralo-altajskie issledovanija. 2012, 1 (6). P. 55—77.}
- Интернет-ресурс Карачаевские сказания — Monumenta Altaica: Алтайское языкознание. Карачаевский фольклор. Карачаевские сказания / Записано *Семеновою И. Д.* Пер. *Семеновою И. Д.* Ред. *Кретов А. А.* // <http://www.altaica.ru/texts/karachay.htm>, 2002. {*Monumenta Altaica: Altajskoe jazykoznanie. Karachaevskij fol'klor. Karachaevskie skazanija / Written by Semenova I. D. Transl. Semenova I. D. Ed. Kretov A. A.* // <http://www.altaica.ru/texts/karachay.htm>, 2002.}
- Казенин 2011 — *Казенин К. И.* Проблема «размеров» конъюнктов в русском языке: Данные некоторых типов сочинительных конструкций // Вопросы языкознания. 2011, 4. С. 46—60. {*Kazenin K. I.* Problema "razmerov" konjunktov v russkom jazyke: Dannye nekotoryh tipov sochinitel'nyh konstruksij // Voprosy jazykoznanija. 2011, 4. P. 46—60.}
- Текуев 1979 — *Текуев М. М.* О глагольном словосложении в карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1979. {*Te-kuev M. M.* O glagol'nom slovoslozhenii v karachaevo-balkarskom jazyke. Nal'chik, 1979.}
- Тенишев, Суюнчев 1989 — Къарачай-малкъар-орус сѣзлюк (Карачаево-балкарско-русский словарь) / Ред. *Тенишеву Э. Р., Суюнчеву Х. И. М.*, 1989. {*K"arachaj-malk"ar-orus s'ozl'uk (Karachaevo-balkarsko-russkij slovar') / Ed. Teni-shev E. R., Sujunchev H. I. M.*, 1989.}

Тестелец 2001 — *Тестелец Я. Г.* Введение в общий синтаксис. М., 2001. {*Testelets Ja. G. Vvedenie v obshchij sintaksis. M., 2001.*}

Aikhenvald 2006 — *Aikhenvald A.* Serial Verb Constructions in Typological Perspective // Serial Verb Constructions: Cross-linguistic Typology / Eds. *Aikhenvald A., Dixon R. M. W.* Oxford, 2006. P. 1—68.

Aikhenvald, Dixon 2006 — Serial Verb Constructions: Cross-linguistic Typology / Eds. *Aikhenvald A., Dixon R. M. W.* Oxford, 2006.

Baker 1989 — *Baker M.* Object sharing and projection in serial verb constructions // *Linguistic Inquiry*. 1989, 20. P. 513—553.

Baker, Stewart 1999 — *Baker M., Stewart O. T.* On the double-headedness and the anatomy of the clause. Manuscript. Rutgers University, 1999.

Baker, Stewart 2002 — *Baker M., Stewart O. T.* A serial verb construction without constructions. Manuscript. Rutgers University, 2002.

Chomsky 1986 — *Chomsky N.* Knowledge of Language: Its Nature, Origin, and Use. New York, 1986.

Johanson 1995 — *Johanson L.* On Turkic converb clauses // *Converbs in cross-linguistic perspective* / Eds. *Haspelmath M., König E.* Berlin, 1995. P. 313—347.

Johnson 2006 — *Johnson S.* Revisiting the structure of serial verb constructions // *Proceedings of the Workshop in General Linguistics WIGL 4 (2006)*. Vol. 6. LSO Working Papers in Linguistics / Ed. *Blake R.* Madison, 2006. P. 39—48.

Kayne 1994 — *Kayne R. S.* The Antisymmetry of Syntax. Cambridge—Massachusetts, 1994.

Kazenin 2010 — *Kazenin K.* Russian Gapping: Against ATB // *Formal studies in Slavic linguistics: Proceedings of formal description of Slavic languages 7.5*. Frankfurt am Main, 2010. P. 135—151.

Ross 1967 — *Ross J. R.* Constraints on Variables in Syntax. PhD dissertation. Cambridge—Massachusetts, 1967.

Tomioka 2004 — *Tomioka N.* The lexicalization patterns of verbs and V-V compounds // *Proceedings of Workshop on Multi-Verb Constructions* / Eds. *Beermann D., Hellan L.* Trondheim, 2004 // <http://edvarda.hf.ntnu.no/ling/tross/tomioka.pdf>.

Wurmbbrand 2001 — *Wurmbbrand S.* Infinitives: Restructuring and Clause Structure. Berlin—New York, 2001.

Wurmbbrand 2004 — *Wurmbbrand S.* Two types of restructuring — Lexical vs. Functional // *Lingua*. 2004, 114. P. 991—1014.

РЕЗЮМЕ

В статье исследуется тип глагольных сочетаний в тюркских языках, традиционно относимый к сериализации (конструкции со вспомогательными глаголами). Данное глагольное сочетание образовано соположением глагола образа действия и результата. В работе предпринимается попытка показать, что такие сочетания подпадают под особый тип сочинения, включающий проекции меньшего размера, чем обычные сочиненные глагольные группы.

SUMMARY

The article investigates the Turkic constructions that traditionally have been treated as serializations (auxiliary constructions). These constructions consist of a manner verb juxtaposed with a result verb. The aim of the paper is to show that this kind of constructions is a specific type of coordination, involving reduced verbal projections as opposed to a regular verb phrase coordination.

Ключевые слова: конвербы, сочинение, образ действия, результат, сериализация

Keywords: converbs, coordination, manner, result, serialization

Бурятская традиционная одежда

Первые сведения о бурятском традиционном костюме стали известны из письменных источников XVII в. — записок путешественников, историков и этнографов. О монгольском костюме есть упоминания и более глубокой древности. Например, в статье Н. В. Хрипунова «Одежда знати Великой империи монголов в 1207—1266 гг.» со ссылкой на археологические материалы пишется о том, что до нашего времени дошло достаточно много монгольских халатов, датируемых XIII—XIV вв., и они однотипны в деталях: имеют, например, короткие цельнокроеные рукава, которые затем набираются до необходимой длины отдельными кусками ткани [Хрипунов 2012: 364]. О том, что эти халаты «застегиваются сбоку», написано у ПIANO Карпини — итальянского путешественника, побывавшего в ставке Чингизидов близ Кара-Корума в 1246 г. [Карпини 1957: 28].

О материалах, из которых шилась одежда монгольской знати, писал китайский путешественник Пэн-дай, посетивший монголов в 1233 г.: «В старые времена их одежда шилась из войлока, шерсти и кожи, а сейчас — из полотна и шелков с золотыми нитями» [Сборник документов 1960: 28]. Упоминания о бурятском костюме XVII в. также касаются одежды богатой верхушки бурят (с которой прежде всего, вероятно, и имели дело «государевы люди» — послы, воеводы и путешественники): «У Турукая-табунана, князя, юрты войлочные, пущены бархатом лазоревым, а платья носят по-бракки: тулупы бархатные и камка на золоте» [там же: 113].

Как мы видим, сведения о традиционной бурятской одежде и некоторых ее названиях имеют давнюю историю, и для удобства и хронологической последовательности нам представляется целесообразным рассматривать названия общемонгольского уровня отдельно от остальных, более поздних (начиная с северномонгольского периода развития монгольских языков). Именно этой поставленной задачей и объясняется тот факт, что в данной статье подробнее рассматриваются преимущественно древнемонгольские названия одежды.

Из имеющихся материалов, а также литературы, посвященной бурятской одежде (см., например, [Бадмаева 1987; Бальжинимаева 1994; Базарова 2002] и др.), в круг рассматриваемого корпуса можно включить названия следующих основных предметов одежды и аксессуаров: 1) плечевая одежда (*дэгэл*, *самса*); 2) поясная одежда (*үмдэн*); 3) головные уборы (*малгай*); 4) пояса, ремни (*бэһэ*) и подвески к ним; 5) обувь (*гутал*, *годоһон*).

1. Плечевая одежда

1.1. Дэгэл

Разновидностей одежды *дэгэл* было чрезвычайно много — в зависимости от 1) материала (*нэхээ* ‘овчина’, *арһан* ‘шкура’, *нооһон* ‘шерсть’, *бүд*, *эд* ‘хлопковая ткань’, *торгон* ‘шелк’), 2) назначения (*басаган дэгэл* ‘шуба для девушки’ и др. [Бадмаева 1987: 45]), 3) длины (*сээжэ дэгэл*, *сээжэбшэ* ‘шуба, халат с лифом’ < *сээжэ* ‘грудь’; описание с чертежами и рисунками дано в [Бадмаева 1987: 60—62]), 4) наличия или отсутствия подклада и покрытия. Названия типов дэгэла в большинстве случаев мотивированы: если шуба была сшита из овчины примерно через два месяца после стрижки, то она называлась *хүрбэдхэ дэгэл* (*хүрбэдхэ* ‘короткошерстный’), если сразу после стрижки — *хахидха дэгэл* (*хахидха* ‘еще не отросшая шерсть’); *номто дэгэл* — духовное или ламское одеяние (< *ном* ‘книга’), *тэмдэгт дэгэл* — военная форма (< *тэмдэг* ‘знак, отметина, метка’), *цэмбэн* (тибетизм [Сүхбаатар 1997: 210]) *дэгэл* — шуба, крытая сукном.

Нарядный дэгэл покрывали шелком — *шершүү дэгэл* (*шэршүү* ‘чесуча’ — китаизм [Гантогтох 1995: 18]). Для теплого времени года буряты шили дэгэл из ткани с легким подкладом (*дотор*), и он назывался *тэрлэг* (Рис. 1). Слово это имеет параллели в казахском, киргизском и других тюркских языках, означает ‘потник’ и восходит к *тер* ‘пот’ [ДТС 1969; Цыдендамбаев 1972: 469]. К тюркизмам, заимствованным в монгольские языки вместе с суффиксом *-лиг*, относит это слово и У.-Ж. Дондуков [Дондуков 1993: 34].

Самой примечательной частью дэгэла был *энгэр* — грудная часть, оформлявшаяся полосками разноцветного шелка и бархата, по которым можно было судить о родовой принадлежности носителя. Цветовой символике, оформлению и региональным особенностям энгэров посвящена обширная литература, разные авторы описывают эту яркую центральную деталь национальной одежды. Перечислим здесь лишь некоторые из этих работ этнографического характера: технологии пошива традиционной бурятской

одежды (в частности, энгэра) посвящена статья [Бальжинимаева 1994], декоративному оформлению праздничной одежды — одна из глав в книге [Тугутов 1958: 122—124], о территориальных разновидностях дэгэлов с энгэром и без него написано в работах [Бадмаева 1987: 44—45; Николаева 2004].

Левая пола дэгэла (*элюур хормой* ‘парящая пола’) запахивалась на правую (*дотор хормой* ‘внутренняя пола’), что давало возможность правой рукой класть и доставать что-либо из-за пазухи (энгэра), и это было тем удобнее, что дэгэл подпоясывался ремнем из сыромятной кожи (*тасам, бэнэ*) или широким кушаком — длинным куском ткани.

Халат (тэрлэг или шуба из овчины) обязательно имел декоративную застежку на плече и с глубоким запахом застегивался сбоку, в районе правого подреберья, что имело для бурята особое значение: кроме тепла, это придавало человеку уверенность в том, что посланный ему чей-либо злой умысел, если он имеет место, не коснувшись груди, отбрасывается назад (*Рис. 2*). В жизни кочевника моменты расцвета сменялись падежом скота, суховеями, морозами и засухой, заставлявшими его крепко верить в то, что в этой жизни обыденное соседствует с сакральным.

Рис. 1. Девушка в одежде тэрлэг.

Рис. 2. Дэгэл имел две застежки — на правом плече и на правом боку.

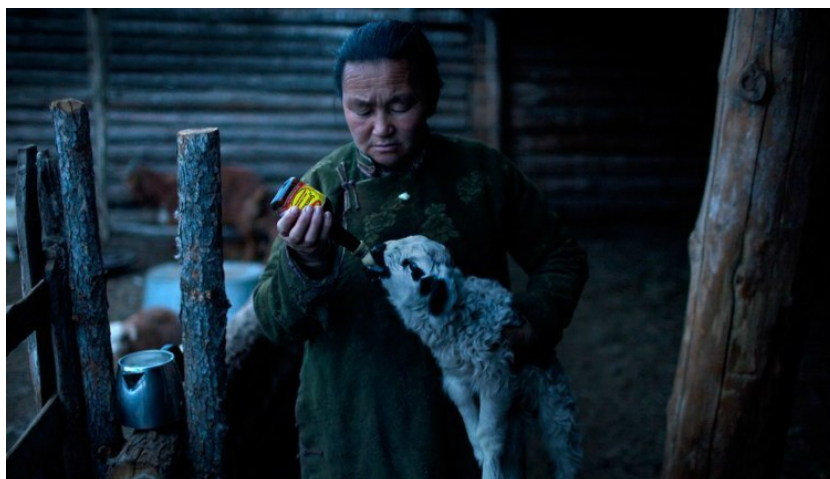

Рис. 3. Бурятский рабочий халат.

Рабочий халат шили из хлопчатобумажной ткани (Рис. 3). Мужские (иногда и женские) дэгэлы шили из цельных полотнищ, расширяющихся книзу. Нарядные дэгэлы хоринских, кяхтинских и селенгинских женщин (Рис. 4) имели лиф (сээжэ), присборенный подол (хормой), составные рукава (хамсы), которые в наплечной части стягивались в густую сборку, а к локтям сужались (здесь пришивалась нижняя часть рукава — тохой).

Примечательно, что существовал и особый тип мужской одежды *тэрлэг*, который шили из тонкого войлока. Разрез спереди был прямым, ворот — прямым и длинным. Этот тип одежды обычно определяется как южносибирский тип и встречается еще у тувинцев, хакасов и ряда тюркоязычных народов Средней Азии [Шибяева 1954: 13—14; Потапов 1969: 96—97]. Тюрко-монгольская общность в данном типе одежды подтверждается общими названиями ее деталей: шалевый воротник этого типа войлочной одежды называется на бурятском языке *хиаз зах*, бархат или мех, которым отделялись рукава, — *хошмог* (*хошмоглохо* ‘отделять мехом’); ср. тур. *keyiz* ‘войлок’, др.-уйг. *kajiz* ‘кошма’ [ЭСТЯ 1997: 67].

Носили буряты и шубы, сшитые мехом наружу, — *даха*. Покрой такой шубы отличался от покроя дэгэла: она имела вшивные рукава и очень большой отложной ворот, закрывавший шею и голову во время дальней дороги. Такая шуба называлась в зависимости от разновидности шкур, из которых была сшита: *ямаан даха* ‘козья доха (шуба)’, *шоно даха* ‘волчья доха (шуба)’, *булган даха* ‘соболья доха (шуба)’ и т. д. Во время непогоды поверх шубы надевали *хэбэнэг* (тюркизм [ЭСТЯ 1997: 48]) — плащ или бурку из войлока (*нэеы*); в дождь на верхнюю одежду надевали накидку *суба* (арабизм [Бертагаев 1974: 371; Сүхбаатар 1997: 209]), сделанную также из войлока, но катанного с жиром — для водоотталкивания. Подобная верхняя одежда имела и общее название — *дабхаса* (< *дабхар* ‘двойной, сложенный в несколько рядов’).

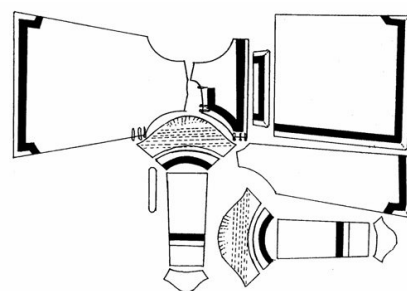

Рис. 4. Дэгэл хоринских, кяхтинских и селенгинских женщин: рукава (хамсы) присборены на плечах, буфы кроются и присбориваются отдельно, остальная часть составная, лиф (сээжэ) отрезной [Бадмаева 1987: 61].

Рис. 5. Зимний дэгэл, подпоясанный кушаком.

Рис. 6. Тэрлэг, подпоясанный кожаным ремнем (фотография взята с интернет-ресурса <http://tolia60.blog.ru/>).

Рис. 7. Зимний дэгэл, подпоясанный кушаком.

Мужчины подпоясывали дэгэл ремнем из сыромятной кожи или кушаком (Рис. 5 и 7; ср. также Рис. 6). Кроме того, что кушак сохранял тепло, он часто был также местом хранения. Так, в «Бурятско-русском словаре» К. М. Черемисова читаем: *Бичиг дансаа ваадагнаад буслэв* ‘Завернул деловые бумаги в кусок материи и подпоясался им’ (*вааданг* — китайское слово, которое обозначает кусок материи для завертывания) [Черемисов 1973: 320].

За пазухой обычно носили кисет с табаком и трубку, а с появлением письменности и распространением буддизма — «настолярную книгу», чаще религиозного содержания (*өврийн ном* букв. ‘книга пазухи’). За пазухой часто шили внутренний карман — *өвөр халаас* ‘пазуха-карман’ (отсюда выражение *үбэр хооһолохо* ‘опустошить карман; бить по карману’, букв. ‘опустошить пазуху’).

1.2. Самса

Слово *самса* считается тибетизмом [Сүхбаатар 1997: 207]; поскольку это существительное встречается в среднемонгольских источниках (см., например, [Haenisch 1939: 25]), то оно является ранним тибетизмом (в работе [Будаев 1978: 189] указывается на маньчжурское *чамчи* как исходное).

Как и верхний халат, самса была распашной, с запахом левой полы на правую и воротником-стойкой — *бутүү заха* ‘глухой ворот’ (в эвенкийском *заха* имеет параллель *дяка* ‘воротник’, в тюркских языках зафиксировано *яка* ‘берег, край, окраина’ [ЭСТЯ 1989: 83]). Распашная рубаха, которая называлась *морин самса* ‘рубаха-лошадь’ и была приспособлена для верховой езды, по покрою напоминала дэгэл. По покрою рубаха была такой же, как и верхний халат: распашная, с запахом, воротником-стойкой и рукавами, выкроенными из основного полотнища стана. Рукава иногда надставлялись куском ткани, сужались к концам или оставались прямыми; бока рубахи внизу не зашивались, края обшивали тканью. Этот тип покроя является наиболее старым (подробнее, а также иллюстрации и чертежи см. в [Бадмаева 1987: 41—42; Базарова 2002: 43]).

Ко второму типу можно отнести рубаху (самсу) с прямым разрезом у горловины. В основе этого рубахи лежит перегнутое полотнище ткани, из которого традиционно выкраивали основания рукавов. Разрез у горловины имел планку (*хэрһэн*) и застегивался на пуговицу, которая называлась *хоолойн тобшо* ‘пуговица горла’ (синоним — *шагта*). Общемонгольская лексика, использованная в этих названиях, часто была мотивирована: например, слово *шагта* произошло от слова *шагай*, обозначающего круглую, как пуговичка, косточку на лодыжке. В [Базарова 2002: 40] отмечается любопытная региональная особенность употребления названных синонимов в речи агинских бурят: «в исследуемом говоре слово *тобшо* обозначает пуговицу только бурятского дэгэла, а пуговицу других видов одежды называют *шагта*».

2. Поясная одежда: үмдэн

Исконно монгольской является и бурятская лексика, касающаяся поясной одежды: бур. *үмдэн* ‘брюки, штаны’, *дотор үмдэн* ‘кальсоны’ (букв. ‘внутренние штаны’), *мухар үмдэн* (редко) ‘трусы, плавки’ (букв. ‘неполные, куцые штаны’), *оодон үмдэн* ‘короткие штаны, шорты’; монг. *омд* ‘штаны, брюки’;

калм. *шалвр* ‘брюки, штаны’, *дотр шалвр* ‘кальсоны’, *шантг шалвр* ‘трусы’ [Пюрбеев 1996: 138] (кальмыцкое слово *шалвр* заимствовано из тюркских языков).

Для пошива штанов, которые носили как мужчины, так и женщины, брали короткошерстную овчину крупного размера и складывали по длине. В верхней части при соединении двух штанин вшивали вставку, которая могла иметь прямоугольную или суживающуюся кверху форму (*сурвалжин*). Мужские штанины обычно надставлялись с помощью *залгаа* (‘соединения’), были длинными и заправлялись в войлочные или вязаные чулки (*оймһон*).

Штаны носили на вздержке, продетой в петельки на поясе или в подшитый верхний край. Обычно их шили из добротной выделанной овчины (шкуры молодой крупной овцы с короткой шерстью), реже — из выделанных шкур крупного рогатого скота (коровы, теленка); в степных районах в ход шли и тарбаганьи шкуры, штаны из них утепляли наколенниками из тарбаганьего меха — *үбдэгшэ* (< *үбдэг* ‘колено’). Для теплого времени года штаны шили из замши (*һарьһан*), от стирки они становились белыми и мягкими, как из ткани.

Распространенными были и штаны другого покроя: из одного большого куска овчины, сложенной вдвое, выкраивались и штанины, и ластовица.

Первый тип штанов получил распространение на территории нынешней Иркутской области, Тункинского, Баргузинского и Кижингинского районов Республики Бурятия, Петровск-Забайкальского и Хилокского районов Забайкальского края; второй тип — в Окинском, Селенгинском и Бичурском районах Республики Бурятия [Бадмаева 1987: 44].

3. Головные уборы: малгай

Наиболее старинная бурятская шапка (*малгай*) — это шапка *юдэн*, шапка-капюшон (Рис. 8). Она состояла из двух цельных половин, была одношовной и шилась чаще из сукна темного цвета. Такая шапка известна у монголов (монг. *юбан*), казахов (каз. *башык*) и тувинцев (тув. *будзэлгэ*) [Бадмаева 1987: 51]. *Юдэн* считался главным образом головным убором монголов, а также лам и принявших обет святости старушек (*шабганса*). Такие шапки носили также мужчины в Селенгинском, Джидинском и Кяхтинском районах Республики Бурятия, где жили в основном цонголы, сартулы и другие выходцы из Монголии; эти шапки встречались не только у представителей монголоязычных народов, но и у народов Приморья и Саяно-Алтайского нагорья [там же: 53].

Рис. 8. Шапка-капюшон *юдэн* — сезонная производственная шапка агинских, закаменских и джидинских бурят, а также монголов.

Рис. 9. Девочка в шапке *төөрсэг*.

Как взрослые, так и дети носили головной убор *төөрсэг* — шапку с верхом из четырех клиньев, короткими наушниками, а также козырьками спереди и на затылке (Рис. 9). В современных монгольских языках это слово вышло из употребления. В письменном монгольском языке оно встречалось в форме *тоуурцау* и было многозначным: ‘волосы, собранные чубом’, ‘цветочная чашечка’, ‘шишка хвойного дерева’, ‘шапка конусообразной формы’ [Владимирцов 1929: 205]. Б. Я. Владимирцов приводит тюркскую параллель этому слову — *тобырчик* ‘нагайка с завитым концом’, ‘узел на конце плети’ [там же: 205] (возможно, здесь действительно имела место ассоциация с кисточками и узлами из шелкового шнура, а также металлическими навершиями, которыми в прошлом обязательно украшались монгольские шапки).

Рис. 10. Женщина и мужчина в традиционных шапках с высоким острым верхом.

Широкое распространение имели шапки с высоким острым верхом. Высокий борт такой шапки часто оторачивался мехом рыси или соболя. Утепленный вариант этой шапки известен под названием *ха-сабишатай малгай* ‘шапка с наушниками’ (< *хасар* ‘щека’): на лицевой и затылочной части делались небольшие выступы, которые в теплую погоду заворачивались.

4. Пояса, ремни: *бэһэ*

Предметом особой гордости был кожаный ремень (*бэһэ*) с пряжкой (*горхи(н)*). Пояс (ремень) был обязательной принадлежностью мужского костюма, символизировал мужскую силу и воинскую доблесть. Эта традиция сохранилась в выражении *бэһэтэй хун* ‘человек с ремнем’, которым пожилые буряты почтительно называют мужчину, и восходит к древним временам. Еще ребенку-буряту поверх одежды надевали пояс, который должен был охранять его от злых духов [Басаева 1974: 21]; позже пояс с зубом марала и когтями добытого им зверя помогал буряту, как считалось, на охоте.

Ремни с металлическими пластинами сохранялись до конца XIX в. у старожилов Иркутской области, Баргузинского и Тункинского районов Республики Бурятия, а также у агинских бурят. Длина ремня составляла 75—90 см, ширина — 5—10 см (Рис. 11).

Кожаный ремень имел внутри подкладку из специально обработанной березовой коры. Полученная жесткая конструкция позволяла закреплять на ней украшения из металлических пластин, серебра и кораллов. Пластины украшались орнаментом. Наиболее часто на ремнях, дошедших до наших дней, встречается так называемый древнесибирский (геометрический) тип орнамента, состоящий из кругов, треугольников, зигзагов и их различных комбинаций, а также более поздний — центральноазиатский — тип орнамента с изображениями драконов, рыб, узелков и цветов лотоса [Иванов 1961: 321].

Наборные пояса имели древнее происхождение и были распространены у многих народов. Судя по археологическим раскопкам памятников II-ой пол. I-ого тысячелетия, они встречались на территории Восточной Азии и Восточной Европы, причем не только у кочевников, но и у земледельцев, испытавших их влияние (например, в Согде и других районах Средней Азии) [Распопова 1965].

Традиция ношения кожаного пояса с наборными металлическими пластинами сохранялась у монголов, тувинцев, казахов, киргизов и башкир вплоть до XX в. Этнографические работы показывают, что такие пояса были широко распростра-

Рис. 11. Мужчина, подпоясанный традиционным бурятским ремнем (фотография взята с интернет-ресурса <http://pribaicai.ru/>).

нены в Центральной Азии в VIII—X вв., они были известны кочевникам Алтая и использовались саяно-алтайскими племенами еще в гунно-сарматское время [Иванов, Махова 1968: 102]. Они изображены на каменных изваяниях в Туве, у р. Шеми; благодаря археологическим раскопкам на территории Тувы было обнаружено два таких пояса, относящихся к VII—VIII вв. [там же: 61].

К кожаному поясу подвешивали предметы вооружения, подвески для огнива *хэт бол* и футляр с ножом *хутага* (Рис. 12). На поясе также носили *бурчиг* — кошель в виде мешочка; слово *бурчиг* является тюркизмом (< *бюрт* ‘круглый’, ‘бутончик’, ‘почка’ [ЭСТЯ 1978: 301]). В кочевой жизни нужны были разные кожаные мешки (*тулам*): начиная от маленьких (для табака), узких и длинных (для ношения чашки) и заканчивая большими, которые надували для переправы через реку. О важности в походе такой детали, как чашка, говорит пословица: *Аягагүй хүн амгүйтэй адил* ‘Человек без чашки — все равно что без рта’.

5. Обувь

Основу бурятской обуви (*годоһон*, *гутал*) представлял поршень — кусок кожи, который через союзку пришивался к голенищам (*түриш*). Обувь надевали на чулок из войлока или ткани. Высокие голенища обуви (унтов) иногда подвязывались ремешками и завязками, специальные ремешки для подвязывания голенищ прикреплялись к поясу или ремню.

Для теплого времени года обувь (унты) шили из ткани, простегивали на вате, для зимы — из овчины, шкуры косули. Переднюю (*сараг*) и пяточную (*холгуур* < *холохо* ‘быть натертым до мозоли’) союзки делали из кожи. Западные буряты передник и задник обуви (унтов и сапог) называли *хашааһан* (< *хашаха* ‘теснить, прижимать, прессовать’), место взъема — *ульмы*. Для укрепления каркаса обуви к тонким местам часто приклеивали кожаные прокладки — *сабаг*.

Аналоги бурятской поршневидной обуви зафиксированы у забайкальских эвенков (баргузинских, читинских, нерчинских и верхнеамурских), а также у телеутов.

Большое распространение среди бурят имела и башмаковидная обувь. Специфика этой обуви заключалась в том, что она имела жесткую подошву, приподнятую у носка (*гутлын хоншоор*), и потому называлась *эрмэг гутал* (*эрмэг* ‘край’).

С давних времен у бурят известна также обувь с выкройной подошвой (*ула*) и носком в форме мысика (*олмийн тах*). В сырую погоду носили *шүүдэршэ* (< *шүүдэр* ‘роса’) — обувь из конского волоса, которая была крепкой и служила долго.

Обувь состоятельных людей отличалась богатством отделки и материала. Например, у бурят Иркутской области был распространен обычай вышивать (гладью, крестом) на обуви из плиса или сукна черного цвета. Унты с вышивкой можно увидеть в экспозиции Республиканского краеведческого музея в г. Улан-Удэ: по черному плису вышит орнамент красного, оранжевого и голубого цветов, занимающий всю поверхность носка и покрывающий шов, который соединяет носок с голенищем. В комментариях орнамент назван «сложнокриволинейным», он характерен для творчества якутов, качинцев, алтайцев и других тюркоязычных народов Южной Сибири.

В фондах Окружного историко-краеведческого музея им. Г. Ц. Цыбикова в пгт. Агинское имеются унты, на которых техникой аппликации из кожи выполнено изображение, напоминающее хищную птицу (очевидно, орла), что представляется не случайным. Это может быть трансформацией традиционного узора населения о. Ольхон, ведь, по предположениям историков и этнографов, буряты хоринских родов до XIX в. населяли территорию вокруг оз. Байкал, жили и на о. Ольхон, где, как известно, орел (*ехэ шубуун*) считался хозяином острова и духом-покровителем его населения. Лишь позднее хоринские буряты заняли земли в Забайкалье по рекам Онон, Борза, Хилок и Ингода [Бадмаева 1987: 109].

Кроме основной обуви, буряты носили наколенники (*убдэгшэ*) в виде куска кожи, утепленного войлоком. Они были крайне необходимы как промысловая обувь охотникам за нерпой на оз. Байкал, которым часто приходилось передвигаться на коленях по льду. Наколенники из кожи входили также в состав одежды таежного охотника, а в более древние времена были принадлежностью бурятского воина, о чем свидетельствует интересная находка, выставленная в Усть-Ордынском окружном краеведческом му-

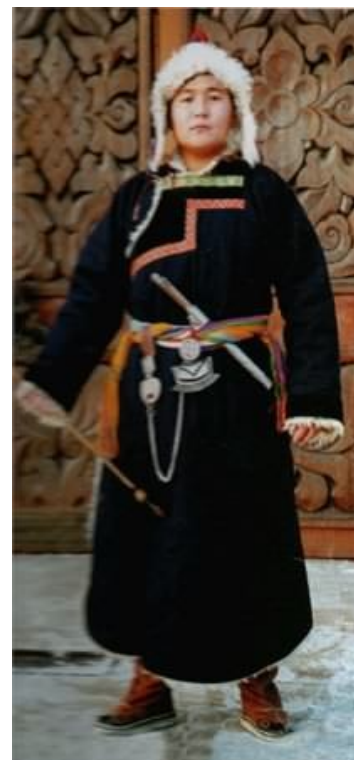

Рис. 12. Мужчина, подпоясанный традиционным бурятским ремнем

зее, — наколенник воина-охотника времен облавных охот. Он сделан на кожаной основе (длина — 53 см, ширина — 14 см, с расширением в верхней части до 24 см), защищавшей переднюю часть голени всадника. Сверху наколенник покрыт металлическими бляхами; на месте коленного сустава прикреплена крупная пластина сложного контура.

Таким образом, исследование традиционной одежды и ее аксессуаров является чрезвычайно интересным способом изучения этноса в целом и его исторического прошлого, можно сказать, что это «энциклопедия народной жизни». Перед глазами оживают историзмы: *отго* — перья (*од* ‘перо’), султаны на головных уборах монгольских феодалов и чиновников (при маньчжурской династии); *гуурс(ан)* — трубочка на шапке для втыкания перьев, которые сообщали о служебном ранге своего обладателя; *зуу* — женская золотая медаль, являющаяся привилегией знатных дам, приближенных ко двору. В возрасте 45—50 лет некоторые женщины удостоивались права носить особую прическу, для чего устраивался специальный обряд, после которого женщина причислялась к разряду благополучных. Таковой признавалась женщина, родившая много детей, имеющая относительный достаток в доме и сохранившая при этом свое здоровье. Таких женщин было немного, и это был знак уважения к их заслугам и заслугам их предков.

Различия в одежде были узаконены и изложены в нормах традиционного права — Степных Уложениях: простые улусные люди не имели права украшать шапку наверху в виде шишечки с драгоценным камнем (*жэниэ*), не могли носить одежду из шелковых тканей, голубую и синюю одежду (цвета неба). Однако эти препятствия не могли убить в народе тягу к прекрасному: люди шили высокие шапки, устремленные к небу, из растений добывали краску цвета солнца и бирюзы, красили и украшали одежду и обувь, превращая их в произведения искусства.

Из поколения в поколение передавалась народная мудрость: из сухожилий животных делались нитки, из рогов крупного рогатого скота и рыбьей чешуи варили клей, который употреблялся при изготовлении одежды. Кусок сыромятной кожи, пропитанный этим клеем, применялся в народной медицине: в случае перелома ее предварительно прокалывали для вентиляции и приклеивали (как шину), она надежно фиксировала больное место. Как мы видим, в технологии изготовления одежды, обработке и использовании шкур было очень много наблюдательности, творчества и смекалки.

Традиционная национальная одежда представляет большой интерес и с точки зрения этимологии ее названий (этимологии использованных в статье терминов одежды см. ниже).

Попадаются образные, изобразительные и звукоподражательные слова, которые в каждом языке обычно бывают свои: *шобогор* (*малгай*) ‘конусообразная (шапка)’, *гялдаа* ‘женское висячее украшение из шелка’ (< *гялайх* ‘блестеть’), *задгай гутал* ‘открытая летняя обувь’ (*задгай* ‘распахнутый, болтающийся’); тунк. *пампалай* ‘охотничья мягкая обувь из конского волоса’ (< *пампайха* ‘быть пушистым, пухлым, рыхлым’); унг. *пайтай* ‘чехлы поверх унтов’ (< *пайтаганаха* ‘тяжело топать’), *таб* ‘заклепка’ (звукоподражательное слово) и др.

Многие слова мотивированы названиями частей тела, на которые одежда надевается: *цээжмэг* ‘короткая верхняя одежда’ (< *цээж* ‘грудь’), *магнайбшиа* ‘княжеская шапка с золотым изображением Будды спереди’ (< *магнай* ‘лоб’), *оройбшио* ‘шапка, похожая на тубетейку’ (< *орой* ‘макушка’), *хоолобшио* ‘ожерелье’ (< *хоолой* ‘горло’), тунк. *шасабшиа* ‘разновидность штанов’ (< *шаса* ‘голень’), *шэхэбшэ* ‘вязочки на шапке-ушанке’ (< *шэхэн* ‘уши’) и др.

Некоторые названия имеют прозрачную внутреннюю форму благодаря своей словообразовательной структуре с использованием древних общемонгольских суффиксов: *татаахан* ‘поясное украшение из тесьмы’ (< *татаха* ‘тянуть’), *углуурга* ‘краги у рукавиц’ (< *угалха* ‘нахлобучить’), *тойробшио малгай* ‘круглая шапка с кисточкой’ (< *тойрохо* ‘окружать’), *даруулга* ‘женское украшение на голову’ (< *дараха* ‘давить’), *ханжуурга*, *зүүдхэл* ‘подвески’ (< *ханжишха* ‘свисать’, *зүүхэ* ‘повесить’), *орёолто* ‘чехол’ (< *орёохо* ‘завернуть’), *залгаа* ‘украшение — приплёт к косе’ (< *залгаха* ‘присоединить’) и т. д.

Некоторые прамонгольские названия в современных монгольских языках получили новые значения, например: *бээлэй* ‘варежки’ — бур. *хунадаг бээлэй* ‘резиновые перчатки’; слово *буч* ‘соболья обвязка вокруг шеи’ стало обозначать также пионерский галстук (монг. *улаан буч* букв. ‘красный галстук’), существительное *бурхэ* ‘шалаш, сарай’ (тюркизм) — шляпу и даже парик, а *оройбшио* ‘тубетейка’ — берет; в бурятском языке глагол *шимэ-* ‘украшать’ получил расширение семантики — ‘драпировать что-либо материей’.

Многие названия имеют параллели в других языках. Из китайского языка заимствованы в основном названия тканей и других материальных предметов: *суян* ‘фланель, байка’, *панс(ан)* ‘шелковая ткань’ (< кит. *фанза*), *пин* ‘однотонная гладкая ткань, креп’, *камка* ‘разновидность китайского шелка’ (< кит. *канфа*), *тууза* ‘шелковая тесьма’, *шандан*, *шивуу*, *чесуча* ‘тонкая шелковая ткань’, *цуувай* ‘белый однотонный шелк’, *бошинз* ‘длинная рубаха, род халата’, *маюудза* ‘подушка на седле’, *сампан* ‘пуговица в

виде узла', цонг. *шуудай* 'мешочек' (< кит. *сяо-тай* 'мешок'), *шаахай* 'тапочки, туфли', *махууза* 'шапка'. Много вариантов обнаружено у китаизма *хантууза*: бур. сел., цонг., х.-монг. *хантааз* 'жилет на меху', бур. тунк. *хамтааса*, *хамтааса хурмэг* 'безрукавка, которую надевала невестка в присутствии свекра или свекрови' [Рассадин 1996: 201], монг. *хантааз*, *ханжаар* 'безрукавка поверх дэли¹', х.-монг. *хантааз* 'жилет, безрукавка', у монголов Внутренней Монголии — *хантааз* 'жилет, безрукавка'. В словаре Лессинга [Lessing 1995] мы находим указание на *qanqtaya* (х.-монг. *хантааз*) как производное от китайского слова *han-ta-tzu* [Базарова 2002: 41—42].

Из персидского через тибетский язык в бурятский пришло слово *булгайр* 'юфть', из арабского через тюркские языки — существительные *алмаз* и *цува* 'плащ, дождевик из грубого сукна или войлока'. Заимствования из тибетского языка касаются больше отраслей средневековой науки (философии, астрологии, медицины и лингвистики), а названия одежды относятся к религиозной сфере: *хадаг* < *кха-бдагс* 'шелковое полотенце' (фонема «кха» передается в бурятском как *х*), *жаниша* < *джан-чха* 'кусочек шелка для обертывания священной книги', *лабри* < *ла-брэ* 'балдахин', *орхимжо* < *ор-шем-че* 'широкая полоса красной материи, которую носят ламы, перекинув через плечо', *банзал* < *бан-цал* 'часть одеяния ламы', *шасар* < *шва-сер* 'желтая шапка (отличительный знак желтошапочников в ламаизме)'. Тибетизмы часто используются в названиях украшений: *хуба* < *чхум-по* 'янтарь', *гуу* < *гво* 'медальон', *шүрэ* < *жи-ру* 'коралл' [Хазуев 1984: 96—107].

Эвенкийское слово *дэгтэнди* 'коробочка для швейных принадлежностей' (а в илимпийском, сымском и северобайкальском диалектах эвенкийского языка — 'меховой чулок') используется в речи агинских бурят [Цыдендамбаев 1978: 88]. Некоторые бурятские слова имеют эвенкийские параллели. Так, Р. Д. Бадмаева считает, что бурятское слово *дэгэл* 'шуба' «имеет аналогию у эвенков»: «У них в старину была зимняя шуба из птичьих шкур, называлась *дэкэлик*. В эвенкийско-русском словаре название *дэкэлик* объясняется как производное от слова *дэкэли* 'утка'. Возможно, это название шубы у монголов, бурят и эвенков имело общие истоки, восходящие к более раннему периоду их истории» [Бадмаева 1987: 45]. Ср. также: бур. *олообио* 'обувь для сенокоса' — эвенк. *олоч*, *олот*, *олоочин* 'бродни'; бур. *дэрэ* 'подушка' — эвенк. *дэрэ* 'валик, набитый шерстью'. В непогоду поверх обычной обуви носили *дугты* — обувь из меха, камысов; название *дугты* — тунгусо-маньчжурское, с эвенкийского языка переводится как 'меховой чулок'.

Древнее бурятское слово *уута* 'кожаный мешок' (х.-монг. *уут*, калм. *уута*, *ууту*) имеет соответствия в орок. *пута*, удэг. *путаса*, ульч., нан. *поточа(н)* 'мешочек'; бур. *шүбэгэ* 'шило' соответствует эвенк. *сүвэрэ*, нег. *сүвэйэ* 'конец', ульч., нан. *сүвэ*, маньчж. *сүвэхэ* 'вершина'. Вероятно, продуктивным может быть поиск однокоренных глаголов, семантически связанных с рассматриваемой терминологией: например, древний бурятский глагол *уяха* 'завязывать (платок)' в эвенк. и нег. имеет соответствие — корень *уй-*, в орок. и нан. — *уйу-*, в ульч. — *уи-*, в сол. — *уйи-*, в эвен. — *уйилдэ-* 'привязать, связать, завязать'. Бур. *гүбихэ* (х.-монг. *гүвэх*, калм. *гөвх*) 'трясти, выколачивать, выбивать пыль' тождественно по значению эвенк., эвен., нег. *гив-у*, орок. *гиви-*, орок., удэг. *гиу-*. Бур. *залгаха* (х.-монг. *дзалгах*, калм. *залгх*) 'удлинять, сшивать, надставлять' созвучно со словами, у которых одно, но очень образное значение — 'сустав': эвенк., эвен., нег. *джалан*, ульч., нан. *джала(н)*, маньчж. *чжалан*, орок., удэг. *джала*, орок. *дала*. Слова с корневой морфемой **гэдэ-* (**гэди-*) могут означать: бур. *гэзэ-гэ* 'коса, волосы', бур. зап. 'затылок', х.-монг. *гэдзэ-г* 'коса', калм. *гиджи-г* 'затылок, коса'; ср.: эвенк. *гэдэ-мук*, эвен. *гэдэ-кэ* 'затылок', удэг. *гэди-гэ* 'затылок'; ср.: др.-тюрк. *кед*, *кет* 'зад, задняя часть, конец', кирг. *кежиге*, каз. *кежеге* 'затылок', хак. *кициге*, тув. *кежеге* 'коса' [Колесникова 1972: 103].

Заимствования из русского языка и через русский относятся к хронологически позднему периоду и обозначают одежду, которую носят и в наши дни: *паартаг* 'фартук', *хоблоок* 'каблук', *хууртиг* 'куртка', *сабхи* 'сапоги', *пэтлшис* 'петлицы' и др.

Многие заимствованные предметы одежды получили описательные названия: *хурган бээлэй* 'перчатки' (букв. 'палец-рукавица'), *уһан сэрэгшэдэй дотор самса* 'тельняшка' (букв. 'нижняя рубашка морских воинов'), *һүниин самса* 'ночная рубашка'. Следует отметить, что описательные названия в виде словосочетаний — это давняя традиция монгольских языков, ср.: *хажуу талын зүүдхэл* 'боковые украшения', *саравчтай бүрх* 'шляпа с широкими полями'. Необычно воспринимается словосочетание *хатуу дэгэл* из речи Чингис-хана в «Алтан Тобчи»: письм. монг. *Kenggerge-ben deledbe bi qataqu degel-iyen emusbe bi* 'В свой барабан (обтянутый кожей черного быка) я ударил, свои латы надел' [Vietze, Lubsang 1992: 945]. Здесь латы названы *хатагу дэгэл*, что, с точки зрения сегодняшнего читателя, переводится как 'твердое пальто'.

Среди названий традиционной бурятской одежды и терминов ее производства наблюдаются и поздние образования, не имеющие аналогов в других монгольских языках: *дагатха* 'невыделанная шкура для подстилки', *тирэм* 'брючный пояс'.

¹ Дэли — традиционная одежда монгольских народов.

У древнего слова *шүбэгэ* (х.-монг. *шөвөг*, калм. *шөвг*, ст.-монг. *субүгэ*), встречающегося в «Сокровенном сказании», словарях Ибн-Муханны и «Мукаддима ал-Адаб» в значении 'шило', в бурятском языке образовалось новое значение — 'вилка (прибор для еды)'. До революции буряты пользовались не вилок, а палочкой, которую называли *һэрээ*, а позже — *сабха* (ср. письм. монг. *сабка* 'палочка для еды', х.-монг. *савх*, олет.-кобд. *савха*, маньчж. *сабка* 'деревянная палочка для еды', уйг. *сапак* 'рукоять, ручка' [Будаев 1978: 63]).

Некоторые названия одежды, наоборот, исчезли из оборота, а в ряде случаев обрели другое значение. В калмыцком языке слово *самса* 'рубашка' вытеснено заимствованием из тюркских языков — *киилг*: в «Калмыцко-монгольско-русском словаре» [Харькова, Убушиева 1986: 86] это слово дано как соответствие монг. *цамц* 'рубашка', а слова *самса* в нем нет. Не обнаружено в словарях и других названий одежды, которые встречаются, как и *самса*, еще в «Сокровенном сказании». Так, в «Сокровенном сказании» упоминается верхняя одежда *örmüge* (вместо привычного *deel*): *Boro örmüge-ben boktoruet* (<...> 'Бросив через седло свой серый армяк (<...>)' [Козин 1941: §95]. В современном монгольском *өрмөг* имеет значение 'рогожа' [БАМРС: 40а], в калмыцком — 'шинель' [Харькова, Убушиева 1986: 133а]; в бурятском языке данное слово отсутствует. В работе [Хомонов 1970: 32] *örmüge* возводится к тюрк. *örmäk* 'тип одежды', образованному от др.-тюрк. *ör-* 'вить, плести, ткать'. В «Сокровенном сказании» слово *nenbe* переводится как 'шерстяное одеяло, попона' [Козин 1941: §124], в современных языках оно не сохранилось. Не находятся в словарях и следующие названия: *dotajitu* 'исподник' [Козин 1941: §145], 'штаны' [Хомонов 1970: 33]; *heligebei* 'набрюшник' [Козин 1941: §112].

Кроме того, в ряде случаев в исконной лексике развились семантические различия в одних и тех же названиях, что касается прежде всего диалектов. В рассматриваемой тематической группе расхождение замечено в семантике слова 'перстень': *бэһэлиг* (тюркизм) в западнобурятском диалекте имеет значение 'перстень', а в восточных и южных диалектах — 'колечко' (в южнобурятском — *бислаг*). В западнобурятском диалекте кольцо называется словом *орёодоһон / оройодоһон* (<*орой-* 'завернуть').

Ученые-археологи (см., например, [Окладников, Деревянко 1970; Окладников 1973] и др.), производившие раскопки культурных очагов на исторической и этнической территории монголов, обнаруживали каменные рубила, скребки для обработки шкур и костяные наконечники — неолитические послания древних протомонголов. Одежда не так долговечна, как каменный лемех плуга или железный наконечник стрелы, но она входит, наряду с антропологическим типом, в иконографический комплекс, с помощью которого можно идентифицировать ту или иную этническую общность и восстановить ее исторический путь. Исследовательская практика показывает, что брать за основу только антропологический критерий для этой цели недостаточно: так, существует, например, мнение, что антропологический тип центральноазиатских средневековых тюрков относится к центральноазиатским монголоидам [Викторова 1974: 209].

Кроме того, одежда — важнейший и неотъемлемый атрибут любого человеческого сообщества. Она укрывает людей от холода и зноя, сохраняя им жизнь. Ее покрой, фасон и материал также социальны, потому что включены в адаптационные процессы в определенной экологической среде. В то же время одежда удовлетворяет и вторичные (эстетические) потребности человека, отсюда — высокая роль одежды в любом социуме, ее отражение в древнейших текстах и в разговорной стихии бесписьменных языков.

Рассмотрение лексики традиционной бурятской одежды позволяет сделать следующие выводы.

1) Названия бурятской национальной одежды в основной своей массе являются **общемонгольскими**, что указывает на их **древнее происхождение**. Этот тезис основан на том, что одни и те же базовые названия одежды, рассмотренные в статье, сохранились в бурятском, калмыцком и халха-монгольском языках (северомонгольский уровень), а также уводят исследователя в более глубокую древность, т. к. обнаруживаются в языках южномонгольской группы (шира-югурском, баоаньском, дунсянском и др.), в древних и средневековых монгольских, китайских и тюркских памятниках письменности.

2) Корпус названий традиционной бурятской одежды и ее деталей содержит **заимствованную лексику** в значительной своей части. Это положение лишний раз подтверждает тот факт, что монгольский этнос весь свой длительный исторический путь прошел в тесном контакте с другими народами алтайской языковой семьи: с тюрками — на западе и юге, с маньчжурами и тунгусами — на востоке, а также с другими народами Центральной и Восточной Азии (предками китайцев, тибетцев и т. д.).

Тюрко-монгольские параллели заслуживают особого внимания, потому что их количество очень значительно. Достаточно сказать, что в «Древнетюркском словаре» [ДТС 1969], по данным [Будаев 1978: 92], около 1000 единиц имеют параллели в бурятских говорах. Это раннедревнетюркские заимствования: **jaka* 'край, воротник', **jalaya* 'присоединять сшиванием', **böš* 'хлопковая ткань', **ed* 'имущество, товар, ткань', **ormege* 'грубая ткань', **torga(n)* 'шелк', **jein* 'игла', **tebene* 'большая игла', **ig* 'веретено', **elde-* 'мять шкуру', **tulum* 'бурдюк, мешок' и др. Древнейший характер имеют слова *турии*

‘голенище’ и *ула* ‘подметка’, т. к. у них есть соответствия в алтайских языках. Очень многие бурятские слова имеют соответствия в сибирских тюркских языках: *hab* ‘сухожильная нить для шитья’, *аргамжа* ‘веревка’, *хурубша* ‘наперсток’, *тохум* ‘чепрак’, *хубөө* ‘подшивка подола платья’, *шэлбэ* ‘петли на одежде’, *гээгэ* ‘мужская коса’, *хүнжэл* ‘одеяло’ и др. Слово *бээлэй*, представленное в бурятском, монгольском, калмыцком и бесписьменных монгольских языках, имеет варианты в тюркских языках и диалектах; это же слово встречается в персидских текстах монгольского периода как *bihla*, *bahla* в значении ‘перчатки сокольника’ [Лигети 1964: 8]. Тюркизмами являются бур. *халбан* ‘колпак’, *хубоо* ‘край, каемка (ткани, изделия из ткани)’, *саажа*, *шаажа* ‘женская коса’ < тюрк. *сач*, *чач* ‘волосы на голове человека’ (в современном бурятском языке это существительное сохранилось только в составе словосочетания *хоер шаажтай* ‘две женщины’).

Заметим, что среди прамонгольской лексики одежды имеется два раннедревнетюркских заимствования: **jaka* ‘воротник’ и **jalaya* ‘красная лента’. Интересно, что все восстанавливаемые для прамонгольского языка названия тканей также являются раннедревнетюркскими заимствованиями: **bös* ‘ткань, хлопковая ткань’, **ed* ‘имущество, товар, ткань’, **örmege* ‘грубая ткань’, **torga(n)* ‘шелк’. Восстанавливаются прамонгольские названия войлока (**isegei* ~ **sisegei*) и шерсти (**ungasun*), терминология шитья (**jeün* ‘иголка’, **tebene* (? **temene*) ‘большая иголка’ (тюркизм), **sibüge* ‘шило’, **oya-* ‘шить’, **siri-* ‘латать’ (скорее, подметку обуви), **side-* ‘шить, латать’), плетения и прядения (**ig* ‘веретено’ (тюркизм), **neke-* ‘плести, вязать’, **gürü-* ‘плести’, **hutasun* ‘нитка’, **deyesün* ‘веревка’, **tamu-* ~ **tomu-* ‘скручивать, спрядать’), однако характерно, что не восстанавливается терминология ткачества. Хорошо представлена прамонгольская лексика кожевенного производства: **arasun* / **arison* ‘обработанная шкура’, **sur* ‘кожаный ремень’, **tasma* ‘кожаный ремешок’ (заимствование через тюрк. из иранского), **tulum* ‘бурдюк’ (тюркизм), **elde-* ‘дубить шкуру’ (тюркизм), **jor-* ‘скрести шкуру’, **kalisun* ‘тонкая кожа’, **kaul-* ‘обдирать шкуру’, **kisu-* ‘скрести шкуру’, **kirbei* ‘скребок’. Наличие войлочного производства говорит о скотоводческом характере прамонгольской культуры — прежде всего овцеводческом, несмотря на отмеченный в [Рассадин 2010: 35] факт заимствования названий овцы и барана в прамонгольский язык из раннетюркского.

Наблюдается тесное взаимодействие тюркских и монгольских языков на уровне морфем — суффиксов (-*лиг*, -*маг*, -*лар*, -*та* и др.) и корней. Так, явную соотнесенность в тюркских и монгольских языках обнаруживают корневые глаголы *sun-* ‘растягиваться, удлиняться (о коже)’, *ünge-* ‘мять, сгибать (кожу)’, *tata-* ‘теребить, дергать, тянуть’, *oroj-* ‘завертывать, пеленать’ и др. Если учесть, что суффиксы представляют собой достаточно закрытый список, а глаголы обычно отличаются исторической устойчивостью и малой проницаемостью, то, вероятно, прав был Т. А. Бертагаев, когда писал о таких случаях: «Здесь нет заимствования, есть вращение одного наречия в другое» [Бертагаев 1973: 105].

Подобные языковые факты лишней раз указывают на то, что наиболее крупные этносы алтайской языковой семьи образовывались, вероятно, не только на основе родо-племенных отношений, но и на основе военно-демократических структур, в которые, приняв навязанный этноним, вступали группы покоренных сообществ, тем самым «вливаясь» со своим «багажом» и в языковые процессы.

6. Этимологии общемонгольских названий одежды, сохранившихся в бурятском языке²

*kubčasun ‘одежда’: бур. *xubsaha(n)* ‘одежда’ [Черемисов 1973: 597a] (в современном бурятском языке *xubsaha(n)* употребляется также в паре *xubsaha(n) xunar* ‘одежда’; ср. SH *xunar* ‘платье’ [Козин 1941: §111]); ср.-монг. SH *qubcasu(n)* [Haenisch 1939: 69], *qubcan* [Хомонов 1970: 32], НУ *qubčasu* [Mostaert 1977: 69]; письм. монг. *qubčasu(n)* [Lessing 1995: 976a]; х.-монг. *xuvcas(an)* [Hangin 1986: 680a]; чахар. *gubtäš* [Dob 1983: 187b]; ордос. *gubčas(u)* [Mostaert 1941—1944: 310a]; калм. *xuvcn* [Муниев 1977: 606a].

*emüs- ‘надевать (одежду)’: бур. *ümdexe* [Черемисов 1973: 503a], *ümedexe* [Черемисов 1973: 504a]; ср.-монг. SH *emus-* [Haenisch 1939: 44], НУ *emüs-* [Mostaert 1977: 54], Муq *ömüs-* [Поппе 1938: 276b], *emüs-* [Поппе 1938: 233b]; письм. монг. *emüs-* [Lessing 1995: 315b]; х.-монг. *ömsöx* [Hangin 1986: 411a]; ордос. *ömös-* [Mostaert 1941—1944: 539a]; калм. *ömsx* [Муниев 1977: 416b]; дагур. *əms-* [Enkhbat 1984: 26]; монгол. X *musə-* [Junast 1981a: 94b]; баоан. *mese-* [Тодаева 1964: 142].

*tail- ‘снимать (то, что надето); развязывать, развертывать’: бур. *taylaxa* [Черемисов 1973: 410b]; ср.-монг. Муq *tayil-* [Поппе 1938: 343a]; письм. монг. *tayil-* [Lessing 1995: 768b]; х.-монг. *taylax* [Hangin 1986: 478a]; ордос. *tä:l-* [Mostaert 1941—1944: 652b]; калм. *täälx* [Муниев 1977: 484a]; дагур. *taila-* [Тодаева 1986: 165]; монгол. M *tai-* [Dpal-Idan-bkra-shis, Stuart et al. 1996: 258a].

² Прамонгольские этимологии взяты из [Nugteren 2011].

**kedür-* ‘надеть, накинуть на плечи’: бур. *xüder-* ‘накинуть на плечи (пиджак, плащ, пальто)’; ср. х.-монг. *xödörögö* ‘плащ, накидка, мантия’ [БАМРС, 4: 131a]. Бурятский глагол заимствован из тюрк., скорее всего, из древнеуйгурского языка. Во всех источниках слово имеет значение ‘одевать, надевать (одежду, платье)’ [ЭСТЯ 1980: 12—13]: др.-уйг. *ked-* [ДТС 1969: 292], якут. *ket-* [EDT: 700; ЭСТЯ 1980: 12—13]. Подтверждением заимствованного характера *kedur-* являются сужение семантики монгольского глагола по сравнению с его тюркской параллелью, меньшее число производных в монгольском языке, а также наличие в нем высокочастотных синонимов — *emus-* и *xubsala-* — в значении ‘одеваться’.

*deel ‘халат, шуба’: бур. *degel* [Черемисов 1973: 215a]; ср.-монг. SH *de’el* [Haenisch 1939: 34], *degel* [Haenisch 1939: 35], НУ *de’el* [Mostaert 1977: 49], Муq *de:l* [Поппе 1938: 141b]; письм. монг. *debel* [Lessing 1995: 238a; Kowalewski: 1698a; Цэвэл 1966: 222b], *degel* [Kowalewski: 1740b; Цэвэл 1966: 231a]; х.-монг. *deel* [БАМРС, 2: 117b; Hangin 1986: 199a], *deli* [БАМРС, 2: 117b]; ордос. *de:l* [Mostaert 1941—1944: 136a]; калм. *devl* [Муниев 1977: 190b]; дагур. *də:l* [Enkhbat 1984: 278]; монгор. М *der* [Junast, Li 1982: 468]. Использование разных вариантов — с интервокальным согласным и без него — отражает взаимодействие письменного языка с разговорным. В литературе встречаются разные варианты слова *дэгэл*: *deel* [Козин 1941: §112], *debel* [Хомонов 1970: 32]. Исторической фонетике бурятского языка известно чередование интервокальных согласных *b/g* в комплексе *CVC* (см., например, [Владимирцов 1929: 203; Рассадин 1982: 43]). Этот разнотип сохраняется и в наши дни: например, слова *Тибет* и *тибетский* переводятся на бурятский язык и как *Түбэд*, и как *Түгэд*; когда хотят сказать ‘нет’, говорят *үгы*, но можно услышать и *үбэ* (зап.).

*arasun / *arison ‘выделанная шкура’: бур. *arha(n)* [Черемисов 1973: 60a]; ср.-монг. SH *arasun* [Haenisch 1939: 8], НУ *arasun* [Mostaert 1977: 37], Муq *arasun* [Поппе 1938: 104b]; письм. монг. *arasu(n)* [Lessing 1995: 49a], *arisu(n)* [Lessing 1995: 54a]; х.-монг. *ar’s(an)* [Hangin 1986: 33b]; ордос. *arus(u)* [Mostaert 1941—1944: 31b]; калм. *arsn* [Муниев 1977: 51a]; дагур. *ars* [Enkhbat 1984: 17]; ш.-югур. *arsən* [Junast 1981b: 94a]; монгор. Х *rasə* [Junast 1981a: 94b]; баоан. *arson* [Тодаева 1964: 134]; могол. *ərsun* [Weiers 1972: 175a].

*bös ‘ткань из хлопка, бязь’: бур. *büüd* [Черемисов 1973: 121a]; ср.-монг. НУ *bös* [Mostaert 1977: 43], Муq *bös* [Поппе 1938: 124a]; письм. монг. *bös* [Lessing 1995: 128a]; х.-монг. *bös* [Hangin 1986: 76b], *büs(en)* [Hangin 1986: 92b], *ed bös* [БАМРС, 1: 398b]; ордос. *bös* [Mostaert 1941—1944: 88b]; калм. *bös* [Муниев 1977: 115a]; дагур. *bury* [Enkhbat 1984: 88]; ш.-югур. *pes* [Junast 1981b: 12], *pös* [Junast 1981b: 5].

*ed ‘вещь, материал, ткань’: бур. *ed* [Черемисов 1973: 755a]; ср.-монг. SH *et* [Haenisch 1939: 47], Муq *et* [Поппе 1938: 167a]; письм. монг. *ed* [Lessing 1995: 293a]; х.-монг. *ed* [Hangin 1986: 831b]; калм. *ed* [Муниев 1977: 691b], *ed* [Харькова, Убушиева 1986: 208a]; ш.-югур. *ed* [Junast 1981b: 87]. В SH представлено парное сочетание *et tabar* ‘товары и ткани’ [Козин 1941: §248]; ср. совр. бур. *ed tovar* ‘товар(ы)’ [БРС: 647b], монг. *ed tavaar* ‘товар, вещь; товары’ [БАМРС, 4: 398b], калм. *ed tavr* [Харькова, Убушиева 1986: 208b]. Также в SH в значении ‘ткани и товары’ употреблено сочетание *aurusun ed tabar* [Козин 1941: §248]; в [Козин 1941: §234] слово *aurusun* используется отдельно и переводится как ‘ткани’: *kebteul-ecе cerbin-lüge aurasu түгүлдүтүгеi* ‘совместно с чербиями³ кебтеулы⁴ распределяют ткани’. Существительное *tabar* заимствовано из персидского (см., например, [Хомонов 1970: 34]) и означает то же, что и *ed*.

**torga(n)* ‘шёлк’: бур. *torgo(n)* [Черемисов 1973: 430b]; ср.-монг. SH *torqan* [Haenisch 1939: 152], *torqat* [Козин 1941: §238; Хомонов 1970: 40], Муq *torqa* [Поппе 1938: 210b]; письм. монг. *torqa(n)*, *toryu(n)* [Lessing 1995: 826a, 826b]; х.-монг. *torgo(n)* [Hangin 1986: 503a]; ордос. *torgo* [Mostaert 1941—1944: 670b]; калм. *toryn* [Муниев 1977: 507a]; дагур. *təryw* [Enkhbat 1984: 261]; ш.-югур. *torgo* [Junast 1981b: 104a]; монгор. М *torgo* [Потанин 1893: 422a].

*nekei ‘овчина’: бур. *nexi*, *nexey* [Черемисов 1973: 341a]; ср.-монг. SH *nekei de’el*, *nekei* ‘овчинный тулуп’ [Haenisch 1939: 114; Козин 1941: §112; Хомонов 1970: 31—32], НУ *nekei de’el* ‘шуба из овчины’ [Mostaert 1977: 78], Муq *nekei de:l* [Поппе 1938: 248a]; письм. монг. *nekei* [Lessing 1995: 572b]; х.-монг. *nexiy* [Hangin 1986: 381a]; калм. *nekä* [Муниев 1977: 374a]; монгор. М *nekei* [Тодаева 1973: 350], *nəkaï* [Junast, Li 1982: 462]. М. П. Хомонов, ссылаясь на значение глагола *нэхэхэ* ‘ткать, вязать’, отмечает, что в SH *nekei* могло иметь также значение ‘тканый’, и предлагает еще один вариант перевода *nabtarqai nekei* (<...>) (‘рваное овчинное <...>’) — ‘вытканное из шерсти короткое <...>’ [Хомонов 1970: 32].

*nogasun, *ungasun ‘шерсть’: бур. *nooho(n)* [Черемисов 1973: 331a]; письм. монг. *noyosu(n)* [Lessing 1995: 589a]; х.-монг. *noos(on)* ‘шерсть’ [Hangin 1986: 363b], *noors(on)* [Hangin 1986: 363b]; ордос. *no:s* [Mostaert 1941—1944: 497a]; калм. *noosn* [Муниев 1977: 381b]; баоан. *nogson* [Тодаева 1964: 144]. Варианта

³ Чербий — воинское звание, офицер, распоряжавшийся кебтеулами (гвардейцами ночной стражи).

⁴ Кебтеулы — ночная стража ханской ставки.

тивность этого слова в ранних памятниках письменности, вероятно, может указывать на диалектные различия в древнемонгольском языке. В некоторых современных западнобурятских говорах: нижнеудинском, аларском, байкало-кударинском и др. — гласные первого слога редуцируются (*noha* ‘шерсть’), иногда вплоть до выпадения (*бр’э* ‘невестка’ — вместо *бэрэ*, что может иметь отношение к слову ‘брат’, которым называли бурят казаки-первопроходцы: русские встретили раньше других западных бурят).

*unggasun, *nunggasun ‘шерсть’: ср.-монг. SH *ungqasun* ‘волосы, шерсть’ [Haenisch 1939: 164], *nungqasu* ‘шерсть’ [Haenisch 1939: 120], Муq *unqasun* [Поппе 1938: 124b]; письм. монг. *ungyasu(n)* [Lessing 1995: 876b], *ungyusu(n)* [Lessing 1995: 877a]; х.-монг. *ungas* [Hangin 1986: 547a]; ордос. *unguas(u)* [Mostaert 1941—1944: 736b]; ш.-югур. *unguasən* [Junast 1981b: 97a]; монгор. М *nguasī* [Junast, Lī 1982: 465].

ПСМонг *terleg ‘легкий халат, пальто’: бур. *terlig* [Черемисов 1973: 456]; письм. монг. *terlig* ‘кафтан на ватке’ [Kowalewski: 1774a]; х.-монг. *тэрлэг* ‘терлик, летний халат’; калм. *терлг* ‘платье женское без рукавов’ [Муниев 1977: 495b]. Это слово — тюркизм: в казахском, киргизском и др. тюркских языках имеет значение ‘потник’ (< *теp* ‘пот’ [ДТС 1969: 252]).

*dota-r ‘внутренность, подклад’: бур. *dotor* [Черемисов 1973: 198a]; ср.-монг. SH *dотора*, *dotore* [Haenisch 1939: 38], НУ *dотора* [Mostaert 1977: 50], Муq *dotar* [Поппе 1938: 143b], *dotura* [Поппе 1938: 119b], *dotara-qi* [Поппе 1938: 143b], *totar* [Поппе 1938: 142a] ‘подкладка’, *totara* [Поппе 1938: 209a]; письм. монг. *dotor*, *dотора* [Lessing 1995: 265a]; х.-монг. *dотор* [Hangin 1986: 173a]; ордос. *dотор*, *dоторо* [Mostaert 1941—1944: 154b]; калм. *dotr* [Муниев 1977: 208b]; дагур. *dwatər* ‘внутренняя сторона, изнанка’ [Enkhbat 1984: 290], *dotur* ‘внутренние органы’ [Enkhbat 1984: 285]; ш.-югур. *hdoro* [Junast 1981b: 105b]; монгор. Х *toro* [Junast 1981a: 105a; Khasbaatar et al. 1985 (1986): 181], М *dотор* [Тодаева 1973: 367], *tudoro*, *cudoro* [Dpal-ldan-bkra-shis, Stuart et al. 1996: 231a]; дун. *tudoro* [Liú 1981: 120a].

*enger ‘грудная часть одежды’: бур. *enger* [Черемисов 1973: 766b; Базарова 2002: 36]; письм. монг. *enger* [Lessing 1995: 318a]; х.-монг. *enger* [Hangin 1986: 845a]; калм. *eygr* [Ramstedt 1935: 122b]; дагур. *əngə* [Enkhbat 1984: 22]; монгор. М *nge* [Junast, Lī 1982: 461], *angə* [Dpal-ldan-bkra-shis, Stuart et al. 1996: 223b].

*čeeji ‘грудная клетка, лиф’: бур. *seete* [Черемисов 1973: 405b]; ср.-монг. SH *ce’ejī* [Haenisch 1939: 26], Муq *če’ejī* [Поппе 1938: 238b], *če:ji* [там же: 132a], *če:jīn* [там же: 132b], *čiyejī* [там же: 358b]; письм. монг. *čegeji(n)* [Lessing 1995: 170a]; х.-монг. *ceej* [Hangin 1986: 773b]; ордос. *če:ji* [Mostaert 1941—1944: 699b]; калм. *čeej* [Муниев 1977: 646b]; дагур. *čə:jil-* [Enkhbat 1984: 294].

*kamčui ‘рукав’: бур. *xamsī* [Черемисов 1973: 543a], *xansī* [там же: 547a], *xansī* [там же: 547b]; ср.-монг. SH *qancu(n)* [Haenisch 1939: 59], НУ *qancun* [Mostaert 1977: 87], Муq *qančun* [Поппе 1938: 291a]; письм. монг. *qančui*, *qanču* [Lessing 1995: 927b], *qamčui* [там же: 923b]; х.-монг. *xancu* [Hangin 1986: 614b]; ордос. *qanču* [Mostaert 1941—1944: 334b]; калм. *xancn* [Муниев 1977: 576a]; дагур. *kanč* [Enkhbat 1984: 139]; ш.-югур. *qanju:n* [Junast 1981b: 99b]; монгор. Х *xamžə* [Junast 1981a: 99b], М *qanči* [Junast, Lī 1982: 475]; баоан. *qangzon* [Тодаева 1964: 137].

*tokai ‘нижняя часть рукава, локоть’: бур. *toxoy* [Черемисов 1973: 432a], а также *toxonog* [там же]; ср.-монг. НУ *toqai* [Mostaert 1977: 101], Муq *toqai* [Поппе 1938: 351a]; письм. монг. *toqoi* [Lessing 1995: 829b], *toqai* [там же: 829a]; х.-монг. *toxoy* [Hangin 1986: 506a]; ордос. *doxö:* [Mostaert 1941—1944: 149b]; калм. *toxa* [Муниев 1977: 509b]; могол. Mr *toqai*, М *toqqei* [Ligeti 1964: 19]; монгор. Х *tuğui:* [Junast 1981a: 104b], М *tuğuai* [Dpal-ldan-bkra-shis, Stuart et al. 1996: 219b]; дун. *toɣai* [Liú 1981: 119b].

*kormai ‘подол, полы одежды’: бур. *xormoy* [Черемисов 1973: 589a]; ср.-монг. SH *qormai* [Haenisch 1939: 67], НУ *qormai* [Mostaert 1977: 90], Муq *qormai* [Поппе 1938: 303a]; письм. монг. *qormai* [Lessing 1995: 967b], *qormoi* [там же: 968a]; х.-монг. *xormoy* [Hangin 1986: 653a]; калм. *xorma* [Муниев 1977: 599b]; дагур. *x^warət* [Enkhbat 1984: 135]; ш.-югур. *χormi:* [Junast 1981b: 100a]; монгор. Х *xormi:* [Junast 1981a: 100a], М *qurmo* [Dpal-ldan-bkra-shis, Stuart et al. 1996: 250].

*daku ‘шуба мехом наружу’: бур. *daxa* [Черемисов 1973: 189b]; ср.-монг. SH *daqu* [Haenisch 1939: 31; Козин 1941: §26]; письм. монг. *daqu* [Lessing 1995: 237b]; х.-монг. *dax* [Hangin 1986: 164b]; калм. *daxā* [Ramstedt 1935: 72b]; дагур. *daw* ‘накидка, плащ с капюшоном’ [Enkhbat 1984: 277], *dayu* [Namsgai, Khaserdeni 1983: 497a]; монгор. Х *da:xu* [Smedt, Mostaert 1933: 41]. Ср. также: ср.-уйг. *jaqu* [IbnM: 84].

*isegei ~ *sisegei ‘войлок; покров’: бур. *heyei* [Черемисов 1973: 703a], *ehegi* [там же: 779b], *ešegi* [там же: 780b]; ср.-монг. SH *isgai* [Haenisch 1939: 83], *sisgai* ‘войлок’ [Haenisch 1939: 135], *isqai* ‘кошма’ [Козин 1941: §202], *isegai* ‘войлок’ [Хомонов 1970: 33], НУ *sisgei* [Mostaert 1977: 94], Муq *sisegei*, *sisügei* [Поппе 1938: 323b]; письм. монг. *isegei* [Lessing 1995: 416a], *esegei* [там же: 333a]; х.-монг. *isgiy* [Hangin 1986: 279b], *esgiy(n)* [там же: 861b]; ордос. *esegi:* [Mostaert 1941—1944: 249a]; калм. *iškā* [Муниев 1977: 276a]; дагур. *šisəy* [Enkhbat 1984: 235], *šidəy* [там же: 236], *šidəg* [Zhòng 1982: 92a]; ш.-югур. *sgi:* [Junast 1981b: 94b]; монгор. Х *sgi:* [Junast 1981a: 95b], *šge:* ~ *sge:* [Тодаева 1973: 383]; дун. *šixə* [Mā, Chén 2000: 429b].

*büse ‘ремень’: бур. *behe* [Черемисов 1973: 134b], *bühe* [там же: 128b]; ср.-монг. SH *buse* [Haenisch 1939: 23], НУ *büse* [Mostaert 1977: 45], Муq *büse* [Поппе 1938: 128b]; письм. монг. *büse* [Lessing 1995:

151a]; х.-монг. *büs(en)* [Hangin 1986: 92b]; калм. *büs* [Муниев 1977: 130a]; дагур. *bäs* [Enkhbat 1984: 76]; ш.-югур. *päse*: [Junast 1981b: 98b]; монгол. X *puse*: [Junast 1981a: 98b], M *piž i-li-* [Dpal-Idan-bkra-shis, Stuart et al. 1996: 207a].

*tasma ‘кожаный ремень’: бур. *tahama* ‘кожаный ремешок’ [Черемисов 1973: 420]; ср.-монг. Муq *tasma* ‘ремень’ [Поппе 1938: 342a]; письм. монг. *tasama* [Lessing 1995: 782b], *tasma(n)* [там же: 784a]; х.-монг. *tasam* [Hangin 1986: 487a]; ордос. *dasma* [Mostaert 1941—1944: 126a]; калм. *tasm* [Муниев 1977: 480a]; монгол. M *tsma* ‘лента, узкая полоска’ [Потанин 1893: 420b].

*ebür ‘грудь, пазуха’: бур. *über* [Черемисов 1973: 489b]; ср.-монг. SH *ebur* ‘перед’ [Haenisch 1939: 41], NY *ebür* [Mostaert 1977: 52]; письм. монг. *ebür* [Lessing 1995: 291a], *öbür* [там же: 628b]; х.-монг. *övör* [Hangin 1986: 403b]; ордос. *övör* [Mostaert 1941—1944: 544b]; калм. *övr* [Муниев 1977: 409b]; дагур. *xaur* [Zhòng 1982: 94b]; ш.-югур. *βər* ‘грудь; солнечное место, южный склон’ [Junast 1981b: 96b].

*čamča ‘рубашка’: бур. *samsa* [Черемисов 1973: 384a]; ср.-монг. SH *camca* [Haenisch 1939: 25], *čanča* [Хомонов 1970: 32], Муq *čamčai* [Поппе 1938: 130b]; письм. монг. *čamča* [Lessing 1995: 164a]; х.-монг. *camc* [Hangin 1986: 743a]; калм. *camca* [Муниев 1977: 625a]; дагур. *činč* ‘исподняя одежда’ [Enkhbat 1984: 299]. Примечательно, что это слово встречается в маньчжурском языке в форме *simci* и имеет то же значение. В работе [Сухбаатар 1997: 207] указано, что это слово является тибетизмом; поскольку оно встречается в среднемонгольских памятниках письменности, то этот тибетизм, вероятно, ранний.

*tobči ‘пуговица’: бур. *tobšo* [Черемисов 1973: 423a]; ср.-монг. Муq *tobči* [Поппе 1938: 350b]; письм. монг. *tobči* [Lessing 1995: 810b]; х.-монг. *tovč(in)* [Hangin 1986: 493b]; ордос. *dobči* [Mostaert 1941—1944: 146a]; калм. *tovč* [Муниев 1977: 499b]; дагур. *tərč* [Enkhbat 1984: 261]; ш.-югур. *tobčə* [Junast 1981b: 104b]; монгол. X *tešžə* [Junast 1981a: 104b], *dešži* [Smedt, Mostaert 1933: 54], M *toğči* [Тодаева 1973: 328], *təğži*, *tuži* [Dpal-Idan-bkra-shis, Stuart et al. 1996: 210a]; дун. *tüzi* [Liú 1981: 119a]; могол. диал. *tobši* [Ligeti 1964: 19]; баоан. *tavče* [Тодаева 1964: 147].

*emüdüün ‘штаны’: бур. *ümde(n)* [Черемисов 1973: 503a]; ср.-монг. SH *emudun* [Haenisch 1939: 44], NY *emüdüün* [Mostaert 1977: 54], Муq *ömüdüün* [Поппе 1938: 276a]; письм. монг. *ömödün* [Lessing 1995: 635b]; х.-монг. *ömd(ön)* [Hangin 1986: 410b]; ордос. *ömödü* [Mostaert 1941—1944: 532a]; калм. *shalvr* ‘штаны, брюки’ [Пюрбеев 1996: 138]; ш.-югур. *mudən* [Junast 1981b: 96b]; монгол. M *modo* [Dpal-Idan-bkra-shis, Stuart et al. 1996: 241].

*ebüdügci ‘наколенники’ < *ebüdüg ‘колено’: бур. *übdeg* [Черемисов 1973: 488a]; ср.-монг. SH *ebuduk* [Haenisch 1939: 40], Муq *öbüdük* [Поппе 1938: 272a]; письм. монг. *ebüdüg* [Lessing 1995: 290a]; х.-монг. *övdög* [Hangin 1986: 402b]; ордос. *öwödög* [Mostaert 1941—1944: 543b]; калм. *övdg* [Муниев 1977: 408b]; ш.-югур. *βədæg* [Junast 1981b: 94b]; монгол. X *vudæg* [Junast 1981a: 94a], M *podok* [Потанин 1893: 414b], *bodo* [Dpal-Idan-bkra-shis, Stuart et al. 1996: 232b]; кан. *vəidəu* [Sečenčogt 1999: 307a]; баоан. *ebdeg* [Тодаева 1964: 152].

*sarisun ‘тонкая кожа’: бур. *har'ha(n)* ‘тонкая, мягко выделанная кожа’ [Черемисов 1973: 679]; ср.-монг. Муq *sarisu* [Поппе 1938: 319a]; письм. монг. *sarisu(n)* [Lessing 1995: 676a]; х.-монг. *sar's(an)* [Hangin 1986: 442a]; ордос. *saris(u)* [Mostaert 1941—1944: 563a]; калм. *särsn* [Муниев 1977: 446a].

*magalai ~ *malagüi ‘шапка’: бур. *malgay* [Черемисов 1973: 291a]; ср.-монг. SH *maqalai* [Haenisch 1939: 106], Муq *maqalai* [Поппе 1938: 233b]; письм. монг. *malayai* [Lessing 1995: 524a], *malaya* [там же: 523b]; х.-монг. *malgay* [Hangin 1986: 299b]; калм. *maxla* [Муниев 1977: 344b]; дагур. *mayəl* [Enkhbat 1984: 194], *malgai* [Zhòng 1982: 100a]; ш.-югур. *malağai* [Junast 1981b: 101b]; монгол. X *malğa* [Junast 1981a: 102b], M *marga* [Cenggeltei et al. 1986: 383]; кан. *malğa* [Sečenčogt 1999: 291b]; могол. *malğei* [Weiers 1972: 171], M *malgai* [Ligeti 1964: 16], M *malgei* [там же]; баоан. *malge* [Тодаева 1964: 142]; дун. *magala* [Тодаева 1961: 127].

*gorgi ‘пряжка (у пояса)’: бур. *gor'yo* [Черемисов 1973: 158a]; ср.-монг. SH *qorgit* [Haenisch 1939: 67]; письм. монг. *γorki* [Lessing 1995: 361b], *γorgi* [Kowalewski: 1043a]; х.-монг. *gorxi* [Hangin 1986: 126b]; ордос. *gorgi* [Mostaert 1941—1944: 307a]; калм. *γor'k* [Муниев 1977: 167a], *gorygi* [Ramstedt 1935: 151b]; дагур. *gəryu* [Enkhbat 1984: 181a]; монгол. X *guorgi* [Smedt, Mostaert 1933: 126], *gurgi* ‘узел на поясе’ [Li 1988: 142]; дун. *gugai* ‘засов на двери, дверная задвижка’ [Mǎ, Chén 2000: 126a].

*kete ‘огниво’ (подвешивалось в серебряном футляре к мужскому поясу): бур. *xete* [Черемисов 1973: 652b]; ср.-монг. SH *kete* [Haenisch 1939: 100], Муq *kete* [Поппе 1938: 174b]; письм. монг. *kete* [Lessing 1995: 460b]; х.-монг. *xet(en)* [Hangin 1986: 726b]; ордос. *gete* [Mostaert 1941—1944: 263a]; калм. *ket* [Муниев 1977: 296b]; монгол. X *kəde*: [Junast 1981a: 100a], M *kəde* [Junast, Li 1982: 475]; могол. *keta* ‘камешек к огниву, кремьень’ [Ligeti 1964: 15].

**kituga(i)* ‘нож’ (подвешивался в специальном футляре к поясу): бур. *xutaga* [Черемисов 1973: 605a], зап. *xotyogo* [там же: 592a]; ср.-монг. SH *kituqai* [Haenisch 1939: 102], Муq *qituyā* [Поппе 1938: 299a], *qutuyā* [там же: 290b]; письм. монг. *kituyā* [Lessing 1995: 474a], *qutayā* [там же: 992a], *qutuyā* [там же:

992b]; х.-монг. *xutga(n)* [Hangin 1986: 694a]; чахар. *gütäg* [Dob 1983: 187b]; ордос. *utaga* [Mostaert 1941—1944: 744b]; калм. *utx* [Муниев 1977: 540a]; ш.-югур. *qudaya* [Junast 1981b: 99b], *χudaya* [там же: 58]; монгор. Х *cidoyo* [Junast 1981a: 99b], М *cidoyo* [Junast, Li 1982: 477]; кан. *duyu* [Sečenčogt 1999: 299b].

*tulum ‘кожаный мешок’: бур. *tulam* [Черемисов 1973: 434b]; ср.-монг. Муq *tulum* [Поппе 1938: 351b]; письм. монг. *tulum* [Lessing 1995: 841b]; х.-монг. *tulam* [Hangin 1986: 513b]; ордос. *tulum* [Mostaert 1941—1944: 86b]; калм. *tulm* [Муниев 1977: 517a]; дагур. *tulma:* [Enkhbat 1984: 263]; монгор. М *tuluᠭ* [Тодаева 1973: 367]; кан. *tulun tuluᠭ* [Sečenčogt 1999: 297b]; могол. *tulum* [Weiers 1972: 182a].

*gutusun, *gutul ‘обувь, унты, сапоги’: бур. *gutal* ‘сапоги’ [Черемисов 1973: 161b], *gutaha(n)* [там же: 162a], зап. *godoho(n)* [там же: 154a]; ср.-монг. SH *qudusu(n)* [Haenisch 1939: 71], HҮ *qudusun* [Mostaert 1977: 91] (HҮ *qudul-či* ‘сапожник’ [Mostaert 1977: 91]), Муq *yutusun-* [Поппе 1938: 180a], *qudusun* [там же: 272b], *qutusun* [там же: 313a]; письм. монг. *yutul* [Kowalewski: 1029a; Lessing 1995: 370b], *yutusun* [Kowalewski: 1029a]; х.-монг. *gutal* [Hangin 1986: 134b]; ордос. *gutul* ‘кожаные сапоги’ [Mostaert 1941—1944: 318a]; калм. *γosn* [Муниев 1977: 167a]; дагур. *göč:r* [Enkhbat 1984: 177]; ш.-югур. *ğudusun* [Junast 1981b: 101b], *gutusun* [Потанин 1893: 419]; монгор. Х *ğudusə* [Junast 1981a: 101a]. В западных диалектах современного бурятского языка фарингальное *h* не всегда произносится последовательно (в отличие от восточного диалекта): в нижнеудинском, аларско-унгинском, боханском и эхирит-булагатском говорах *h* может реализовываться как [г], [х] и сверхслабый [h], а иногда наблюдается и его выпадение (*yutuhun*, *yutu'un*, *yutuun* ‘обувь’).

*türei ‘голенище’: бур. *türüi* [Черемисов 1973: 446a]; письм. монг. *türei* [Lessing 1995: 854b], *türüi* [там же: 856b]; х.-монг. *türüy* [Hangin 1986: 525b]; калм. *türä* [Муниев 1977: 523b]; дагур. *tur* [Enkhbat 1984: 264], *turi:* [Тодаева 1986: 169].

*ölmei ‘ступня, подъем у обуви’: бур. *ül'mi*, *ül'me* ‘плюсна, ступня’ [Черемисов 1973: 502a]; ср.-монг. SH *olmi* [Haenisch 1939: 123], HҮ *ölmi* [Mostaert 1977: 84]; письм. монг. *ölmei* [Lessing 1995: 633b]; х.-монг. *ölmiy* ‘ подошва, подметка’ [Hangin 1986: 409a]; ордос. *ölmi:* ‘стопа’ [Mostaert 1941—1944: 531a]; калм. *ölmä* ‘передняя часть стопы’ [Муниев 1977: 414b].

*ula ‘подошва обуви’: бур. *ula* [Черемисов 1973: 465b]; ср.-монг. SH *ula* [Haenisch 1939: 162], HҮ *ula* [Mostaert 1977: 105], Муq *hula* [Поппе 1938: 186b]; письм. монг. *ula* [Lessing 1995: 868b]; х.-монг. *ul* [Hangin 1986: 542b]; калм. *ul* [Муниев 1977: 530a]; дагур. *wal* [Enkhbat 1984: 334]; ш.-югур. *ula* [Junast 1981b: 96a]; монгор. Х *ula* [Junast 1981a: 96b], М *ulä* [Потанин 1893: 418a]; баоан. дах. *la* [Тодаева 1964: 142]; дун. *ula* [Sün 1990: 671].

Сокращения

Языки и диалекты

баоан. — баоаньский	монг. — монгольский
дах. — дахэцзянский (чжишишаньский) диалект	олет.-кобд. — диалект олетов Кобдоского аймака (Монголия)
бур. — бурятский	х.-монг. — халха-монгольский
зап. — западный диалект	монгор. — монгорский
тунк. — тункинский говор	М — минхэ диалект
унг. — унгинский говор	Х — хуцзу диалект
сел. — селенгинский диалект	нан. — нанайский
цонг. — цонгольский диалект	нег. — негидальский
дагур. — дагурский	ордос. — язык монголов Ордоса
др.-тюрк. — древнетюркский	орок. — орокский
др.-уйг. — древнеуйгурский	ороч. — ороцкий
дун. — дунсянский	письм. монг. — письменный монгольский
каз. — казахский	ПСМонг — прасеверномонгольский
калм. — калмыцкий	сол. — солонский
кан. — канцзя (Kangjia)	ср.-монг. — среднемонгольский
кирг. — киргизский	HҮ — язык китайской рукописи «Хуа-Йи Йию»
кит. — китайский	Муq — язык словаря «Мукаддимат ал-Адаб»
маньчж. — маньчжурский	SH — язык «Сокровенного сказания»
могол. — могольский	ср.-уйг. — среднеуйгурский
М — мангут диалект	ст.-монг. — старомонгольский
Мг — марда диалект	

тув. — тувинский
тур. — турецкий
тюрк. — тюркские
удэг. — удэгейский
уйг. — уйгурский
ульч. — ульчский

хак. — хакасский
чахар. — язык чахаров Внутренней Монголии
ш.-югур. — шира-югурский
эвен. — эвенский
эвенк. — эвенкийский
якут. — якутский

Общие

букв. — буквально
диал. — диалект, диалектный
совр. — современный

С — любой согласный
V — любой гласный

Литература

- Бадмаева 1987 — *Бадмаева Р. Д.* Бурятская традиционная одежда. Улан-Удэ, 1987. {*Badmaeva R. D.* Bur'atskaja traditsionnaja odezhda. Ulan-Ude, 1987.}
- Базарова 2002 — *Базарова Ц. Б.* Лексика национальной одежды агинских бурят. Улан-Удэ, 2002. {*Bazarova Ts. B.* Leksika natsional'noj odezhdy aginskih bur'at. Ulan-Ude, 2002.}
- Бальжинимаева 1994 — *Бальжинимаева Ц. Ц.* Терминология швейного производства у бурят // Этнокультурная лексика монгольских языков. Улан-Удэ, 1994. С. 127—132. {*Bal'zhinimaeva Ts. Ts.* Terminologija shvejnogo proizvodstva u bur'at // Etnokul'turnaja leksika mongol'skih jazykov. Ulan-Ude, 1994. P. 127—132.}
- БАМРС — Большой академический монгольско-русский словарь. Т. 1—4 / Под общ. ред. *Лувсандэндэва А., Цэдэндэмба Ц.* Отв. ред. *Пюрбеев Г. Ц.* М., 2001—2002. {*Bol'shoj akademicheskij mongol'sko-russkij slovar'*. Vol. 1—4 / General eds. *Luvсандэнэва А., Тседэндэмба Ц.* Ed. *P'urbеev G. Ts.* М., 2001—2002.}
- Басаева 1974 — *Басаева К. Д.* Преобразования в семейно-брачных отношениях бурят. Улан-Удэ, 1974. {*Basaeva K. D.* Preobrazovanija v semejno-brachnyh otnoshenijah bur'at. Ulan-Ude, 1974.}
- Бертагаев 1973 — *Бертагаев Т. А.* О соотносности некоторых корневых глаголов в тюрко-монгольских языках // *Central Asiatic Journal*. Vol. 17. № 2—4. Wiesbaden, 1973. P. 100—107. {*Bertagajev T. A.* O sootnesennosti nekotoryh kornevyh glagolov v t'urko-mongol'skih jazykah // *Central Asiatic Journal*. Vol. 17. № 2—4. Wiesbaden, 1973. P. 100—107.}
- Бертагаев 1974 — *Бертагаев Т. А.* Лексика современных монгольских литературных языков. М., 1974. {*Bertagajev T. A.* Leksika sovremennyh mongol'skih jazykov. М., 1974.}
- БРС — *Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М.* Бурятско-русский словарь. Т. 1—2. Улан-Удэ, 2001—2008. {*Shagdarov L. D., Cheremisov K. M.* Bur'atsko-russkij slovar'. Vol. 1—2. Ulan-Ude, 2001—2008.}
- Будаев 1978 — *Будаев Ц. Б.* Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. Новосибирск, 1978. {*Budaev Ts. B.* Leksika bur'atskih dialektov v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii. Novosibirsk, 1978.}
- Викторова 1974 — *Викторова Л. Л.* Основные этапы формирования монгольских этнических общностей // Проблемы алтаистики и монголоведения. Вып. 1. Элиста, 1974. С. 129—206. {*Viktorova L. L.* Osnovnye etapy formirovanija mongol'skih etnicheskikh obshchnostej // Problemy altaistiki i mongolovedenija. Vol. 1. Elista, 1974. P. 129—206.}
- Владимирцов 1929 — *Владимирцов Б. Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия: Введение и фонетика. Л., 1929. {*Vladimirtsov B. Ja.* Sravnitel'naja grammatika mongol'skogo pis'mennogo jazyka i halhaskogo narechija: Vvedenie i fonetika. L., 1929.}
- Гантогтох 1995 — *Гантогтох Г.* Хятад хэлнэс монголжиж буриад аялгуунд орсон угс (Китайские заимствования в бурятском диалекте Монголии) // Историко-сравнительное изучение монгольских языков. Улан-Удэ, 1995. С. 109—119. {*Gantogtoh G.* H'atad helnes mongolzhizh buriad ajalguund orson ugs (Kitajskie zaimstvovanija v bur'atskom dialekte Mongolii) // Istoriko-sravnitel'noe izuchenie mongol'skih jazykov. Ulan-Ude, 1995. P. 109—119.}
- Дондуков 1993 — *Дондуков У.-Ж. Ш.* Словообразование монгольских языков. Улан-Удэ, 1993. {*Dondukov U.-Zh. Sh.* Slovoobrazovanie mongol'skih jazykov. Ulan-Ude, 1993.}
- ДТС 1969 — Древнетюркский словарь / Ред. *Наделяев В. М., Насилов Д. М., Тенишев Э. Р., Щербак А. М., Борковкова Т. А., Дмитриева Л. В., Зырин А. А., Кормушин И. В., Летягина Н. И., Тугушева Л. Ю.* Л., 1969. {*Drevnet'urkskij slovar'* / Ed. *Nadel'аev V. M., Nasilov D. M., Tenishev E. R., Shcherbak A. M., Borovkova T. A., Dmitrieva L. V., Zyrin A. A., Kormushin I. V., Let'agina N. I., Tugusheva L. Ju. L.*, 1969.}
- Иванов 1961 — *Иванов С. В.* Орнамент народов Сибири // Историко-этнографический атлас Сибири / Отв. ред. *Потанов Л. П., Левин М. Г.* М., 1961. С. 369—435. {*Ivanov S. V.* Ornament narodov Sibiri // Istoriko-etnograficheskij atlas Sibiri / Ed. *Potarov L. P., Levin M. G.* М., 1961. P. 369—435.}
- Иванов, Махова 1968 — *Иванов С. В., Махова Е. И.* Художественная обработка металла // Народное декоративно-прикладное искусство киргизов. (= Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. 5.) М., 1968.

С. 96—122. {Ivanov S. V., Mahova E. I. Hudozhestvennaja obrabotka metalla // Narodnoe dekorativno-prikladnoe iskusstvo kirgizov. (= Trudy Kirgizskoj arheologo-etnograficheskoj ekspeditsii. Vol. 5.) М., 1968. P. 96—122.}

Карпини 1957 — *Карпини Дж. П.* История Монгалов, именуемых нами Татарами // Путешествия в восточные страны Плана Карпини и Рубрука / Ред., вступ. ст. и примеч. *Шастинной Н. П.* М., 1957. С. 23—87. {Karpini Dzh. P. Istorija Mongalov, imenuemyh nami Tatarami // Pyteshestvija v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka / Red., vstup. st. i primech. *Shastinoj N. P.* М., 1957. P. 23—87.}

Козин 1941 — *Козин С. А.* Сокровенное сказание. М.—Л., 1941. {Kozin S. A. Sokrovennoe skazanie. М.—Л., 1941.}

Колесникова 1972 — *Колесникова В. Д.* Названия частей тела человека в алтайских языках // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972. С. 71—103. {Kolesnikova V. D. Nazvaniya chastej tela cheloveka v altajskih jazykah // Ocherki sravnitel'noj leksikologii altajskih jazykov. L., 1972. P. 71—103.}

Лигети 1964 — *Лигети Л.* Монгольские элементы в диалектах хазара в Афганистане // Краткие сообщения Института народов Азии. № 83. Монголоведение и тюркология. М., 1964. С. 5—22. {Ligeti L. Mongol'skie elementy v dialektah hazara v Afganistane // Kratkie soobshchenija Instituta narodov Azii. № 83. Mongolovedenie i t'urkologija. М., 1964. P. 5—22.}

Муниев 1977 — *Муниев В. Д.* Калмыцко-русский словарь. М., 1977. {Muniev V. D. Kalmytsko-russkij slovar'. М., 1977.}

Николаева 2004 — *Николаева Д. А.* Одежда и украшения бурят // Буряты. М., 2004. С. 151—166. {Nikolaeva D. A. Odezhdа i ukrashenija bur'at // Bur'aty. М., 2004. P. 151—166.}

Окладников 1973 — *Окладников А. П.* Новые данные по древней истории монголов // Олон улсын монголч эрдэмтний II их хурал. Улаанбаатар, 1973. С. 347—355. {Okladnikov A. P. Novye dannye po drevnej istorii mongolov // Olon ulsyn mongolch erdemtnij II ih hural. Ulaanbaatar, 1973. P. 347—355.}

Окладников, Деревянко 1970 — *Окладников А. П., Деревянко А. П.* Тамцаг-Булак — неолитическая культура Восточной Монголии // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып. 5. Улан-Удэ, 1970. С. 3—20. {Okladnikov A. P., Derev'anko A. P. Tamtsag-Bulak — neoliticheskaja kul'tura Vostochnoj Mongolii // Materialy po istorii i filologii Tsentral'noj Azii. Vol. 5. Ulan-Ude, 1970. P. 3—20.}

Поппе 1938 — *Поппе Н. Н.* Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. Т. 1—2. М.—Л., 1938. {Puppe N. N. Mongol'skij slovar' Mukaddimat al-Adab. Vol. 1—2. М.—Л., 1938.}

Потанин 1893 — *Потанин Г. Н.* Тангутско-тибетская окраина Китая и центральная Монголия. СПб., 1893. {Potanin G. N. Tangutsko-tibetskaja okraina Kitaja i tsentral'naja Mongolija. SPb., 1893.}

Потапов 1969 — *Потапов Л. П.* Очерки народного быта тувинцев, хакасов и ряда тюркоязычных народов Средней Азии. М., 1969. {Potapov L. P. Ocherki narodnogo byta tuvintsev, hakasov i r'ada t'urkojazychnyh narodov Srednej Azii. М., 1969.}

Пюрбеев 1996 — *Пюрбеев Г. Ц.* Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста, 1996. {P'urbееv G. Ts. Tolkovyj slovar' traditsionnogo byta kalmykov. Elista, 1996.}

Распопова 1965 — *Распопова В. И.* Поясной набор Согда VII—VIII вв. // Советская археология. 1965, 4. С. 78—91. {Raspopova V. I. Pojasnoj nabor Sogda VII—VIII vv. // Sovetskaja arheologija. 1965, 4. P. 78—91.}

Рассадин 1982 — *Рассадин В. И.* Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М., 1982. {Rassadin V. I. Ocherki po istoricheskoj fonetike bur'atskogo jazyka. М., 1982.}

Рассадин 1996 — *Рассадин В. И.* Присянская группа бурятских говоров. Улан-Удэ, 1996. {Rassadin V. I. Prisajanskaja gruppа bur'atskih govorov. Ulan-Ude, 1996.}

Рассадин 2010 — *Рассадин В. И.* Комплекс лексики кочевничества монгольских языков в свете тюрко-монгольских языковых связей // Урало-алтайские исследования. 2010, 1 (2). С. 32—38. {Rassadin V. I. Kompleks leksiki nomadnogo skotovodstva mongol'skih jazykov v svete t'urksko-mongol'skih jazykovyh sv'azej // Uralo-altajskie issledovanija. 2010, 1 (2). P. 32—38.}

Сборник документов 1960 — Сборник документов по истории Бурятии XVII в. Вып. 1 / Сост. *Румянцев Г. Н., Окунь С. Б.* Улан-Удэ, 1960 // http://ostrog.ucoz.ru/publikacii/4_47.htm. {Sbornik dokumentov po istorii Bur'atii XVII v. Vol. 1 / Sost. *Rum'anisev G. N., Okun' S. B.* Ulan-Ude, 1960 // http://ostrog.ucoz.ru/publikacii/4_47.htm.}

Сүхбаатар 1997 — *Сүхбаатар О.* Монгол хэлний харь угийн толь. Улаанбаатар, 1997. {Sühbaatar O. Mongol helnij har' ugijn tol'. Ulaanbaatar, 1997.}

Тодаева 1961 — *Тодаева Б. Х.* Дунсянский язык. М., 1961. {Todaeva B. H. Duns'anskij jazyk. М., 1961.}

Тодаева 1964 — *Тодаева Б. Х.* Баоаньский язык. М., 1964. {Todaeva B. H. Baosan'skij jazyk. М., 1964.}

Тодаева 1973 — *Тодаева Б. Х.* Монгорский язык: Исследование, тексты, словарь. М., 1973. {Todaeva B. H. Mongorskij jazyk: Issledovanie, teksty, slovar'. М., 1973.}

Тодаева 1986 — *Тодаева Б. Х.* Дагурский язык. М., 1986. {Todaeva B. H. Dagurskij jazyk. М., 1986.}

Тугутов 1958 — *Тугутов И. Е.* Материальная культура бурят. Улан-Удэ, 1958. {Tugutov I. E. Material'naja kul'tura bur'at. Ulan-Ude, 1958.}

Хазуев 1984 — *Хазуев Н. А.* Тибетизмы и их фонетическая адаптация в бурятском языке // Взаимовлияние языков в Бурятии. Улан-Удэ, 1984. С. 96—107. {*Hazuev N. A. Tibetizmy i ih foneticheskaja adaptatsija v bur'atskom jazyke // Vzaimovlijanie jazykov v Bur'atii. Ulan-Ude, 1984. P. 96—107.*}

Харькова, Убушиева 1986 — Хальмг-монхл-орс толь (= Калмыцко-монгольско-русский словарь) / Сост. *Харькова С. С., Убушиева Б. Э.* Отв. ред. *Биткеев П. Ц.* Элиста, 1986. {*Hal'mg-monhl-ors tol' (= Kalmytsko-mongol'sko-russkij slovar') / Sost. Har'kova S. S., Ubushieva B. E. Ed. Bitkeev P. Ts. Elista, 1986.*}

Хомонов 1970 — *Хомонов М. П.* Из наблюдений над лексикой древнемонгольского памятника «Сокровенное сказание» // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып. 5. Улан-Удэ, 1970. С. 29—40. {*Homonov M. P. Iz nabl'udenij nad leksikoj drevnemongol'skogo pam'atnika "Sokrovennoe skazanie" // Materialy po istorii i filologii Tsentral'noj Azii. Vol. 5. Ulan-Ude, 1970. P. 29—40.*}

Хрипунов 2012 — *Хрипунов Н. В.* Одежда знати Великой империи монголов в 1207—1266 гг. // Золотоордынская цивилизация: Сборник статей. Вып. 5. Казань, 2012. С. 363—393 // http://www.kitabhona.org.ua/costum_costum/khripunovorda1.html. {*Hripunov N. V. Odezhdaznati Velikoj imperii mongolov v 1207—1266 gg. // Zolotoordynskaja tsivilizatsija: Sbornik statej. Vol. 5. Kazan', 2012. P. 363—393 // http://www.kitabhona.org.ua/costum_costum/khripunovorda1.html.*}

Цыдендамбаев 1972 — *Цыдендамбаев Ц. Б.* Бурятские исторические хроники и родословные (историко-лингвистическое исследование). Улан-Удэ, 1972. {*Tsydendambaev Ts. B. Bur'atskie istoricheskie hroniki i rodoslovnye (istoriko-lingvisticheskoe issledovanie). Ulan-Ude, 1972.*}

Цыдендамбаев 1978 — *Цыдендамбаев Ц. Б.* Об эвенкийских элементах в этническом составе и языке бурят // Взаимовлияние языков в Бурятии. Улан-Удэ, 1978. С. 79—95. {*Tsydendambaev Ts. B. Ob evenkijskikh elementah v etnicheskom sostave i jazyke bur'at // Vzaimovlijanie jazykov v Bur'atii. Ulan-Ude, 1978. P. 79—95.*}

Цэвэл 1966 — *Цэвэл Я.* Монгол хэлний товч тайлбар толь. Улаанбаатар, 1966. {*Tsevel Ja. Mongol helnij tovch tajlbar tol'. Ulaanbaatar, 1966.*}

Черемисов 1973 — *Черемисов К. М.* Бурятско-русский словарь. М., 1973. {*Cheremisov K. M. Bur'atsko-russkij slovar'. M., 1973.*}

Шибеева 1954 — *Шибеева Ю. А.* Одежда хакасов. Сталинабад, 1954. {*Shibaeva Ju. A. Odezhdahakasov. Stalina-bad, 1954.*}

ЭСТЯ 1978 — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М., 1978. {*Sevort'an E. V. Etimologicheskij slovar' t'urkskikh jazykov: Obshchet'urkskie i mezht'urkskie osnovy na bukvu "B". M., 1978.*}

ЭСТЯ 1980 — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г» и «Д». М., 1980. {*Sevort'an E. V. Etimologicheskij slovar' t'urkskikh jazykov: Obshchet'urkskie i mezht'urkskie osnovy na bukvy "V", "G" i "D". M., 1980.*}

ЭСТЯ 1989 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Й» / Авт. сл. ст. *Севортян Э. В., Левитская Л. С.* М., 1989. {*Etimologicheskij slovar' t'urkskikh jazykov: Obshchet'urkskie i mezht'urkskie osnovy na bukvy "Z", "Zh", "J" / Avt. sl. st. Sevort'an E. V., Levitskaja L. S. M., 1989.*}

ЭСТЯ 1997 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К», «Қ» / Авт. сл. ст. *Левитская Л. С., Дыбо А. В., Рассадин В. И.* М., 1997. {*Etimologicheskij slovar' t'urkskikh jazykov: Obshchet'urkskie i mezht'urkskie osnovy na bukvy "K", "K" / Avt. sl. st. Levitskaja L. S., Dybo A. V., Rassadin V. I. M., 1997.*}

Čenggeltei et al. 1986 — *Čenggeltei et al.* Mongyor kelen-ü kelelge-yin matèriyal / Tüzüyü huàyü cáiliào (= Materials of Monguor Spoken Language). Hohhot, 1986 [1988].

Dob 1983 — [*Dobu*] *Dàobù.* Měnggǔyǔ jiǎnzhi (= Concise grammar of Mongolian). Peking, 1983 (in Chinese).

Dpal-Idan-bkra-shis, Stuart et al. 1996 — *Dpal-Idan-bkra-shis, Stuart K. et al.* Language Materials of China's Monguor Minority: Huzhu Mongghul and Minhe Mangghuer. (= Sino-Platonic Papers, 69.) Philadelphia, 1996.

EDT — *Clauson G.* An Etimological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972.

Enkhbat 1984 — *Enkhbat.* Daγur kelen-ü üges / Dáwò'èryü cihui (= Vocabulary of Dagur). Hohhot, 1984.

Haenisch 1939 — *Haenisch E.* Wörterbuch zu Manghol un Niuca Tobca'an (Yüan-ch'ao Pi-shi): Geheime Geschichte der Mongolen. Wiesbaden, 1939 (reprint: Leipzig, 1962).

Hangin 1986 — *Hangin G.* A Modern Mongolian-English Dictionary. Bloomington, 1986.

IbnM — *Battal Aptullah.* Ibnü-Mühenna lügati. Istanbul, 1934.

Junast 1981a — *Junast.* Tüzüyü jiǎnzhi (= Concise grammar of Monguor). Peking, 1981.

Junast 1981b — *Junast.* Dōngbù Yùgùyü jiǎnzhi (= Concise grammar of Eastern Yugur). Peking, 1981.

Junast, Lǐ 1982 — *Junast, Lǐ Kèyù.* Tüzüyü Mínhé fāngyán gàishù (= General overview of the Mínhé dialect of Monguor) // *Mínzú Yǔwén Yánjiū Wénjí.* Xīning, 1982. P. 458—487.

Khasbaatar et al. 1985 (1986) — *Khasbaatar et al.* Mongyor kelen-ü üges / Tüzüyü cihui (= Vocabulary of Monguor). Hohhot, 1985 (1986).

Kowalewski — *Kowalewski J. E.* Dictionnaire mongol-russe-français. I—III. Kazan, 1844—1849 (reprint: Tientsin, 1941).

- Lessing 1995 — *Mongolian-English Dictionary* / Ed. *Lessing F. D.* Bloomington, 1995.
- Lǐ 1988 — *Lǐ Kèyù*. *Monghul Qidar Merlong / Tǔ Hàn Cídiǎn* (= Monguor-Chinese dictionary). Xīníng, 1988.
- Ligeti 1964 — *Ligeti L.* Les voyelles longues en moghol // *Acta Orientalia Hungarica*, XVII. Budapest, 1964. P. 1—48.
- Liú 1981 — *Liú Zhàoxióng*. *Dōngxiāngyǔ jiǎnzhi* (= Concise grammar of Dongxiang). Peking, 1981.
- Mǎ, Chén 2000 — *Mǎ Guózhōng, Chén Yuánlóng*. *Dunxian kielien khidei kielienni lugveqi / Dōngxiāngyǔ Hànyǔ cídiǎn* (= Dongxiang-Chinese dictionary). Lánzhōu, 2000.
- Mostaert 1941—1944 — *Mostaert A.* Dictionnaire ordos. I—III. Peking, 1941—1944.
- Mostaert 1977 — *Mostaert A.* Le matériel mongol du Houa i i iu de Houng-ou (1339) / Ed. *de Rachewiltz I.* Brussels, 1977.
- Namcarai, Khaserdeni 1983 — *Namcarai, Khaserdeni.* *Dayur kele Mongyol kelen-ü Qariçayulul* (= Comparison between Dagur and Mongolian). Hohhot, 1983.
- Nugteren 2011 — *Nugteren H.* *Mongolic Phonology and Qinghai-Gansu Languages.* Utrecht, 2011.
- Poppe 1927—1928 — *Poppe N.* *Das Mongolische Sprachmaterial einer Leidener Handschrift* // *Известия Академии наук СССР*. М., 1927. С. 1009—1040, 1251—1274. М., 1928. С. 55—80.
- Ramstedt 1935 — *Ramstedt G. J.* *Kalmückisches Wörterbuch.* Helsinki, 1935.
- Sečenčogt 1999 — *Sečenčogt.* *Kāngjiāyǔ yánjiū* (= Kangjia language research). Shānghǎi, 1999.
- Smedt, Mostaert 1933 — *de Smedt A., Mostaert A.* *Le dialecte Monguor parlé par les Mongols du Kansou occidental.* P. III. *Dictionnaire monguor-français.* Peip'ing, 1933.
- Sūn 1990 — *Sūn Zhú.* *Měnggǔ yǔzú yǔyán cídiǎn* (= Dictionary of the languages of the Mongolic language family). Xīníng, 1990.
- Vietze, Lubsang 1992 — *Vietze H.-P., Lubsang G.* *Altan tobçi: Eine mongolische Chronik des XVII. Jahrhunderts von Bio bzan bstan 'jin.* Text and Index. Tokyo, 1992.
- Weiers 1972 — *Weiers M.* *Die Sprache der Moghol der Provinz Herat in Afghanistan: Sprachmaterial, Grammatik, Wortliste.* (= *Abhandlungen der Rheinisch-Westfälischen Akademie der Wissenschaften*, 49.) Opladen, 1972.
- Zhòng 1982 — *Zhòng Sùchún.* *Dáwò'ěryǔ jiǎnzhi* (= Concise grammar of Dagur). Peking, 1982.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена описанию корпуса слов, обозначающих предметы бурятской национальной одежды. Автор дает краткие описания предметов одежды и их деталей и анализирует их названия. На материале бурятского и ряда других монгольских языков и диалектов, а также прамонгольских этимологий автор показывает древний характер этих слов, приводит факты общности монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских названий и их денотатов.

SUMMARY

The article deals with the words denoting the Buryat traditional clothes. The author gives brief descriptions of the clothes and on the basis of the material of Buryat, other Mongolic languages and dialects and etymologies shows ancient character of these words.

Ключевые слова: одежда, монгольские языки, бурятский язык, этимология, лексика

Keywords: clothes, the Mongolic languages, Buryat, etymology, lexicon

Названия базовых элементов национального костюма в прамордовском языке¹

Мордовские языки (эрзянский и мокшанский) относятся к финно-волжской ветви финно-угорских языков. Мордовские языки близки между собой, хотя имеют ряд существенных различий на фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях.

Исследование предметов материальной культуры является важным аспектом изучения истории народа, его быта и окружения. Мордовский национальный костюмный комплекс является одной из важнейших составляющих материальной культуры, поэтому глубокое рассмотрение названий его элементов поможет уточнить имеющиеся научные данные по истории мордовского народа, а также межнациональным контактам на территории его исконного проживания.

Данная статья посвящена прамордовской реконструкции названий одежды. Для такой реконструкции важен анализ диалектной лексики мордовских языков. Основным критерием для отбора анализируемой лексики послужило наличие слова как минимум в двух диалектных зонах эрзянского и мокшанского языков (с учетом возможных языковых контактов в данных диалектных зонах), на основании чего мы можем предполагать наличие данного слова и на прамордовском уровне. Нами опускаются названия элементов одежды, относящиеся к поздним внутримордовским производным и поздним русским заимствованиям, которые были заимствованы без фонетических изменений и обозначают современные предметы одежды. Также нами не рассматриваются слова, имеющие финно-угорскую этимологию, но наличествующие в настоящий момент только в одном из мордовских языков. В статье используется общепринятая финно-угорская транскрипция; в литературных источниках сохранена орфография оригинала.

Вопрос о классификации диалектов эрзянского и мокшанского языков остается открытым и в настоящее время: существуют различные точки зрения на классификацию диалектов мордовских языков (см., например, [Черепкин 1930; Цыганов 1959] и др.). В данной работе принимаются классификации, на наш взгляд, наиболее полно отражающие диалектное членение эрзянского и мокшанского языков: классификация эрзянских диалектов, разработанная Д. В. Цыганкиным и дополненная Г. И. Ермушкиным [Цыганкин 1979; Ермушкин 1984], и классификация мокшанских диалектов, получившая отражение в работах А. П. Феоктистова [Феоктистов 1990].

Классификация эрзянских диалектов

В составе эрзянского языка выделяются пять основных диалектных типов: 1) центральный, 2) западный, 3) северо-западный, 4) юго-восточный и 5) шокшинский.

1) Говоры центрального диалектного типа располагаются в центре восточной части Республики Мордовия (Атяшевский район, частично Ичалковский и Чамзинский районы). Говор с. Козловка центрального диалектного типа был положен в основу эрзянского литературного языка.

2) Говоры западного диалектного типа подразделяются на две основные подгруппы: юго-западную и северо-западную. Юго-западные говоры расположены в бассейне р. Пырма (по административному делению они находятся на территории Кочкуровского района Республики Мордовия); говоры северо-западной ветви распространены по нижнему течению р. Инсар и среднему течению р. Алатырь (по административному делению они расположены в западной части Ичалковского района Республики Мордовия).

3) Говоры северо-западного диалектного типа занимают бассейны р. Меня и р. Пьяна, а также р. Алатырь в нижнем течении: в административном отношении это Ардатовский и Большеигнатовский районы Республики Мордовия, Гагинский, Лукояновский, Пильнинский, Сергачский и Шатковский районы Нижегородской области, Алатырский и Порецкий районы Чувашской Республики.

---

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 12-04-00269а «Реконструкция названий предметов материальной культуры в мордовских языках». Пользуясь случаем, автор выражает благодарность Ю. В. Норманской за консультации по параллелям в других уральских языках и предложения новых этимологий для мордовских названий одежды (тех лексем, для которых отсутствуют ссылки на словарь [UEW]). Эти этимологические гипотезы Ю. В. Норманской в ближайшее время будут опубликованы в более полном объеме в ее статье «Названия одежды в уральских языках».

4) Говоры юго-восточного диалектного типа распространены на территории Мордовского Присурья — в междуречье притоков р. Сура: Дубёнском, Большеберезниковском и Кочкуровском (частично) районах Республики Мордовия, Инзенском и Сурском районах Ульяновской области, Городищенском, Никольском, Сосновоборском и Шемышейском районах Пензенской области.

5) Говоры смешанного диалектного типа распространены в бассейне р. Шокша, в связи с чем смешанный диалектный тип также называют шокшинским. Административно данные говоры расположены в десяти селах Теньгушевского района и трех селах Торбеевского района Республики Мордовия.

Классификация мокшанских диалектов

Исследователями выделяются пять диалектных типов мокшанского языка: 1) центральный, 2) западный, 3) юго-восточный, 4) переходный и 5) смешанный. Как и классификация эрзянских диалектов, данная классификация построена на фонетических и морфологических параметрах.

1) Говоры центрального диалектного типа распространены на территории Атюрьевского, Темниковского, Ельниковского, Ковылкинского, Краснослободского, Старошайговского, Рузаевского и Торбеевского районов Республики Мордовия. В основу современного литературного мокшанского языка положен этот диалектный тип.

2) Говоры западного диалектного типа занимают территорию Zubovo-Полянского и частично Торбеевского районов Республики Мордовия. Западный диалектный тип распадается на две основные подгруппы: северо-западную и юго-западную.

3) Говоры юго-восточного диалектного типа занимают территорию Инсарского, частично Ковылкинского и Рузаевского районов Республики Мордовия.

4) Говоры переходного диалектного типа распространены на территории Белинского района Пензенской области, Торбеевского и Ковылкинского районов Республики Мордовия (между западным, юго-восточным и центральным диалектными типами мокшанского языка).

5) Говоры смешанного диалектного типа распространены за пределами Республики Мордовия. Вследствие глубокого влияния эрзянских диалектов говоры смешанного типа мокшанского языка имеют заимствованные эрзянские фонетические и морфологические черты.

Необходимо также отметить, что говоры мордовских языков, расположенные на территории Республики Мордовия, описаны достаточно подробно, чего нельзя сказать о говорах, распространенных за пределами Республики. Это связано с тем, что распространение и развитие мордовских диалектов на восточных территориях (Заволжье и юг Приуралья) происходило в более поздний период, чем на территории современной Республики Мордовия и сопредельных с ней территориях. Мордовские лингвисты в первую очередь уделяли внимание описанию говоров, сложившихся в более ранний период развития мордовских языков. «Вопрос же о членении говоров позднего периода формирования может быть решен в специальных исследованиях, которые в мордовском языкознании еще только начаты» [Феоктистов 1990: 111].

В настоящей работе мы попытаемся сопоставить лингвистические данные с данными археологии и этнографии, а также с материалом мордовского фольклора.

На настоящий момент существует достаточно большое количество этнографических работ, посвященных исследованию элементов мордовского национального костюма. Одними из первых источников, в которых мы находим описание предметов мордовской одежды, являются труды исследователей XVIII в.: И. Г. Георги [Георги 1776], П. С. Палласа [Паллас 1809], И. И. Лепехина [Лепехин 1821]. В них дается краткое описание мордовского национального костюма, отмечается наличие разнообразных костюмных комплексов в зависимости от возрастных и социальных групп, а также различное предназначение (обрядовое и т. д.) каждого костюмного комплекса. Как отмечает В. Н. Белицер, «большинство предметов того времени вышло из употребления еще в первой половине XIX в., мало сохранилось их и в музейных собраниях, а потому все сведения, оставленные ранними исследователями, для нас особенно важны» [Белицер 1973: 9]. Среди этнографических исследований конца XIX в. можно отметить работы И. Н. Смирнова [Смирнов 1895] и А. О. Хейкеля [Heikel 1899], которые также описывают элементы мордовского национального костюма.

Мордовский народный костюм привлекал внимание исследователей и в XX в., и в XXI в.: довольно подробно он был описан в этнографических работах [Маркелов 1922; Евсевьев 1925; Спрыгина 1929; Белицер 1964, 1973; Крюкова 1958; Мезин 1994; Мордва 2004; Шигурова 2010, 2012], были изданы альбомы [Прокина, Сурина 1990; Прокина 2007]. В археологических исследованиях дано описание элементов костюмного комплекса, украшений [Иванов 1952; Алихова 1958, 1969; Петербургский 1978; Циркин

1987]. В работах лингвистов номинациям элементов мордовского костюмного комплекса не уделялось отдельного внимания. О предметах материальной культуры, исследуя русские заимствования в мордовских языках, упоминает в своей работе Т. М. Шеянова [Шеянова 1989].

1. Рубахи

Рубаха составляла основу мордовского национального костюма. Как важнейший элемент эрзянской и мокшанской одежды она имела также социальное и обрядовое значения. Разнообразие номинаций рубахи обусловлено географическим и практическим факторами.

Анализ названий рубахи в мордовских языках показал, что надежно реконструируются как минимум два вида рубахи. Этот факт представляется весьма интересным, т. к., насколько нам известно, в других финно-угорских языках существует только одна номинация для обозначения рубахи. Два вида мордовских рубах различаются по сфере их использования:

1) основная рубаха *panar*, которая имеет большое количество производных слов и обозначает различные виды рубах (при этом важно отметить, что этимология данного слова не найдена, и дальнейший ее поиск представляется весьма важным, т. к. поможет найти истоки мордовской особенности — наличия двух слов для обозначения рубах);

2) *pal'a* 'нарядная рубаха' < ФУ **pal'a* 'праздничная, ценная одежда, рубашка'.

Основной частью мордовского национального костюма является рубаха: эрз. *Mar, Kal, Bug, Večk, Kad panar* 'рубашка', мокш. *P, Temn panar* 'рубашка' [Raasonen: 1521; ЭРС: 454; МРС: 458] (Рис. 1). Этимология эрз., мокш. *panar* в настоящее время неизвестна.

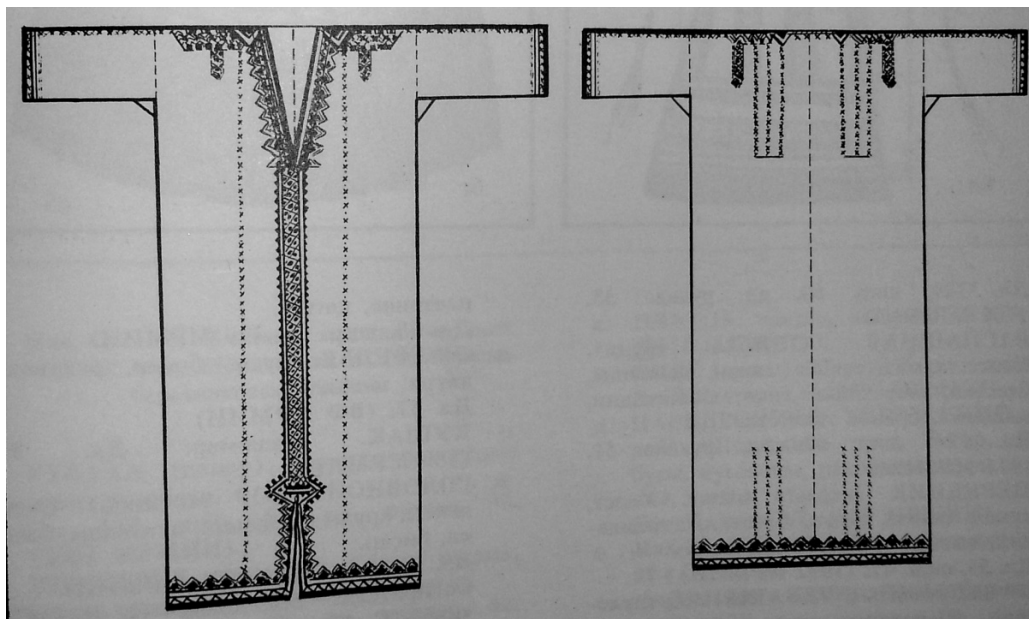

Рис. 1. Женская рубаха *panar* — элемент праздничного эрзянского костюма (30—40-е гг. XX в., Кочкуровский район Республики Мордовия) [Прокина, Сурина 1990: 307].

Эрз., мокш. *panar* и его производные могут обозначать различные предметы одежды, например: эрз. *s'oran' panar*, мокш. *al'an' panar* 'мужская рубашка'; эрз., мокш. *avan' panar* 'женская рубашка'; эрз. *ejkakšon' panar* 'детская рубашка', эрз. *alga panar* 'нижняя рубашка невесты' [Raasonen: 1522]; мокш. *alga' panar* 'нательное белье, комбинация' [МРС: 458]; эрз., мокш. *langa panar* 'верхняя рубашка' [Raasonen: 1522]; эрз. *potpanar* 'полотняная нижняя рубаха' [ЭРС: 505]; эрз. *impanar* 'верхняя женская вышитая холщовая одежда наподобие распашонки' [ЭРС: 210].

В эрзянском и мокшанском языках представлено большое количество названий для элементов рубахи, например: эрз. *panar kopor'e, panar kut'm'er'e, panar kot'm'er'ä* 'спинка рубашки' [Raasonen: 1522]; мокш. *panar algat* (этн.) 'вышивка по краю подола женской рубахи', *panar kukol* 'ластовица — вставка под мышками в мужской верхней рубахе или в женском верхнем платье при особом покрое рукава', *panar ožat* (этн.) 'обшлага, рукава', *panar rongga* (этн.) 'часть рубахи без рукавов', *panar s'ormat* (этн.) 'вышивка по краю подола женской рубахи' [МРС: 458].

Примеры: эрз. *Те парьсэнтъ, нама, коцт, руцят, панарт* [Абрамов 1971: 14] ‘В этом сундуке, конечно, холст, руки, **рубашки**’; эрз. *Лангсонзо ашо коцтонъ кувака панар, сивезэ, ожа пензэ ды алце краесь викинешъ якстерьстэ* [Абрамов 1971: 15] ‘На нем белая холщовая длинная **рубашка**, воротник, концы рукава и по низу вышиты красным’.

Данный термин характерен для эрзянского и мокшанского костюмных комплексов. Рубаха *panar* имеет туникообразный покрой, длину до щиколоток: «Ее кроили из двух полотнищ холста, согнутых поперек на плечах и сшитых между собой по продольной нитке. Для головы и рук оставляли незашитые места. Спереди внизу полотнища не зашивали до конца на 10—15 см. Рубаха не имела воротника; на груди делали вырез треугольной формы. Рукава прямые, длиной до локтя. Носили рубаху подпоясанной, с напуском (пазухой)» [Белицер 1964: 576]. Вышивка на рубахе была очень плотная, она выполнялась шерстяными нитками и специальными швами. Орнамент вышивки в основном был геометрическим, в расцветке преобладал красно-коричневый тон.

Покрой мордовской рубахи, отличающийся от покроя рубах других финно-угорских народов (см., например, [Молотова 1992]), может свидетельствовать о самобытности данного элемента одежды или о том, что он был заимствован у других народов.

Эрз. *Mar, Atr, VVr, Večk, Jeg pal'a, Ba pal'ä*, мокш. *pal'ε*, мокш. *P, Āemb, Sučk, MdJurtk pal'ä* ‘рубашка’ [Paasonen: 1518]; эрз. *pal'a* ‘рубашка’ [ЭРС: 453], мокш. *pal'a* ‘платье, рубаха’ [МРС: 458], Саратов. *pal* [Белицер 1973: 45] < ФУ **pal'a* ‘праздничная, ценная одежда, рубашка’: хант. *Kaz pe!* ‘одежда и т. д., которой меняются’ [DEWOS: 1154], *V pel'ni* ‘старинный мужской халат с отделкой из оленьей шкуры’ [DEWOS: 1164].

В этой этимологии мы предлагаем объединить два хантыйских слова, которые авторы [DEWOS] разводят по двум разным словарным статьям: *Kaz pe!* ‘одежда и т. д., которой меняются’ и *V pel'ni* ‘старинный мужской халат с отделкой из оленьей шкуры’. Как отмечается в [DEWOS: 1164], *-ni* является хантыйским отыменным суффиксом. По вокализму указанные формы могут быть объединены рефлексамии ПХант **päl'-2*.

Сопоставление мордовских и хантыйских форм фонетически и семантически также представляется надежным. Как указывается в [DEWOS], хантыйские слова обозначают ценную одежду, которая используется для обмена и красиво отделана. Анализ употреблений эрз. *pal'a* показывает, что это слово обозначает нарядную рубашку, которая может быть вышитой и использоваться на праздниках и свадьбах: эрз. *Ашо паля Комлявань лангсонзо, // Парсей паця Комлявань прясонзо* [Масторава 1994: 44] ‘Белая **рубашка** на Комляве, // Шелковый платок на голове у Комлявы’. Ср. также эрз. *таргань паля* ‘вышитая рубашка’: *Таргань палят оршиде* [Евсеев 1990: 71] ‘Вышитые **рубашки** наденьте’.

У мордвы Заволжья (Самарская область) и саратовской мордвы сохранилось название рубахи: эрз. *Mar, Atr, VVr, Večk, Jeg pal'a, Ba pal'ä*, мокш. *pal'ε*, мокш. *P, Āemb, Sučk, MdJurtk pal'ä* ‘рубашка’ [Paasonen: 1518] (ср. эрз. *pal'a* ‘рубашка’ [ЭРС: 453], мокш. *pal'a* ‘платье, рубаха’ [МРС: 458], Саратов. *pal* [Белицер 1973: 45]), — которое использовалось для номинации традиционной рубахи под общераспространенным термином *panar*. Также примечательно, что у саратовской мордвы данная номинация использовалась параллельно с эрз. *panar*. Перенос значения можно объяснить тем, что у мордвы Заволжья украшение рубах вышивкой и другими элементами было минимизировано по сравнению с украшением рубах мордвы, проживающей на территории современной Республики Мордовия: нарядная рубаха *pal'a* напоминала широко используемую рубаху *panar*.

Частотность употребления данного термина в фольклорных произведениях, записанных на территории современной Республики Мордовия, позволяет сделать предположение о его повсеместном распространении ранее. Наилучшая сохранность архаичных элементов языка и национальной культуры в регионах Заволжья и Саратовской области может быть обусловлена сепаратным проживанием мордвы в этих регионах.

Отдельно следует отметить особый вид обрядовой верхней одежды, распространенный у эрзянок. Данный вид рубах надевали в день совершеннолетия и на свадьбу [Мордва 2004: 308]: эрз. *Mar, Atr, VVr, Večk, Is, Jeg, Ba pokaj* ‘праздничная рубашка’, *Ič pokaz'* ‘женская рубашка’; мокш. *Sučk pokaj* ‘праздничная рубашка’ [Paasonen: 1718] < ФУ **puke* ‘одежда’: фин. *pukea* ‘одеваться’ [SSA II: 419], хант. *Ni, Kaz -pāk* ‘одежда’ [DEWOS: 1111]. В [UEW: 401—402] и [SSA II: 419] под вопросом предлагается сопоставление финского слова с саам. *Kld, In, Ko, T bōkkat* ‘сверлить; дрель’ и венг. *bújik, búvik* ‘ползучесть’, однако эти сравнения представляются гораздо менее убедительными семантически.

² Здесь и далее прахантыйская реконструкция сделана на основе системы, предложенной в [Helimski 2001].

Мокшанская рубаха, обозначаемая словами мокш. P, Jožka, Kr *ščama*, Kul *určamat* (PL), Pš *š'č'am*, Čemb, Pimb, Sp *ščam* 'платье', 'одежда' [Paasonen: 1463] (ср. мокш. *ščam* 'рубаха' [Белицер 1973: 51])³, имела отличающийся от эрзянской рубахи покроем, что может говорить о сепаратном развитии эрзянско-го и мокшанского национального костюмов.

Мокш. P, Jožka, Kr *ščama*, Kul *určamat* (PL), Pš *š'č'am*, Čemb, Pimb, Sp *ščam* 'платье', 'одежда' [Paasonen: 1463] < ФУ *šame 'одежда': фин. *hame* 'юбка; пальто' [SSA I: 136]; хант. Mj, Trj, J *lōmät*, DN, DT, Ni, Š *tumät*, Fil, КоP, Kr *tōmät*, Kaz *lōmät*, Sy *lumät* 'одевать; обувать' [DEWOS: 762]. В [SSA I: 136] предполагается, что фин. *hame* 'юбка; пальто' было заимствовано из германских языков: ср. норв. *ham* 'кожа', нем. *Hemd* 'рубашка', англ. *hame* 'клешня хомута у лошади'. Это предположение кажется семантически гораздо менее надежным, чем предлагаемая финно-угорская этимология, потому что германское слово во всех северногерманских языках, у которых были прямые контакты с финнами, обозначает в первую очередь кожу, а в большинстве западногерманских языков помимо рубашки обозначает также покрывало, хомут для лошади и т. д.

Таким образом, предположение о позднем заимствовании из северногерманских языков невозможно, поскольку маловероятно развитие значения 'кожа' > 'юбка; пальто', а из прагерманского тоже маловероятно, т. к. для этого уровня следует реконструировать, скорее, значение 'покрытие (кожа)', которое представлено в большинстве германских языков, и его трансформация в название одежды при заимствовании представляется не вполне надежной. Авторы [DEWOS] считают, что хантыйский глагол образован от существительного O *lom* 'пазуха' [DEWOS: 761], но такое развитие значения 'пазуха' > 'одеваться; обуваться' кажется маловероятным. Более вероятным представляется развитие значения, предлагаемое в настоящем сравнении: 'одежда' > 'одеваться; обуваться'.

С точки зрения фонетических соответствий хантыйские формы являются рефлексам ПХант *lamät, и получается, что фин., мокш. и ПХант формы являются стандартными рефлексам ФУ *šamV 'одежда'.

Таким образом, на прамордовском уровне можно выделить два вида рубах: повседневную рубаху *panar* и праздничную рубаху *pal'a*. Интересно отметить, что номинация рубахи ФУ *šopa 'одежда, похожая на рубашку' [UEW: 486] (фин. *sopa* 'рубашка, платье, одежда'; эст. *sōba* 'шаль, покрывало'; манс. Tj *šop*, So *sup* 'рубашка' > хант. *šjр* 'короткая рубашка') не сохранилась у мордвы. Этот факт может быть обусловлен изменением способа покроя и фасона рубах, что говорит о возможном влиянии контактирующих народов.

2. Верхняя одежда

Верхняя распашная одежда являлась самобытным элементом мордовского национального костюма. Данный тип одежды был распространен на всей территории проживания эрзян и мокшан вплоть до XX в. В каждой местности он имел свои отличительные особенности покроя, украшения и способа ношения, а также особое название: так, в Городищенском районе Пензенской области он назывался *ruc'a*, в д. Большое Сескино Дальнеконстантиновского района Нижегородской области (мордва-терюхане) — *šušpan*, в д. Мордовский Каратай Камско-Устьинского района Республики Татарстан (мордва-каратаи) — *čiba*, в с. Мордовские Парки Краснослободского района Республики Мордовия — *muškas*; также были распространены номинации эрз. *oršamka*, *impanar*, мокш. *pan'žat*, *balahon* и др.

Наиболее распространенной номинацией верхней распашной одежды в диалектах мордовских языков является эрз. *ruc'a*, Mar, VVr, Ba, Kad, Kal, Večk, Jeg *rut's'a*, Is *ruc'a*, мокш. *rut's'e*, P, Alk, Sučk, MdJurtk *ruc'ä*, Sel *r'uc'ä*, Temn *r'uc'ä* 'льняная куртка или верхняя сорочка женщин', (эрз. Mar) 'третья, самая верхняя рубашка невесты', (мокш.) 'платок', (эрз. VVr) 'платок, шаль', (мокш. P) 'головной платок', 'носовой платок' [Paasonen: 1903]; ср. эрз. *ruc'a* 'верхняя женская длинная распашная одежда из белой холщовой ткани, с вышивкой снизу и вдоль полов, а также на концах рукавов' [ЭРС: 560] (*Рус.* 2). Этимология эрз. *ruc'a*, *rut's'a* и мокш. *rut's'e* в настоящее время неизвестна.

В диалектах представлено множество сложных слов, составной частью которых выступает эрз. *ruc'a* и мокш. *ruc'ä* в значении 'платок':

³ Х. Паасонен связывает эрз. *orštams*, Mar, Atr, Ba, Večk, NSurk, SŠant, Jeg *orštams* ~ *orčams*, Is *oršams*, VVr *oršamsk*, Kažl *orčams*, Kal *orčams*, Nask *určams*, мокш. P, Čemb, Sel *ššams*, Gor *urštams*, Sučk, Prol, Ur *určams*, MdJurtk *uršams* 'одеть, надеть' [Paasonen: 1463];

эрз. (?) Mar *orčamo*, SŠant *oršamo, Kal *or'čat*, Petr *orčata*, мокш. P, Jožka, Kr *ščama*, Kul *určamat* (PL), Pš *š'č'am*, Čemb, Pimb, Sp *ščam* 'платье', 'одежда' [Paasonen: 1463], 'рубаха' [Белицер 1973: 51].

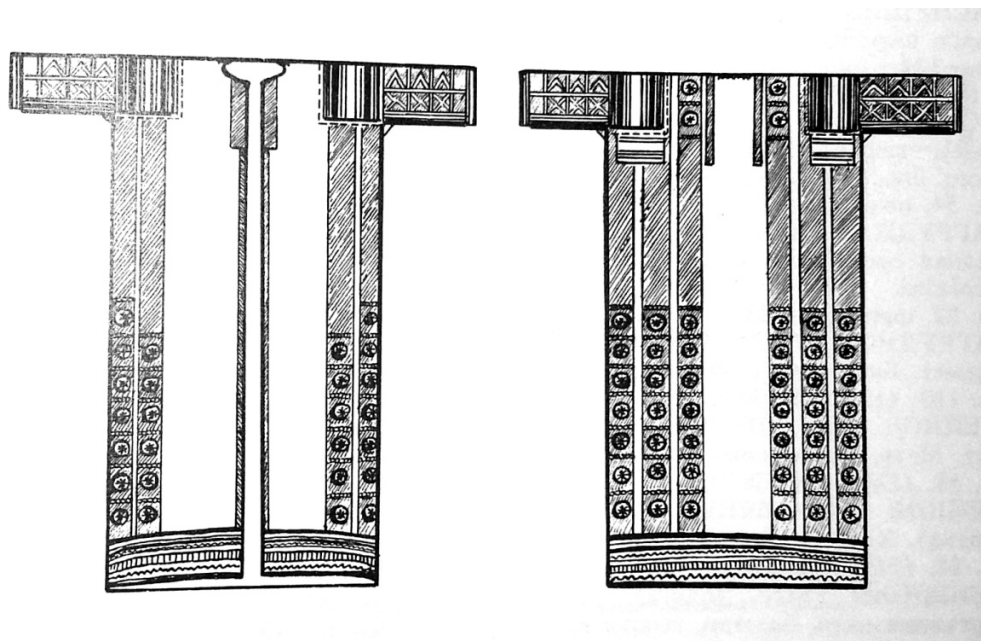

Рис. 2. Распашная одежда *rus'a* — элемент эрзянского костюма (начало XX в., Сосновоборский район Пензенской области) [Прокина, Сурина 1990: 322].

мокш. *P al'ä-rućä ~ al'är'cä ~ al'ärćä ~ al'ä-ryćä*, *Alk al'är'cä*, *Sel al'ä-rućä* 'старинный носовой платок' [Paasonen: 1904] < мокш. *al'ä* 'мужчина, отец, муж' [МРС: 34] + мокш. *rus'ä* 'платок';

эрз. *Mar, Ba, Vešk ejd'-ruća* 'пеленка, детская простынка' [Paasonen: 1904] < эрз. *ejd'e* 'ребенок, дитя' [ЭРС: 772] + эрз. *rus'a* 'платок';

мокш. *P, Bar, Šemb k'eskä-rućä*, *Kr k'äska-rućä*, *Alk k'eskä-räćä* 'поясничный платок (из разных лент)' [Paasonen: 729, 1904], 'салфетка, небольшой платок из домотканого холста, заправляемый женщинами под пояс на бедрах', 'вышитый платок из самотканого полотна, который повязывался к поясу невесты' [МРС: 252] < мокш. *P, Sel k'eskä*, *Kr k'äskä*, *Ur k'esk* 'середина тела, пах' [Paasonen: 729] + мокш. *rus'ä* 'платок';

мокш. *krğa rus'ä* 'шейный платок' [МРС: 290] < мокш. *P, Pš, Sel kārğa* 'шея' [Paasonen: 764] + мокш. *rus'ä* 'платок'.

Примеры:

(1) эрз. *Те парьсэнть, нама, коцт, руцят, панарт* [Абрамов 1971: 14].

'В этой кадушке, конечно, холст, **руци**, рубашки'.

(2) эрз. *Телас педи монь палям,*

Кумажас викинешь монь руцям [Евсеев 1990: 118].

'По телу моя рубашка,

До колен вышита моя **руця**'.

(3) эрз. *Кинь приказнэ тон саить*

Руцян, палям, парыям? [Евсеев 1990: 207].

'По чьему приказу ты взяла

Мои руци, рубашки, золотка моя?'

(4) мокш. *Акша руцяс сон, Иван патяй, монь ёнозень сотозе* [УПТМН 1981: 51].

'В белый **платок** он, дядя Иван, мой разум завернул'.

Эрз. *rus'a*, *rut's'a* и мокш. *rut's'e*, *rus'ä*, *r'usc'ä*, *r'usc'ä* относятся к национальной верхней распашной одежде из белого холста. Словом *rus'a* называлась одежда, используемая в особых торжественных случаях: ее надевали по праздникам для похода в церковь, на свадьбу и т. д. Одежда *rus'a* имела обрядовое значение: например, при приготовлении пищи для свадебного стола девушки были одеты в *руци* [Евсеев 1990: 104]. У молодых женщин *rus'a* была наряднее, чем у пожилых.

Rus'a изготавливалась из холста лучшего качества. По своему общему виду, расцветке и технике шитья вышивка распашной одежды близка вышивке рубахи *panar*: «та же плотная ковровая зашивка холста по преимуществу прямыми и косыми стежками, идущими в различных направлениях» [Белицер 1973: 80]. Плотная вышивка из красных шерстяных ниток украшала грудь, плечи, рукава и подол, проходила

продольными полосами по спине. На подол, кроме вышивки, нашивали широкую кайму из цветных лент, полосок кумача, бархата, позумента и блесток.

В диалектах мордовских языков прослеживается распространенная номинация верхней распашной одежды: эрз. Иванц. *pon'itka* 'старинная праздничная женская одежда (род пальто из тонкой шерсти, по талии в сборку, подкладка только до пояса)' [ЭРС: 499], мокш. диал. *pon'tka* 'верхняя одежда из само-тканого холста' [МРС: 514]. Вероятно, эти слова являются заимствованиями из рус. *понитка* 1) 'одежда из домотканой полушерстяной ткани или холста' (Влад., Арх., Моск., Перм., Свердл.); 2) 'летний пиджак с бортами ниже колен' (Мар. АССР); 3) 'женская кофта из домотканой полушерстяной ткани' (Великоуст. Волог.); 4) 'холщовая рубашка' (Курск.); 5) 'поношенная повседневная верхняя одежда' (Пек., Осташк. Твер.) [СРНГ, 29: 263].

В мордовских языках довольно распространено название верхней одежды: эрз. Теньг. *or* [ЭРС: 441], мокш. *v'el't'af or* 'тулуп, крытый сукном' [МРС: 108], Р *v'el't'af* 'покрытый' [Paasonen: 2607], Р, Ыемб, Уг *or* 'шуба' [МРС: 442; Paasonen: 1456]. Этимология эрз. и мокш. *or* в настоящее время неизвестна.

В этнографических исследованиях эрз. и мокш. *or* описывается как овчинный полушубок или на-гольная желтая шуба [Белицер 1964: 576]. При пошиве помимо овчинных могли использоваться также телячьи шкуры, богатые люди шили тулупы из мерлушек. Женская шуба отличалась от мужской наличием украшений; мужская шуба чаще шилась с отрезной талией и сборами. Полушубки носили обычно молодые парни. В фольклорных произведениях упоминаются также заячьи и лисьи тулупы.

Названия верхней одежды: эрз. Sšant *suman'*, Мар, Ва, Kal, Kažl, Večk *sumat'*, мокш. Р, Pš, Lemd *suman'* ~ *s'əman'*, Ыемб, Prol, Sučk *suman'* 'кафтан' [Paasonen: 2053] (ср. мокш. *suman'* 'зипун (старинная верхняя крестьянская одежда, кафтан без воротника, обычно из грубого толстого сукна)' [МРС: 260]), карат. *čikm'en* 'кафтан из черного или коричневого домотканого сукна' [Белицер 1973: 205] — можно отнести к тюркским заимствованиям. По данным [Цыганкин 1977: 94], эти слова были заимствованы из чув. *сăхман* 'кафтан'⁴ < ПТю **soq-* (> хак. диал. *сох-*, тат. *суқ-*, *суғ-*, башк. *хуқ-*) [ЭСТЯ 2003: 296; СИГТЯ 2000: 396].

Эрз., мокш. *suman'* обозначает верхнюю одежду из грубого суконного холста и имеет широкое употребление в фольклорных произведениях и художественной литературе:

- (5) эрз. *Суманензэ апак шочта, неявиця кувака панарозо а содави кодамо туюсонь* [Абрамов 1971: 121]. 'Зипун его не застегнут, виднеющаяся длинная рубашка — непонятно, какого цвета'.
- (6) эрз. *Суманензэ весе нулакс тусть* [Абрамов 1971: 144]. 'Зипун его превратился в тряпку'.
- (7) мокш. *Сумань полала, Иван патяй, сембе кирьдсамизь* [УПТМН 1981: 51]. 'Под полой зипуна, дядя Иван, все держат меня'.

Существовало множество видов теплой суконной одежды, схожей с одеждой контактирующих народов. Многочисленные заимствования соответствующих терминов в различные диалекты мордовских языков говорят о поздних заимствованиях элементов одежды в мордовские языки — в период после распада мордовской языковой общности. В этнографических исследованиях отмечается сходство заимствованных элементов одежды, но этимологический анализ указывает на то, что изначально данный вид одежды был заимствован мордвой у чувашей.

3. Поясная одежда

Номинация поясной одежды представлена словом эрз. Мар, Kal *ponks*, мокш. Alk *ponks*, эрз. Atr *ponst* (PL) 'штанина / штаны' [Paasonen: 1747], эрз., мокш. *ponkst* 'штаны' [ЭРС: 499; МРС: 514] (*Рус.* 3) < ПУ *ripV 'штаны' (> ПСС *rəпјə (или *rəпз) 'штаны; одежда': Т ненец. *паны* 1) 'одежда', 2) 'верхняя женская одежда (паница, ягушка)' [Терещенко 1965, 2008: 442]; Л ненец. *паны*, *панэй* 'одежда; верхняя женская одежда (ягушка, паница)' [Бармич, Вэлло 2002: 104], Лj. *pann'j*, S, Nj. *pannī* 'Frauenrock; Kleidungsstück, Anzug' <'женская одежда') [Lehtisalo 1956: 341]; энец. *фоно* 'женский комбинезон'; нган. *honi'ə* 'штаны' [Helinski 2007], *хони'ə* 'штаны' [Аникин, Хелимский 2007: 128]).

⁴ Данное слово является тюркским заимствованием и в русские диалекты на территории Республики Мордовия: рус. *сукман* 1) 'домотканое сукно'; 2) 'сарафан из этой ткани'; 3) 'юбка из домотканого сукна'; 4) 'верхняя женская теплая одежда типа пальто'; 5) 'жилет из домотканой шерсти'; 6) 'женское платье из шерсти'; 7) 'женская сорочка' [СРГ 2002: 167].

По данным [Paasonen: 1747], эрз. *Mar, Kal pojks*, мокш. *Alk pojks*, эрз. *Atr pojst* (PL) ‘штанина / штаны’, предположительно, происходит из **pontks < *pondâks*. Однако, по мнению [Цыганкин 1977: 80], «ранее слово состояло из двух частей *pon-* и *-ks*».

Следует отметить, что этимология эрз. *Mar, Kal pojks*, мокш. *Alk pojks*, эрз. *Atr pojst* (PL) ‘штанина / штаны’ уже становилась предметом исследований: «Финский ученый Утила это слово со знаком вопроса связывает со словом коми *под* ‘нога’, удм. *пыд* ‘нога’. Согласно традиции, это слово считается индоиранским заимствованием» [Цыганкин 1977: 80]. Однако эта гипотеза представляется неубедительной, поскольку она никак не объясняет наличие носового согласного в мордовском слове. Если, согласно традиции, в этом слове корень — *pon-*, то идеальным представляется сравнение с ПСС **pəniǰ* (или **pənz*) ‘штаны; одежда’ [Аникин, Хелимский 2007: 128] и реконструкция ПУ **punV* со значением ‘штаны’, поскольку его рефлексы имеют это значение как в эрзянском, так и в нганасанском языке. Эта реконструкция является весьма важной для истории культуры, т. к. наличие штанов у различных племен в V—IV тыс. до н. э.

считается важным показателем их уровня цивилизации; поскольку штаны изготавливались из органических материалов, естественно, что данные археологии по этому вопросу не могут быть информативными.

В [Аникин, Хелимский 2007: 128] не приводится сравнение ПСС форм с эрзянскими, но отмечается, что похожие слова есть в тунгусо-маньчжурских языках: ПТМ **pāni-* ‘наряжаться; наряд, нарядный’, ср. эвенк. неп. *hanисин*, эвен. *hānin* ‘наряд’ и др. [ССТМЯ, 2: 314; EDAL: 1078]. В [EDAL: 1078] приводится и дальнейшая этимология ПТМ слова — это сравнение с ПКор **pīñ-* ‘наряжать(ся); цвести’ и ПЯп **pīnā* ‘кукла (как украшение)’. В [Аникин, Хелимский 2007: 128] эта алтайская этимология не принимается (возможно, на основании разнорядных соответствий по вокализму), а предлагается считать, что направление заимствования ПСС **pəniǰ* (или **pənz*) ‘штаны; одежда’ ~ ПТМ **pāni-* ‘наряжаться; наряд, нарядный’ является неизвестным. В том случае, если при дальнейшем уточнении системы алтайского вокализма окажется, что это сравнение ненадежно, можно будет предполагать, что слово было заимствовано из прасеверносамодийского языка в пратунгусский, т. к. у прасеверносамодийского слова есть прауральская этимология. В случае, если алтайская этимология подтвердится, то, наверное, следует предполагать родство этих слов на ностратическом уровне.

Широко употребляются обозначения различных элементов одежды, образованные от эрз. *Mar, Kal pojks*, мокш. *Alk pojks*, эрз. *Atr pojst* (PL) ‘штанина / штаны’ [Paasonen: 1747], эрз., мокш. *ponkst* ‘штаны’ [ЭРС: 499; МРС: 514], например: эрз. *Mar, мокш. P alga pojkst* ‘кальсоны’ [Paasonen: 1747]; эрз., мокш. *P, Sučk langa pojkst* (PL) ‘верхние брюки’ [Paasonen: 1747]; мокш. *čerkst pojkst* ~ *čerkst pojkst* (PL) ‘штаны без вставки у детей’ [Paasonen: 1747]; эрз. *pojkst-panart* ‘кальсоны и рубашки (мужское белье)’ [ЭРС: 499], эрз., мокш. *pojkst-panar t* ‘одежда’ [Paasonen: 1522; МРС: 514].

(8) эрз. *Пурьгинепазось коцтонть саузе — понксокс ды панарокс суставтызе* [Масторава: 52]. ‘Бог грома холст взял — штаны и рубашки сшили для него’.

(9) эрз. *Степа каштом лангсо таго костясь кирякснемадо мейле начко понксонзо* [Абрамов 1971: 172]. ‘Степа на печке опять сушил после катания свои мокрые штаны’.

Наиболее архаичной формой *pojkst* считается покрой штанов с широким шагом. Подобный покрой мужских *ponkst* встречается у удмуртов [Белицер 1951: 91] и марийцев [Wichmann 1913], что может быть косвенным указанием на исконное происхождение данного элемента одежды. Женские *pojkst* чаще встречались у мокшанок, они состояли из двух штанин (*pojks p'il'ge*) с клиньями (*k'el'et*) и среднего полотнища (*potmaks*) [Белицер 1973: 63]. Отклонения от традиционного покроя были незначительными. В некоторых населенных пунктах на территории Пензенской области (Колдаис, Пиксанкино, Вязовка) и Татарской АССР (Урюм, Киртели) пожилые мокшанки во второй половине XX в. не помнили, чтобы когда-либо у них носили *pojkst* [Белицер 1973: 64].

Хотя эрз., мокш. *P štanat* ‘штаны, брюки’ < рус. *штаны* [Paasonen: 2245] удовлетворяет нашим критериям отбора, мы не привлекаем его к анализу, т. к. это слово является поздним заимствованием,

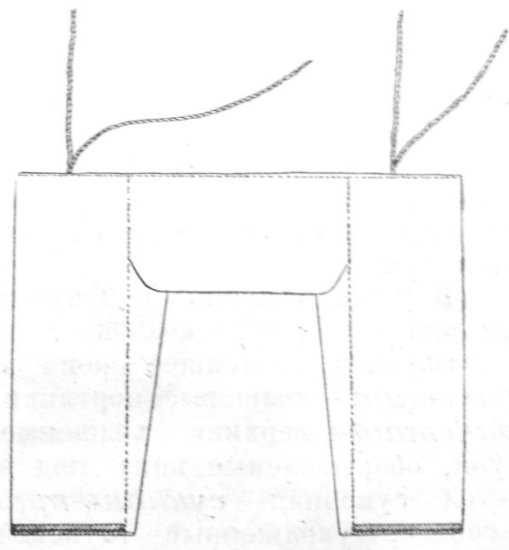

Рис. 3. Мокшанские штаны *pojkst* [Спрыгина 1929: 19].

имеющим сходное звучание во всех диалектах эрзянского и мокшанского языков. В русский язык оно было заимствовано из тюрк.: ср. др.-тюрк. *išton* < *ičton* ‘подштанники’; чаг. *ištan* ‘то же’; кыпч. *ičton* < *ič* ‘внутренний, исподний’ + *ton* ‘одежда, шуба’ [Фасмер 1987, 4: 477].

4. Ремень

В мордовских языках представлена следующая номинация ремня: эрз. *kšna* ~ *šna*, Mar, Atr, VVr, Ba, Večk, Bag, Kozl, NSurk *kšna*, Šokša *k'išna*, мокш. P, Sučk, Ur *šna*, Jurtk *šāna* ‘ремень’ [Paasonen: 909] < ФВ **šišna* ‘ремень из кожи’ [UEW: 786]: фин. *hihna*, диал. *hiihna* ‘ремень, завязка’; эст. *ihn* (GEN *ihna*), *ehn* (GEN *ehna*) ‘ремень, кожаный пояс’; мар. В (К) *šāštə*, U, B *šūštö* ‘ремень; выделанная кожа’ < балт. **šiksna*:- лит. *šikšnà* ‘мягкая, подготовленная для выделки ремня кожа, ремень’, *siksna*, *siksns* ‘ремень’.

В мордовских селах мокшанские *šnat* использовались в качестве ременных обор: например, в с. Лесное Ардашево Темниковского района Республики Мордовия ременные оборы имели ширину 1,5 см и железное кольцо на одном конце для застежки, они перекрещивались сверху ступни и обертывали рядом ногу до колена [Спрыгина 1929: 16—17]. Как отмечается в исследованиях, такие ременные оборы могли служить прототипом голенища сапога со сборами, широко распространенного впоследствии у мордвы.

Анализ семантики слова в других финно-угорских языках показывает соответствие значений, которое подтверждается археологическими данными: остатки ремней и металлические пряжки от ременных обор очень часто встречаются в женских мордовских погребениях VIII—XI вв.

5. Передник

Название передника эрз. Petr, Beg, Sl *zapon*, Večk *zapun*, мокш. P *sapon'ä*, Pš *sapon'*, Sel *zapon* ‘передник’ [Paasonen: 2679] < рус. *зapon* ‘передник, фартук’ (Кинеш. Костром., Брян., Дон., Куйбыш., Пенз., Нижегород., Яросл. и т. д.; широкая представленность по диалектам) [СРНГ, 10: 342]. Ср.: рус. *зáпон* ‘фартук, передник’, *зáпонка* ‘застежка на рукаве’; словен. *zapon*, *zapóna* (м. р.), *zapóna* (ж. р.) ‘пряжка, застежка’; *opóna* ‘занавес’, *пну*, *пять*, *запинать* [Фасмер, 2: 79]. Ср. также: мар. *sapon* ‘фартук’ (сборчатый, с грудью — у горных мари; вышитый, идущий только от пояса — у луговых) [Белицер 1928: 10].

В мордовских языках данное слово является устаревшим и в современных материалах не встречается. Здесь мы не можем исключать и сепаратные заимствования.

6. Платье

В мордовских языках представлена следующая номинация платья: эрз. Mar, Atr, Ba, NSurk, Nask *nula*, мокш. P, Šemb, Ur, MdJurk *nula* ‘тряпье, лохмотья (в платье)’, ‘пеленки’ [Paasonen: 1363—1364], мокш. *nula* (этн.) ‘женское платье из набивного ситца, сатина, шелка’ [MPC: 421—422] < рус. *нулы* (Мич, Ч) ‘старая, изношенная одежда’ [СРГ 1986: 128].

В [Цыганкин 1977: 66] предлагается считать мордовские формы рефлексамии ФУ **нул*:- мар. *нума-лаш*, удм. *нуллыны*, коми *новылыны* ‘носить (одежду)’ [Цыганкин 1977: 66], — однако тщательная проверка этого сопоставления показывает, что оно ненадежно. Авторы [UEW] считают, что марийская и пермские формы между собой не связаны [UEW: 710], что достаточно очевидно, поскольку при сопоставлении в [Цыганкин 1977: 66] не объясняется марийское инлаутное *-м*-. Сопоставление мордовских и пермских форм также не принято в [UEW]. Можно предположить, что это связано с не вполне надежным семантическим соответствием, т. к. в мордовских языках *nula* обозначает особый вид одежды и материала, а в пермских диалектах семантика практически не связана с одеждой вообще: коми литер. *novlini* ‘носить (одежду); переносить, перевозить’, к.-п. *novj-*, к.-з. вс. *nollini*, нв. *novl-*, лл. *noll-*, сыкт. *novl-*, удор. *novl-* ‘носить (одежду, обувь); таскать, перетаскивать’ [ССКЗД: 243], к.-яз. *noll-* ‘носить (одежду); переносить, перевозить’ [Лыткин 1961: 193]; удм. *nullini* ‘носить (одежду, обувь); перетаскивать, переносить’. Таким образом, основным значением этого глагола является не ‘носить одежду’, а ‘носить, таскать’, и как производное от него возникает ‘носить одежду’.

В этнографических исследованиях платье *nula* описывается как поздняя форма одежды, переходная от рубахи к современному платью. В конце XIX в. во многих мокшанских районах белую рубаху стали носить как нижнюю, т. к. поверх нее надевали специально сшитое платье (*nula*, *sarapan*, *kafton'-krda*) на кокетке, с длинными рукавами и высоко пришитой оборкой из красного или бордового сатина у молодых женщин, коричневого или синего — у более пожилых [Белицер 1964: 577].

7. Элементы и детали одежды

Мокш. *k'iv'i* (этно.) 'тесьма из цветных шерстяных ниток с люрексом на подоле платья' [MPC: 254], эрз. Mar, Atr, VVr, Večk *k'iv'e*, Ba, Kad *k'iv'ä*, мокш. P *k'iv'i*, Čemb, Sučk, Ur *k'iv'ä*, Jurtk *k'eŋ ~ k'ev'i* 'олово' [Paasonen: 788] (ср. мокш. Alk *oka-k'iv'i* 'золотистая лента в сороке'⁵) < ФУ *kiwe ~ -ŋ- 'олово, свинец': фин. *köysi* (GEN *köyden*) 'веревка, канат'; эст. *kõis* (GEN *kõie*); мар. В (К) *kəl*, U, B *kəl* 'ручка, рукоятка'; удм. S *kal* 'шнур, лента, бечевка; ручка'; к.-з. с. *kəl*, к.-п. *keŋ* 'бечевка, шнур, лента', вп. *köl* 'веревка, шнур'; хант. Ni *ketə* 'кожа; ремень', O *kol* 'веревка, ремень'; манс. Tj *koälə.w*, KU *kōlaj*, So *koāliŋ*, P *koaləŋ*, LM *kālaj* 'веревка, канат'.

Эрз. Mar, Atr, Gor, Večk, Is, Vez, Kozl *s'ep'e ~ žepe*, Ba *žepä* 'карман'; мокш. P *čepä ~ šepä*, Pš *čepä*, Gor, Vod *šepä*, Sučk *žepä*, Temn, Prol, MdJurtk *žep* 'карман' < тат. *жип* 'карман; кошель' [Paasonen: 2136].

Эрз. *c'ulka*, Mar, Hl, Večk *t's'ulka*, мокш. *t's'ulka*, P *c'ulka* 'чулок' [Paasonen: 191] < рус. *чулок*. Данное заимствование относится к т. н. ранним заимствованиям. Особенности русских заимствований раннего периода являются наращивание основы, оканчивающейся на [к], [р], [ц], конечным гласным звуком [а] и фонетическое освоение русского [ч] (см. [Шеянова 1999: 19]). В русский язык это слово было заимствовано из тюрк.: ср. чув. *tšälga, tšulga* 'чулок'; тат. *čolgau* 'портянка', *čolga* 'обматывать'; кыпч. *čulgau* 'обмотка, онуча'; каз. *šulgau* 'то же'; алт. *čulgu* 'то же'. Следует отвергнуть гипотезу об исконном славянском происхождении и родстве с *куль*, вопреки А. И. Соболевскому, или с пол. *cula* 'тряпка, портянка' [Фасмер, 4: 380—381].

Эрз. Mar, Ba, Kad *var'ga*, VVr *var'iga*, мокш. P, Sel, Katm *var'aga* 'варежка' [Paasonen: 2552] < рус. *варьга* (PL), *варьга* (SG) 1) 'варежки' (Борисоглеб. Тамб., Обоян. Курск., Петров. Саратов., Нижегород., Меленк. Влад., Твер., Мезен. Арх., Барнаул, Россосан. Ворон.); 2) 'шерстяные перчатки' (Белг. Курск.) [СРНГ, 4: 62]. М. Фасмер предполагает связь с рус. *варяг*, заимствованным из др.-сканд. *váringr, *væringr < *vár 'верность, порука, обет', считая, что первоначальным значением было 'варяжская рукавица' [Фасмер, 1: 274].

Выводы

Таким образом, для прамордовского уровня надежно восстанавливаются следующие номинации элементов национального костюма:

1) эрз. Mar, Atr, VVr, Večk, Jeg *pal'a*, Ba *pal'ä*, мокш. *pal'e*, мокш. P, Čemb, Sučk, MdJurtk *pal'ä* 'рубашка' [Paasonen: 1518] < ФУ **pal'a* 'праздничная, ценная одежда, рубашка';

2) эрз. Mar, Atr, VVr, Večk, Is, Jeg, Ba *pokaj* 'праздничная рубашка', Ič *pokaz'* 'женская рубашка', мокш. Sučk *pokaj* 'праздничная рубашка' [Paasonen: 1718] < ФУ *puke 'одежда';

3) мокш. P, Jožka, Kt *ščama*, Kul *určamat* (PL), Pš *š'č'am*, Čemb, Pimb, Sp *ščam* 'платье', 'одежда' [Paasonen: 1463] < ФУ *šame 'одежда';

4) эрз. Mar, Kal *poŋks*, мокш. Alk *poŋks*, эрз. Atr *poŋst* (PL) 'штанина / штаны' [Paasonen: 1747] < ПУ *pinV 'штаны';

5) эрз. *kšna ~ šna*, Mar, Atr, VVr, Ba, Večk, Bag, Kozl, NSurk *kšna*, Šokša *k'išna*; мокш. P, Sučk, Ur *šna*, Jurtk *šāna* 'ремень' [Paasonen: 909] < ФВ *šišna 'ремень из кожи' [UEW: 786];

6) мокш. *k'iv'i* (этно.) 'тесьма из цветных шерстяных ниток с люрексом на подоле платья' [MPC: 254], эрз. Mar, Atr, VVr, Večk *k'iv'e*, Ba, Kad *k'iv'ä*, мокш. P *k'iv'i*, Čemb, Sučk, Ur *k'iv'ä*, Jurtk *k'eŋ ~ k'ev'i* 'олово' [Paasonen: 788] < ФУ *kiwe ~ -ŋ- 'олово, свинец'.

В мордовских языках значительное количество элементов одежды и их названий заимствовано у соседних народов. Приведем здесь тюркские заимствования, которые прослеживаются в различных диалектах эрзянского и мокшанского языков:

1) эрз. SŠant *suman'*, Mar, Ba, Kal, Kažl, Večk *sumat'*, мокш. P, Pš, Lemd *suman' ~ s'əman'*, Čemb, Prol, Sučk *suman'* 'кафтан' [Paasonen: 2053] < чув. *сăхман* 'кафтан';

2) эрз. Mar, Atr, Gor, Večk, Is, Vez, Kozl *s'ep'e ~ žepe*, Ba *žepä* 'карман', мокш. P *čepä ~ šepä*, Pš *čepä*, Gor, Vod *šepä*, Sučk *žepä*, Temn, Prol, MdJurtk *žep* 'карман' < тат. *жип* 'карман; кошель' [Paasonen: 2136].

Русские заимствования в диалектах эрзянского и мокшанского языков:

1) эрз. Petr, Beg, Sl *zapon*, Večk *zapun*, мокш. P *sapon'ä*, Pš *sapon'*, Sel *zapon* 'передник' [Paasonen: 2679] < рус. *запон* 'передник, фартук' [СРНГ, 10: 342];

2) эрз. Mar, Atr, Ba, NSurk, Nask *nula*, мокш. P, Čemb, Ur, MdJurtk *nula* 'тряпье, лохмотья (в платье)', 'пеленки' [Paasonen: 1363—1364] < рус. *нулы* (Мич, Ч) 'старая, изношенная одежда' [СРГ 1986: 128];

⁵ Сорока — головной убор замужней женщины, сшитый из холста.

3) эрз. *c'ulka*, Мор, Нл, Веѣк *t's'ulka*, мокш. *t's'ulka*, Р *c'ulka* 'чулок' [Paasonen: 191] < рус. **чулок**;

4) эрз. Мор, Ва, Kad *var'ga*, VVr *var'iga*, мокш. Р, Sel, Katm *var'aga* 'варежка' [Paasonen: 2552] < рус. **варьги** (PL), **варьга** (SG) 'варежки', 'шерстяные перчатки' [СРНГ, 4: 62].

Довольно много мордовских слов, обозначающих одежду, осталось без этимологий: эрз., мокш. *panar* 'рубаха'; эрз. *ruc'a*, *rut's'a*, *ruc'a*, мокш. *rut's'ε*, *ruc'ä*, *r'uc'ä*, *r'uc'ä* 'льняная куртка или верхняя сорочка женщин'; эрз. *or*, мокш. *v'el't'af or* 'тулуп, крытый сукном'.

Интересным представляется наличие двух рубах на прамордовском уровне: *panar* и *pal'a*. Хотя слово *panar* на данный момент не имеет этимологии, его широкое распространение во всех диалектах мордовских языков и особый покррой эрзянской рубахи дают основание реконструировать его и на прамордовском уровне. Рубахи *šcam* и *pokaj* представлены не во всех диалектах мордовских языков, хотя имеют финно-угорскую этимологию. Еще одной особенностью прамордовского костюмного комплекса является наличие распашной одежды (эрз. *ruc'a*, мокш. *rut's'ε*), не имеющей аналогов у других финно-угорских народов. Следует также отметить наличие номинации штанов *poŋks*, реконструируемой для прауральского уровня.

Прамордовский комплекс отличался разнообразием рубах, способ ношения которых сохранялся до середины XX в.: костюм женщины был сложным и многосоставным (одновременно могло надеваться шесть и более рубах), обряд одевания мог длиться несколько часов, при этом в нем участвовало несколько человек, т. к. самостоятельно женщина не могла одеться. Мордовский национальный костюм продолжал развиваться и совершенствоваться в дальнейшем. Появляется значительный массив собственных производных, используемых для номинации новых элементов одежды и украшений, а также элементов вышивки. Заимствуются и адаптируются **новые элементы**: например, номинации безрукавок и жилеток имеют русские и тюркские этимологии. Данный элемент костюмного комплекса заимствовался мордвой у соседних народов, что подтверждают этнографические данные, свидетельствующие о наличии подобных предметов одежды у татар и русских [Воробьев 1953: 246—247; Мухамедова 1959: 225]. Заимствование юбки как элемента одежды произошло в относительно раннее время, т. к. заимствованная из русского номинация юбки обозначает в мордовских языках верхнюю теплую распашную одежду.

Сокращения

Языки и диалекты

алт. — алтайский

англ. — английский

балт. — балтийские

башк. — башкирский

венг. — венгерский

др.-сканд. — древнескандинавский

др.-тюрк. — древнетюркский

каз. — казахский

коми

к.-з. — коми-зырянский

вс. — верхнесысольский диалект

лл. — лузско-летский диалект

нв. — нижевычегодский диалект

с. — сысольский диалект

сыкт. — сыктывкарский диалект

уд. — удорский диалект

к.-п. — коми-пермяцкий

вп. — восточно-пермяцкий диалект

к.-яз. — коми-язьвинский

кыпч. — кыпчакские

лит. — литовский

манс. — мансийский

KU — нижнекондинский диалект

LM — среднелозьвинский диалект

P — пельмский диалект

So — сосьвинский диалект

- TJ — говор д. Янычкова Тавдинского района Свердловской области (тавдинский диалект)
- мар. — марийский
- В — горномарийский
- К — козьмодемьянский диалект
- U — уржумский диалект
- морд. — мордовские
- карат. — говор мордвы-каратаев, говор д. Мордовский Каратай Камско-Устьинского района Республики Татарстан
- мокш. — мокшанский
- Alk — говор с. Алькино Ковылкинского района Республики Мордовия
- Bar — говор д. Барашево Атюрьевского района Республики Мордовия
- Ėemb — говоры Белинского района Пензенской области
- Gog — говоры Городищенского и Сосновоборского районов Пензенской области
- Jožka — говор с. Ежовка Ковылкинского района Республики Мордовия
- Jurtk — говор с. Базарно-Мордовский Юрткуль Старомайнского района Ульяновской области
- Katm — говор с. Нижний Катмис Сосновоборского района Пензенской области
- Kr — говоры Краснослободского, Ельниковского и Ковылкинского районов (частично) Республики Мордовия
- Kul — говор с. Куликовка Рузаевского района Республики Мордовия
- Lemd — говор с. Лемдяй Старошайговского района Республики Мордовия
- MdJurtk — говор д. Подлесно-Мордовский Юрткуль Старомайнского района Ульяновской области
- P — говоры Пензенской области и Республики Мордовия (без западных районов)
- Pimb — говор с. Мордовский Пимбур Zubovo-Полянского района Республики Мордовия
- Prol — говор переименованного населенного пункта Пролейка Кошкинского района Самарской области
- Pš — говор с. Старое Пшенево Ковылкинского района Республики Мордовия
- Sel — говор с. Покровские Селищи Zubovo-Полянского района Республики Мордовия
- Sr — говоры Беднодемьяновского района Пензенской области, Zubovo-Полянского, Атюрьевского, Темниковского и Торбеевского районов Республики Мордовия
- Sučk — говор п. Колдаис Шемышейского района Пензенской области
- Temn — говоры Атюрьевского и Темниковского районов Республики Мордовия
- Ur — говор с. Урюм Тетюшского района Республики Татарстан
- Vod — говор с. Водолей Сосновоборского района Пензенской области
- Сарат. — говор саратовской мордвы
- эрз. — эрзянский
- Иванц. — говор с. Иванцево Лукояновского района Нижегородской области
- Теньг. — говор с. Теньгушево Теньгушевского района Республики Мордовия
- Atr — говор п. Атрать Алатырского района Чувашской Республики
- Va — говор с. Баевка Николаевского района Ульяновской области
- Vag — говор с. Багана Шенталинского района Самарской области
- Veg — говор с. Бегуч Камешкирского района Пензенской области
- Vug — говоры Бугульминского района Республики Татарстан и Бугурусланского района Оренбургской области
- Gog — говоры Городищенского и Сосновоборского районов Пензенской области
- Hl — говор с. Отрадное Чамзинского района Республики Мордовия
- Ič — говор с. Ичалки Ичалковского района Республики Мордовия
- Is — говор с. Исаклы Исаклинского района Самарской области
- Jeg — говор с. Новоегорьевка Абдулинского района Оренбургской области
- Kad — говор пгт. Кадом Кадомского района Рязанской области
- Kal — говор д. Коляево Теньгушевского района Республики Мордовия
- Kažl — говор с. Кажлодка Торбеевского района Республики Мордовия
- Kozl — говор с. Нижняя Козловка Сергиевского района Самарской области или с. Козловка Бугульминского района Республики Татарстан
- Mar — говор с. Большое Маресево и с. Малое Маресево Чамзинского района Республики Мордовия
- Nask — говор с. Наскафтым Шемышейского района Пензенской области
- NSurk — говор с. Новое Суркино Альметьевского района Республики Татарстан
- Petr — говоры Петровского района Саратовской области
- Sl — говор с. Славкино Николаевского района Ульяновской области
- SŠant — говор с. Степная Шентала Кошкинского района Самарской области

- Šokša — говор с. Шокша Теньгушевского района Республики Мордовия
 Večk — говор с. Старое Вечканово и д. Новое Вечканово Иса克林ского района Самарской области
 Vez — говор с. Вязовка Лениногорского района Республики Татарстан, с. Вязовка Елховского района и д. Вязовка Шенталинского района Самарской области
 VVr — говор с. Великий Враг Шатковского района Нижегородской области
- нган. — нганасанский
 нем. — немецкий
 ненец. — ненецкий
 Л — лесной ненецкий
 Lj. — ляминский диалект
 S — сахалинский говор (по р. Сахалинская)
 Nj. — нялинский диалект
 Т — тундровый ненецкий
- норв. — норвежский
 ПКор — пракорейский
 пол. — польский
 ПСС — прасеверносамодийский
 ПТМ — пратунгусо-маньчжурский
 ПТю — пратюркский
 ПУ — прауральский
 ПХант — прахантыйский
 ПЯп — праяпонский
- рус. — русский
- Арх. — архангельские говоры
 Мезен. — мезенские говоры
 Брян. — брянские говоры
 Влад. — владимирские говоры
 Меленк. — меленковские говоры
 Волог. — вологодские говоры
 Великоуст. — великоустюжские говоры
 Ворон. — воронежские говоры
 Россошан. — росошанские говоры
 Дон. — донские говоры
 Костром. — костромские говоры
 Кинеш. — кинешминские говоры
 Куйбыш. — куйбышевские (ныне — самарские) говоры
 Курск. — курские говоры
 Белг. — белгородские говоры (на территории бывшей Курской области, ныне — Белгородской области)
 Обоян. — обоянские говоры
 Мар. — говоры Марийской АССР
 Мич, Ч — говор с. Мичурино Чамзинского района Республики Мордовия
 Моск. — московские говоры
 Нижегород. — нижегородские говоры
 Пенз. — пензенские говоры
 Перм. — пермские говоры
 Пск. — псковские говоры
 Саратов. — саратовские говоры
 Петров. — петровские говоры
 Свердл. — свердловские говоры
 Тамб. — тамбовские говоры
 Борисоглеб. — борисоглебские говоры (на территории бывшей Тамбовской провинции и Тамбовского наместничества, ныне — Воронежской области)
 Твер. — тверские говоры
 Осташк. — осташковские говоры
 Ярослав. — ярославские говоры
- саам. — саамские
 In — инари-саамский

Kld — кильдинский саамский
 Ko — колтта-саамский
 T — терско-саамский (йоканьгско-саамский)
 словен. — словенский
 тат. — татарский
 тюрк. — тюркские
 удм. — удмуртский
 S — сарапульский диалект
 ФВ — прафинно-волжский
 фин. — финский
 ФУ — прафинно-угорский
 хак. — хакасский
 хант. — хантыйский
 DN — верхнедемьянский говор
 DT — нижнедемьянский говор
 Fil — говор юрт Филинских на р. Иртыш
 J — юганский говор
 Kaz — казымский диалект
 KoP — говор юрт Каменских на р. Конда
 Kг — говор юрт Красноярских на р. Конда
 Mj — малоюганский говор
 Ni — низямский диалект
 O — обдорский диалект
 Sy — сынский диалект
 Š — шеркальский диалект
 Tгj — тромъеганский говор
 V — ваховский диалект
 чаг. — чагатайский
 чув. — чувашский
 эвен. — эвенский
 эвенк. — эвенкийский
 неп. — непский говор
 энец. — энецкий
 эст. — эстонский
 якут. — якутский

Общие

диал. — диалект, диалектный	PL — множественное число
ж. р. — женский род	SG — единственное число
литер. — литературный	V — любой гласный
м. р. — мужской род	1 — первое лицо
этно. — этнический	2 — второе лицо
GEN — родительный падеж	3 — третье лицо

Литература

- Абрамов 1971 — *Абрамов К. Г.* Эрзянь цёра. Саранск, 1971. {*Abramov K. G. Erz'an' ts'ora.* Saransk, 1971.}
- Алихова 1958 — *Алихова А. Е.* Некоторые хронологические и племенные отличия в культуре мордвы конца I и начала II тысячелетия н. э. // Советская археология. 1958, 2. С. 66—77. {*Alihova A. E. Nekotorye hronologicheskie i plemennye otlichija v kul'ture mordvy kontsa I i nachala II tys'acheletija n. e.* // *Sovetskaja arheologija.* 1958, 2. P. 66—77.}
- Алихова 1969 — *Алихова А. Е.* Материальная культура среднеэнецкой мордвы VIII—XI вв. (По материалам раскопок П. П. Иванова за 1927—1928 гг.). (= Археологический сборник. Т. 3.) Саранск, 1969. {*Alihova A. E. Material'naja kul'tura srednetsninskoj mordvy VIII—XI vv.* (Po materialam raskopok P. P. Ivanova za 1927—1928 gg.). (= *Arheologicheskij sbornik. Vol. 3.*) Saransk, 1969.}
- Аникин, Хелимский 2007 — *Аникин А. Е., Хелимский Е. А.* Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи. М., 2007. {*Anikin A. E., Helimskij E. A. Samodijsko-tunguso-man'chzhurskie leksicheskie sv'azi.* M., 2007.}

Бармич, Вэлло 2002 — *Бармич М. Я., Вэлло И. А.* Словарь ненецко-русский и русско-ненецкий (лесной диалект): Около 6500 слов. Пособие для учащихся начальной школы. 2-е изд. СПб., 2002. {*Barmich M. Ja., Vello I. A. Slovar' nenetsko-russkij i russko-nenetskij (lesnoj dialekt): Okolo 6500 slov. Posobie dl'a uchashchihs'a nachal'noj shkoly. 2-e izd. SPb., 2002.*}

Белицер 1928 — *Белицер В. Н.* Мари (применительно к коллекциям Ц. М. Н.⁶). М., 1928. {*Belitser V. N. Mari (primenitel'no k kolleksijam Ts. M. N.). M., 1928.*}

Белицер 1951 — *Белицер В. Н.* Народная одежда удмуртов. М., 1951. {*Belitser V. N. Narodnaja odezhda udmurtovo. M., 1951.*}

Белицер 1964 — *Белицер В. Н.* Мордва // Народы Европейской части СССР. Т. 2. М., 1964. С. 548—598. {*Belitser V. N. Mordva // Narody Evropejskoj chasti SSSR. Vol. 2. M., 1964. P. 548—598.*}

Белицер 1973 — *Белицер В. Н.* Народная одежда мордвы: Труды Мордовской этнографической экспедиции. Вып. 3. М., 1973. {*Belitser V. N. Narodnaja odezhda mordvy: Trudy Mordovskoj etnograficheskoj ekspeditsii. Vol. 3. M., 1973.*}

Георги 1776 — *Георги И. Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов. СПб., 1776. {*Georgi I. G. Opisanie vseh v Rossijskom gosudarstve obitajushchih narodov. SPb., 1776.*}

Евсевьев 1925 — *Евсевьев М. Е.* Мордва Татареспублики // Материалы по изучению Татарстана. Вып. 2. Казань, 1925. С. 179—196. {*Evsev'ev M. E. Mordva Tatrespubliki // Materialy po izucheniju Tatarstana. Vol. 2. Kazan', 1925. P. 179—196.*}

Евсевьев 1990 — *Евсевьев М. Е.* Мордовская свадьба. Саранск, 1990. {*Evsev'ev M. E. Mordovskaja svad'ba. Saransk, 1990.*}

Ермушкин 1984 — *Ермушкин Г. И.* Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (эрзя-мордовский язык). М., 1984. {*Ermushkin G. I. Areal'nye issledovanija po vostochnym finno-ugorskim jazykam (erz'a-mordovskij jazyk). M., 1984.*}

Иванов 1952 — *Иванов П. П.* Материалы по истории мордвы VIII—XI вв.: Дневник археологических раскопок П. П. Иванова / Ред. и вступ. ст. *Смирнова А. П.* Моршанск, 1952. {*Ivanov P. P. Materialy po istorii mordvy VIII—XI vv.: Dnevnik arheologicheskikh raskopok P. P. Ivanova / Red. i vstup. st. Smirnova A. P. Morshansk, 1952.*}

Крюкова 1958 — *Крюкова Т. А.* Женская рубашка *покай* и ее связь с праздником *пивань кудо* у мордвы // Записки НИИЯЛИЭ при Совете Министров МАССР, №19. Саранск, 1958. С. 218—230. {*Kr'ukova T. A. Zhenskaja rubaha pokaj i ee sv'az' s prazdnikom pivan' kudo u mordvy // Zapiski NIJALIE pri Sovete Ministrov MASSR, №19. Saransk, 1958. P. 218—230.*}

Лепехин 1821 — *Лепехин И. И.* Записки путешествия академика Лепехина. (= Полное собрание ученых путешествий по России. Т. III.) СПб., 1821. {*Lepchin I. I. Zapiski puteshestvija akademika Lepehina. (= Polnoe sobranie uchenyh' puteshestvij po Rossii. Vol. III.) SPb., 1821.*}

Лыткин 1961 — *Лыткин В. И.* Коми-язвинский диалект. М., 1961. {*Lytkin V. I. Komi-jaz'vinskij dialekt. M., 1961.*}

Маркелов 1922 — *Маркелов М. Т.* Саратовская мордва (этнографические материалы). (= Саратовский этнографический сборник. Вып. 1.) Саратов, 1922. {*Markelov M. T. Saratovskaja mordva (etnograficheskie materialy). (= Saratovskij etnograficheskij sbornik. Vol. 1.) Saratov, 1922.*}

Масторава 1994 — *Шаронов А. М.* Масторава. Саранск, 1994. {*Sharonov A. M. Mastorava. Saransk, 1994.*}

Мезин 1994 — *Мезин П. М.* Материальная культура Мордвы — эрзи и мокши (пища, утварь, одежда): Эволюция с конца XIX по 80-е гг. XX в. Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. М., 1994. {*Mezin P. M. Material'naja kul'tura Mordvy — erzi i mokshi (pishcha, utvar', odezhda): Evol'utsija s kontsa XIX po 80-e gg. XX v. Avtoref. diss. ... kand. istor. nauk. M., 1994.*}

Молотова 1992 — *Молотова Т. Л.* Марийский народный костюм. Йошкар-Ола, 1992. {*Molotova T. L. Marijskij narodnyj kost'um. Joshkar-Ola, 1992.*}

Мордва 2004 — Мордва: Очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа / Гл. ред. *Макаркин Н. П., Лузгин А. С., Мокшин Н. Ф.* и др. Саранск, 2004. {*Mordva: Ocherki po istorii, etnografii i kul'ture mordovskogo naroda / Ed. Makarkin N. P., Luzgin A. S., Mokshin N. F. et al. Saransk, 2004.*}

МРС — Мокшанско-русский словарь / Под ред. *Серебренникова Б. А., Феоктистова А. П., Полякова О. Е.* М., 1998. {*Mokshansko-russkij slovar' / Ed. Serebrennikov B. A., Feoktistov A. P., Pol'akov O. E. M., 1998.*}

Паллас 1809 — *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российской Империи. Ч. I. СПб., 1809. {*Pallas P. S. Puteshestvie po raznym provintsijam Rossijskoj Imperii. Part I. SPb., 1809.*}

Петербургский 1978 — *Петербургский И. М.* Хозяйство мордвы в I — начале II тысячелетия н. э. Дисс. ... канд. истор. наук. Саранск, 1978. {*Peterburgskij I. M. Hoz'ajstvo mordvy v I — nachale II tys'acheletija n. e. Diss. ... kand. istor. nauk. Saransk, 1978.*}

Прокина 2007 — *Прокина Т. П.* Мордовский народный костюм. Саранск, 2007. {*Prokina T. P. Mordovskij narodnyj kost'um. Saransk, 2007.*}

⁶ Ц. М. Н. — Государственный Центральный Музей Народоведения.

- Прокина, Сурина 1990 — Прокина Т. П., Сурина М. И. Мордовский народный костюм. Саранск, 1990. {Prokina T. P., Surina M. I. Mordovskij narodnyj kost'um. Saransk, 1990.}
- Смирнов 1895 — Смирнов И. Н. Мордва: Историко-этнографический очерк. Казань, 1895. {Smirnov I. N. Mordva: Istoriko-etnograficeskij ocherk". Kazan', 1895.}
- Спрыгина 1929 — Спрыгина Н. И. Одежда мордвы-мокши Краснослободского и Беднодемьяновского уездов Пензенской губернии. Пенза, 1929. {Sprygina N. I. Odezhda mordvy-mokshi Kraslobodskogo i Bednodem'janovskogo uezdov Penzenskoj gubernii. Penza, 1929.}
- СРГ 1986 — Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР. М—Н / Под ред. Михалевой Т. В. Саранск, 1986. {Slovar' russkikh govorov na territorii Mordovskoj ASSR. M—N / Ed. Mihaleva T. V. Saransk, 1986.}
- СРГ 2002 — Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. С / Под ред. Семенковой Р. В. Саранск, 2002. {Slovar' russkikh govorov na territorii Respubliki Mordovija. S / Ed. Semenkova R. V. Saransk, 2002.}
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1—45. Л.—СПб., 1965—2012. {Slovar' russkikh narodnyh govorov. Vol. 1—45. L.—SPb., 1965—2012.}
- ССКЗД — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Сост. Жулина Т. И., Сахарова М. А., Сорвачева В. А. Сыктывкар, 1961. {Srvnitel'nyj slovar' komi-zur'anskih dialektov / Sost. Zhilina T. I., Saharova M. A., Sorvachova V. A. Syktyvkar, 1961.}
- ССТМЯ — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. 1—2 / Отв. ред. Цинциус В. И. Л., 1975—1977. {Srvnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskikh jazykov. Vol. 1—2 / Ed. Tsintsius V. I. L., 1975—1977.}
- Терещенко 1965 — Терещенко Н. М. Ненецко-русский словарь. М., 1965. {Tereshchenko N. M. Nenetsko-russkij slovar'. M., 1965.}
- Терещенко 2008 — Терещенко Н. М. Ненецко-русский словарь. СПб., 2008. {Tereshchenko N. M. Nenetsko-russkij slovar'. SPb., 2008.}
- УПТМН 1981 — Устно-поэтическое творчество мордовского народа: В 10-ти томах. Т. 7. Ч. 3. Календарно-обрядовые песни и заговоры / Под ред. Кирдана Б. П. Саранск, 1981. {Ustno-poeticheskoe tvorchestvo mordovskogo naroda: In 10 volumes. Vol. 7. Part 3. Kalendarno-obr'adovye pesni i zagovory / Ed. Kirdan B. P. Saransk, 1981.}
- Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1—4. М., 1986—1987. {Vasmer M. Etimologiceskij slovar' russkogo jazyka. Vol. 1—4. M., 1986—1987.}
- Феоктистов 1990 — Феоктистов А. П. Диалекты мордовских языков // Mordwinisches Wörterbuch. Bd. I. Helsinki, 1990. S. LX—LXXXVI. {Feoktistov A. P. Dialekty mordovskikh jazykov // Mordwinisches Wörterbuch. Bd. I. Helsinki, 1990. S. LX—LXXXVI.}
- Циркин 1987 — Циркин А. В. Материальная культура и быт народов Среднего Поволжья в I тыс. н. э. Красноярск, 1987. {Tsirkin A. V. Material'naja kul'tura i byt narodov Srednego Povolzh'ja v I tys. n. e. Krasnojarsk, 1987.}
- Цыганкин 1977 — Цыганкин Д. В., Мосин М. В. Эрзянь келень нурькине этимологической словарь. Саранск, 1977. {Tsygankin D. V., Mosin M. V. Erz'an' kelen' nur'kine etimologiceskoj slovar'. Saransk, 1977.}
- Цыганкин 1979 — Цыганкин Д. В. Фонетика эрзянских диалектов. Саранск, 1979. {Tsygankin D. V. Fonetika erz'anskih dialektov. Saransk, 1979.}
- Цыганов 1959 — Цыганов Н. Ф. К вопросу классификации диалектов эрзя-мордовского языка // Совещание по вопросам исторической грамматики и исторической диалектологии финно-угорских языков. Тезисы докладов. М., 1959. С. 70—73. {Tsyganov N. F. K voprosu klassifikatsii dialektov erz'a-mordovskogo jazyka // Soveshchanie po voprosam istoricheskoj dialektologii finno-ugorskih jazykov. Tezisy dokladov. M., 1959. P. 70—73.}
- Черапкин 1930 — Черапкин И. Г. Диалекты мордвы-мокши б. Пензенской губернии // Ученые записки Саратовского госуниверситета. Т. 8. Вып. 3. Саратов, 1930. С. 19—31. {Cherapkin I. G. Dialekty mordvy-mokshi b. Penzenskoj gubernii // Uchenye zapiski Saratovskogo gosuniversiteta. Vol. 8. Is. 3. Saratov, 1930. P. 19—31.}
- Шеянова 1989 — Шеянова Т. М. Формирование лексики мордовских языков. Саранск, 1989. {Shejanova T. M. Formirovanie leksiki mordovskikh jazykov. Saransk, 1989.}
- Шеянова 1999 — Шеянова Т. М. Русские заимствования в мордовских языках. Саранск, 1999. {Shejanova T. M. Russkie zaimstvovanija v mordovskikh jazykah. Saransk, 1999.}
- Шигурова 2010 — Шигурова Т. А. Свадебная одежда мордвы. Саранск, 2010. {Shigurova T. A. Svadebnaja odezhda mordvy. Saransk, 2010.}
- Шигурова 2012 — Шигурова Т. А. Семантика картины мира в традиционном костюме мордвы. Саранск, 2012. {Shigurova T. A. Semantika kartiny mira v traditsionnom kost'ume mordvy. Saransk, 2012.}
- ЭРС — Эрзянско-русский словарь / Под ред. Серебrenникова Б. А., Бузаковой Р. Н., Мосина М. В. М., 1993. {Erz'ansko-russkij slovar' / Eds. Serebrennikov B. A., Buzakova R. N., Mosin M. V. M., 1993.}
- ЭСТЯ 2003 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С» / Авт. сл. ст. Левитская Л. С., Благова Г. Ф., Дыбо А. В., Насилов Д. М., Поцелуевский Е. А. М., 2003. {Etimologiceskij slovar' t'urkskikh jazykov: Obshchet'urkskie i mezht'urkskie osnovy na bukvy "L", "M", "N", "P", "S" / Avt. sl. st. Levitskaja L. S., Blagova G. F., Dybo A. V., Nasilov D. M., Potseluevskij E. A. M., 2003.}

- DEWOS — *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin, 1966—1993.
- EDAL — *Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A.* Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Vol. 1—3. Leiden, 2003.
- Heikel 1899 — *Heikel A. O.* Trachten und Muster der Mordvinen. Helsingfors, 1899.
- Helinski 2001 — *Helinski E.* Ablaut als Umlaut im Ostjakischen: Prinzipien und Grundzüge der lautgeschichtlichen Betrachtung // Fremd und Eigen: Untersuchungen zu Grammatik und Wortschatz des Uralischen und Indogermanischen. In memoriam Harmut Katz. Wien, 2001. S. 55—76.
- Helinski 2007 — *Helinski E.* Нганасанские словарные материалы // www.uni-hamburg.de, 2007. {*Helinski E.* Nganasanskije slovarnye materialy // www.uni-hamburg.de, 2007.}
- Lehtisalo 1956 — *Lehtisalo T.* Juraksamojedisches Wörterbuch. Helsinki, 1956.
- Paasonen — *Paasonen H.* Mordwinisches Wörterbuch. Bd. I—IV. Helsinki, 1990—1996.
- SSA — *Itkonen E., Kulonen U.-M.* Suomen sanojen alkuperä: Etymologinen sanakirja. I—III. Helsinki, 1992—2000.
- UEW — *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I—III. Budapest, 1986—1991.
- Wichmann 1913 — *Wichmann I.* Beiträge zur Ethnographie der Tscheremissen. T. VI. Helsinki, 1913.

РЕЗЮМЕ

Настоящая статья посвящена прамордовской реконструкции названий одежды. Для прамордовского уровня надежно восстанавливаются несколько названий рубах, распашной одежды, номинация штанов, реконструируемая до прауральского уровня, и др. Мордовский национальный костюм продолжал развиваться и совершенствоваться в дальнейшем. Появился значительный массив собственных производных, используемых для номинации новых элементов одежды и украшений, а также элементов вышивки; были заимствованы и адаптированы новые элементы.

SUMMARY

The article is devoted to the reconstruction of the Proto-Mordvin names of clothing, some of them are surely reconstructed to Proto-Mordvin. The national Mordvin costume continues its development and improvement nowadays. There are a large number of the Turkic and Russian borrowings in the Erzya and Moksha languages.

Ключевые слова: мордовские языки, эрзянский язык, мокшанский язык, этимология

Keywords: the Mordvin languages, Erzya, Moksha, etymology

Системообразующие значения поля прошедшего времени в тувинском языке¹

Система индикатива в современных тюркских языках состоит из большого количества временных форм. Прошедшее время по количеству форм богаче остальных временных планов, но в некоторых языках активно функционирует всего одна форма прошедшего времени (например, в чулымском [Бирюкович 1981: 62]). По сравнению с прошедшим, временные планы настоящего и будущего времени обычно представлены одной или двумя, реже тремя формами.

Форма на *-di* является единственной изначально финитной в составе временных форм во всех тюркских языках. Исследователи указывают, что форма прошедшего времени на *-di* в древних тюркских языках была формой перфекта [Tekin 1968: 188; Насилов 1963: 72]. Впоследствии перфектное значение данной формы было утрачено, а значение перфекта стало передаваться формами на *-miş* и *-yan*. Форма на *-di* сохранилась в большинстве современных тюркских языков, в которых она выражает значение прошедшего очевидного или недавнопрошедшего времени.

Форма на *-miş* в древнеуйгурском языке «служила для передачи событий и фактов, являющихся внешними для излагающего их лица, в историческо-повествовательном аспекте» [Насилов 1963: 72]. Форма на *-мыш* сохранилась в якутском и огузских языках, за исключением туркменского. В большинстве тюркских языков кыпчакской и карлукско-уйгурской групп, а также в тюркских языках Сибири (за исключением якутского) функции перфекта и неопределенного прошедшего времени выполняет форма на *-ган*, в основе которой лежит причастие прошедшего (прошедшего-настоящего) времени. Также в древнеуйгурском языке форма на *-ган* выступала как глагольное имя, которое в своей семантической сущности было нейтральным в отношении значения времени (временное значение обуславливалось контекстом) [Насилов 1974: 64], поэтому форма на *-ган* «втянулась» в систему времени позже.

Формы на *-мыш* и *-ган* считаются ареально распределенными [СИГТЯ 1988: 420], но это распределение не абсолютно, т. к. в языках огузской группы обнаруживаются следы формы на *-ган* (форма на *-ан*), а в языках кыпчакской и карлукско-уйгурской групп в виде обособившегося морфологического образования выступает причастие на *-мыш*. Есть случаи, когда в одном и том же языке обе формы используются с разными, но близкими значениями: в тувинском и тофаларском языках в сфере времени функционируют и формы на *-ган*, и формы на *-бышаан* (тув.) / *-бышаанга* (тоф.), в которых обнаруживается формант *-мыш* (*-мыш* // *-быш*).

Это обстоятельство позволяет предположить, что в процессе развития тюркских языков происходила неравномерная активизация этих форм: в одних — формы на *-мыш*, в других — формы на *-ган*. Активизация функций и значений одной формы не приводила к исключению другой из употребления, а вытесняла ее на периферию временной системы.

Огузские элементы в тувинском языке являются следами древних языков огузского типа, возможно, орхонского или древнеуйгурского. Это относится прежде всего к форме *-бышаан*, которая была вытеснена впоследствии кыпчакской формой на *-ган* и, в отличие от своего «предка» (*-мыш*), занимает в современном тувинском языке периферийное место. Лишь значение перфекта, которое выражали обе формы (на *-мыш* и на *-ган*), осталось в тувинском языке у формы на *-ган*.

Значение перфекта способно развивать на своей базе значения миратива и непрямо́й эвиденциальности (предположение, пересказывательность). В тюркских языках эти значения редко совмещает в себе одна форма на *-ган* или *-мыш*, в большинстве языков появились другие средства выражения этих значений. Например, форма на *-n=тыр*, возникшая из аналитического аспектуального показателя на *-n тур*, в тувинском языке передает значение перфекта, миратива и пересказывательности (подробнее об этом см. ниже).

Кроме того, в древнеуйгурском индикативе Д. М. Насиловым выделяется форма на *-juk* [Насилов 1966], ей соответствует тувинско-тофаларско-хакасская форма на *-чык* / *-чых*.

Систему прошедшего времени современного тувинского языка составляют пять форм, отражающие релевантные грамматикализованные значения прошедшего времени: это формы на *-ды*, *-ган*, *-чык*,

¹ Работа выполнена в соответствии с тематическим планом научно-исследовательских работ ФГБОУ ВПО «Тувинский государственный университет», проводимых по заданию Министерства образования и науки РФ (регистрационный номер — № 2014/390).

-*бышаан* и *-n=тыр*. В данной статье предпринимается попытка выявить принцип построения системы прошедшего времени в тувинском языке с точки зрения современных концепций в языкознании — выяснить, какие именно значения явились релевантными и системообразующими для тувинской системы прошедшего времени, а также описать особенности употребления данных временных форм в современном языке.

1. Форма прошедшего времени на *-ды*

Форма прошедшего времени на *-ды* кроме временного значения выражает ряд дополнительных значений, поэтому исследователи придерживаются разных мнений относительно основного значения этой формы в тувинском языке и называют ее «прошедшим совершенным временем» [Катанов 1903: 862], «прошедшим категорическим временем» [Исхаков, Пальмбах 1961: 365], «прошедшим достоверным (категорическим) временем» [Сат 1955: 688] и «недавнепрошедшим временем» [Сат, Салзынмаа 1980: 191].

Глагольная форма на *-ды* (*-ди, -ду, -дү; -ты, -ти, -ту, -тү*) в тувинском языке выполняет только финитную функцию как форма прошедшего времени. Отрицательная форма от нее образуется при помощи отрицания на *-ба* (*-бе, -ва, -ве, -па, -пе*).

(1) *Солун ном номчудум.*

<i>солун</i>	<i>ном-Ø</i>	<i>ном-чу-ду-м</i>
интересный	книга-NOM	книга-VBLZ-PST ₁ -1SG

‘Я читал интересную книгу’.

(2) *Солун ном номчувадым.*

<i>солун</i>	<i>ном-Ø</i>	<i>ном-чу-вады-м</i>
интересный	книга-NOM	книга-VBLZ-NEG.PAST ₁ -1SG

‘Я не читал интересную книгу’.

Форма на *-ды* обладает комплексной семантикой, включающей временные, эвиденциальные и аспектуальные компоненты, а также дополнительные оттенки значений косвенной модальности. Данные значения и оттенки значений в одном случае могут, взаимно обуславливаясь, переплетаться друг с другом, в других случаях они являются логически выводимыми друг из друга.

Основное значение формы на *-ды* — обозначение **засвидетельствованной законченности некоторого одноразового действия или засвидетельствованного достижения предела (завершение) некоторого динамического процесса**, предшествующего МР (моменту речи). Значение близкой временной дистанции данной формы выводимо из основного значения, вместе они представляют сложное комплексное значение.

(3) *Мөге адын Кудерек бадыткады* [ИБ: 34].

<i>мөге</i>	<i>ад-ы-н</i>	<i>Кудерек</i>	<i>бадытка-ды</i>
борец	имя-POSS.3SG-ACC	Кудерек	подтверждать-PST ₁ .3SG

‘Кудерек **подтвердил** свое имя борца [я был свидетелем, я это видел]’.

В примере (3) действие *бадытка-ды* ‘подтвердил’ передает значение законченности многократно-го (одноразового) действия, свидетелем которого был говорящий.

(4) *Буян, көрөм, бир кушкаш ыяжывыста хонупту* [ЕБМ: 49].

<i>Буян</i>	<i>көр-өм</i>	<i>бир</i>	<i>кушкаш-Ø</i>	<i>ыяж-ывыс-та</i>	<i>хон-уп-ту</i>
Буян	смотреть-IMP.2SG.PTCL	одна	птичка-NOM	дерево-POSS.1PL-LOC	сидеться-PFV-PST ₁ .3SG

‘Буян, смотри, какая-то птичка **села** на наше дерево’.

В примере (4) действие *хонуп-ту* ‘села’ представляет собой достижение предела процессуального действия ‘сидеться, приземляться’. В этой ситуации говорящий является наблюдателем завершения действия, которое буквально только что достигло своего предела. Иначе говоря, употребление формы на *-ды* в описании данной ситуации показывает комплекс значений прошедшего времени, предельности, прямого (визуального) доступа к информации и близкой временной дистанции.

В силу указанного комплекса значений форма на *-ды* употребляется в прямой речи и художественной литературе автобиографического жанра. Д. А. Монгуш указывает: «когда повествование ведется от первого лица (от автора), форма на *-ды* используется в качестве художественного приема, позволяющего представить события так, словно они произошли перед глазами и недавно. Это придает образность и живость повествованию» [Монгуш 1963: 38].

Примеры из диалогов(5) — Буруудатпайн көр, боданы бергеш, **дыңнавадым**. Чүү дидиң?— Кыдыраажың берем **дидим**.

буруу-да-т-пайн   көр-Ø   бода-н-ы   бер-геш   **дыңна-вады-м**
 вина-VBLZ-CAUS-NEG.CV   смотреть-IMP.2SG   думать-RFL-CV₁   V-CV₃   **слышать-NEG.PST₁-1SG**
 чүү **ди-ди-ң**   кыдырааж-ың   бер-ем   ди-ди-м
 что **сказать-PST₁-2SG**   тетрадь-POSS.2SG   давать-IMP.2SG.PTCL   **сказать-PST₁-1SG**

‘Извини, пожалуйста, задумавшись, **не услышала**. Что ты **сказала**? — Я **сказала**: «Дай мне, пожалуйста, свою тетрадь»’.

(6) — Кажан келдиң? — Чаа келдим.

кажан **кел-ди-ң**   чаа   **кел-ди-м**
 когда **приходить-PST₁-2SG**   только.что   **приходить-PST₁-1SG**

‘Когда ты **пришел**? — Только что **пришел**’.

(7) Даштыгаа бир дааш **дыңнадым**. Сен **дыңнадың** бе? Ол чүү дээр сен?

даштыгаа бир дааш-Ø **дыңна-ды-м**   сен **дыңна-дың**   бе ол чүү дэ-эр   сен
 на.улице   один шум-NOM   **слушать-PST₁-1SG**   ты **слушать-PST₁-2SG**   Q это что **сказать-FUT₁ 2SG**
 ‘Я **слышал** какой-то шум на улице. А ты **слышал**? Что бы это могло быть?’

В приведенных выше примерах выражается **ближайшая временная дистанция** по отношению к МР, когда говорящий участвует в диалогах. Все предикаты в этих примерах представляют собой полнозначные глаголы с семантикой процесса: *де-* ‘говорить’, *кел-* ‘приходить’, *дыңна-* ‘слышать’. В данных диалогах форму на *-ды* нельзя заменить другими формами прошедшего времени (*-ган*, *-чык*, *-п=тыр*): ни одна из остальных четырех форм плана прошедшего времени не может выражать указанную семантику и выполнять данную функцию.

Пример из повествования автобиографического жанра(8) Улус-даа **тарады**. Бисти бээр келинерем, уругларым дээш, Томбаш бодунуң чадырынче **базыпты** [AC: 14].

улус=даа **тара-ды**   бис-ти бээр кел-иңер-ем   уруг-лар-ым
 люди=PTCL **расходиться-PST₁.3PL**   мы-ACC сюда идти-IMP.2PL-PTCL   ребенок-PL-POSS.1SG
 дэ-эш   Томбаш боду-нуң чадыр-ын-че   **баз-ып-ты**
 сказать-CV₃   Томбаш сам-GEN   чум-POSS.3SG-LAT   шагать-PFV-PST₁.3SG

‘Люди **разошлись**. Томбаш, сказав нам: «Идите сюда, мои дети», — **пошел** к своему чуму’.

С целью установить, до какой временной дистанции (отдаленности во времени) может употребляться форма на *-ды*, мы проверили функционирование форм прошедшего времени на *-ды* и *-ган* в первом и втором лицах в следующих фразах (см. Табл. 1).

Таблица 1

Определение временной дистанции в употреблении форм прошедшего времени на *-ды* и *-ган* в первом и втором лицах

обозначение временной дистанции	употребление формы прошедшего времени на <i>-ды</i>	употребление формы прошедшего времени на <i>-ган</i>
ам чаа ‘только что’	Ам чаа кел-ди-м / -ң. ‘Я / ты приехал только что’.	—
бир шак бурунгаар ‘час назад’	Бир шак бурунгаар кел-ди-м / -ң. ‘Я / ты приехал час назад’.	Бир шак бурунгаар кел-ген мен / сен. ‘Я / ты приехал час назад’.
дүүн ‘вчера’	Дүүн кел-ди-м / -ң. ‘Я / ты приехал вчера’.	Дүүн кел-ген мен / сен. ‘Я / ты приехал вчера’.
неделя бурунгаар ‘неделю назад’	Неделя бурунгаар кел-ди-м / -ң. ‘Я / ты приехал неделю назад’.	Неделя бурунгаар кел-ген мен / сен. ‘Я / ты приехал неделю назад’.
бир чыл бурунгаар ‘год назад’	Бир чыл бурунгаар кел-ди-м / -ң. ‘Я / ты приехал год назад’.	Бир чыл бурунгаар кел-ген мен / сен. ‘Я / ты приехал год назад’.
беш чыл бурунгаар ‘пять лет назад’	Беш чыл бурунгаар кел-ди-м / -ң. ‘Я / ты приехал пять лет назад’.	Беш чыл бурунгаар кел-ген мен / сен. ‘Я / ты приехал пять лет назад’.
бежен чыл бурунгаар ‘пятьдесят лет назад’	Бежен чыл бурунгаар кел-ди-м / -ң. ‘Я / ты приехал пятьдесят лет назад’.	Бежен чыл бурунгаар кел-ген мен / сен. ‘Я / ты приехал пятьдесят лет назад’.

Как видно из примеров в Табл. 1, форма на *-ды* является маркированной в отношении ближайшей временной дистанции от МР при употреблении в первом и втором лицах. В более отдаленных от МР указаниях временной дистанции формы на *-ды* и *-ган* могут употребляться обе, их различие состоит в контекстуальном окружении и стилистической характеристике. Форма на *-ды* более отражает диалогическую речь, т. к. представленные в Табл. 1 фразы являются вариантами ответов на вопрос ‘Когда ты приехал?’. Употребление формы на *-ды* в данном контексте как будто бы «приближает» действия к МР и подчеркивает **непосредственное совершение действия говорящим и засвидетельствованность действия**. При употреблении же в третьем лице незанятая позиция при субъектах в первом и втором лицах будет заполнена, т. е. можно сказать *ол ам чаа кел-ген* ‘он только что приехал’. В этом случае констатируется **факт** недавнего совершения действия.

Таким образом, форма на *-ган*, выражая лишь факт совершения действия, как будто бы отстраняет говорящего от самого факта действия временной дистанцией. Способность выражать действия, произошедшие только что или незадолго до момента речи, формой на *-ды* объясняется особенностью этой формы обозначать само действие, а не результат. Именно в силу того, что форма на *-ды* сосредоточивает внимание говорящего на самом действии, она «может фиксировать действие сразу же, как только оно произойдет, когда еще рано судить о его результате» [Монгуш 1963: 52].

Однако, как было указано выше, при употреблении формы на *-ды* в третьем лице на первый план выходит семантика засвидетельствованности действия, а временная дистанция не актуализируется, поэтому в значении ближайшей временной дистанции может употребляться как форма на *-ды*, так и форма на *-ган*. Рассмотрим примеры употребления данных форм в третьем лице.

Пример с формой на *-ды*

- (9) <...> акым бодунуң чажыдын **ам чаа сөгледи** <...> [АТ: 313].
 акы-м-Ø боду-нуң чажыд-ы-н ам чаа сөгле-ди
 старший брат-POSS.1SG-NOM сам-GEN секрет-POSS.3SG-ACC только что говорить-PST₁.3SG
 ‘<...> старший брат только сейчас раскрыл свой секрет <...>’.

Пример с формой на *-ган*

- (10) Ада-ие хуралы **ам чаа төнген**.
 ада=ие-Ø хурал-ы-Ø ам чаа төн-ген
 родители-NOM собрание-POSS.3SG-NOM только что закончилось-PST₂.3SG
 ‘Родительское собрание только что закончилось’.

В примерах (9) и (10) представлены действия, произошедшие в близком предшествовании МР; их различие состоит в эвиденциальных компонентах значений. В примере (7) форма на *-ды* обладает семой прямой засвидетельствованности, значением прямого доступа к информации — ‘говорящий был участником или свидетелем действия’; форма на *-ган* эвиденциально не маркирована.

Прошедшее время на *-ды* в тувинском языке может быть использовано в значении других времен — настоящего и будущего. Способность формы на *-ды* выражать значения настоящего и будущего времен отмечалась ранее исследователями тувинского языка [Исхаков, Пальмбах 1961: 369; Монгуш 1963: 50]. Форма на *-ды* в сочетании с глаголами лексико-семантических групп (ЛСГ), выражающих просьбу, желание, радость, волеизъявление и т. д., употребляется в значении настоящего времени. В отличие от настоящего актуального времени, имеющего аналитическую форму в тувинском языке на $T_v-n V_{(бытия)}-\emptyset$, форма на *-ды* в данном случае передает действия, лишённые длительности [Монгуш 1963: 50].

- (11) Сөс-домаам аргажок чевен кижжи мен, буруудады бербезиңерни **диледим** [ВМ: 39].
 сөс=дома-ам аргажок чевен кижжи мен бурууда-д-ы
 речь-POSS.1SG совсем неумелый человек я винить-CAUS-CV₁
 бер-без-иңер-ни диле-ди-м
 давать-NEG.PF₁-POSS.2PL-ACC просить-PST₁-1SG
 ‘Я совсем неискусен в речах, прошу вас не винить меня’.
- (12) Каң-кадык, аас-кежиктиг болуруңну **кузедивис**.
 каң=кадык аас=кежик-тиг бол-ур-уң-ну кузе-ди-вис
 здоровый счастье-POSSV быть-PF₁-POSS.2SG-ACC желать-PST₁-1PL
 ‘Желаем быть тебе здоровым, счастливым’.

Прошедшее время на *-ды* может быть употреблено в значении будущего времени: ближайшего будущего времени с оттенком предположения и предупредительного будущего времени — прохитива. В значении ближайшего будущего времени с оттенком предположения форма на *-ды* употребляется в

первом и третьем лицах единственного и множественного чисел при планировании и обдумывании действий в будущем времени.

- (13) *Хоорай кыдыынга черни садын алдым, херимнен алдым, аңаа бажың тудуп алдым, чырык кишер деп улуг айтырыг тургустунуп келир* <...> [А].

хоорай-Ø кыдыын-га чер-ни сад-ын ал-ды-м херим-не-п ал-ды-м
город-NOM край-DAT земля-ACC покупать-CV₂ V-PST₁-1SG забор-VBLZ-CV₂ V-PST₁-1SG

аңаа бажың-Ø туд-уп ал-ды-м чырык-Ø киш-ер деп улуг айтырыг-Ø
там дом-NOM строить-CV₁ V-PST₁-1SG свет-NOM вводить-PF₁ такой большой вопрос-NOM

тур-гус-тун-уп кел-ир
стоять-CAUS-RFL-CV₁ V-FUT.3SG

‘Допустим, **куплю** за городом землю, **поставлю** забор, **построю** там дом, встанет большой вопрос о вводе электричества <...>’.

Данное значение отмечается также Д. А. Монгушем и описывается следующим образом: «В значении будущего времени данная форма употребляется и тогда, когда говорящий (про себя или вслух) рассуждает о тех действиях, которые он намеревается сам совершать или которые, по его мнению, собираются совершать другое лицо» [Монгуш 1963: 66]. Он приводит пример продумывания шахматных ходов игроками при игре в шахматы.

- (14) *Ынаар коштум, оолду алды; ша дидим, олче дести* <...> [Монгуш 1963: 66].

ынаар кош-тү-м оол-ду ал-ды ша ди-ди-м ол-че дес-ти

туда пойти-PST₁-1SG пешка-ACC брать-PST₁.3SG шах сказать-PST₁-1SG то-LAT убежать-PST₁.3SG

‘Я **пойду** туда, он **возьмет** пешку; я ему **объявлю** шах, он **отойдет** туда <...>’.

В тувинском языке значение прохибитива или предупредительного (опасительного) будущего времени форма на *-ды* во втором лице единственного и множественного чисел приобретает регулярно. Данное значение формы на *-ды* проявляется в контексте наличия опасной ситуации, говорящий предупреждает о возможном неблагоприятном, нежелательном и даже опасном исходе ситуации (совершение ошибки, быть обманутым, падение, получение различных жизненно опасных травм и увечий и т. д.). На данное значение указывают и авторы «Грамматики тувинского языка»: «Глагол в форме на *-ды* выражает предостережение (может сопровождаться междометием *халак* ‘ой, ох, ах’)» [Исхаков, Пальмбах 1961: 369].

- (15) *Кээп дүштүңер!*
кэ-эп дүш-тү-ңер
приходить-CV₂ падать-PST₁-2PL
‘**Смотрите не упадите!**’

- (16) *Эки шыгаап ал, чазыптың (халак).*
эки шыга-ап ал-Ø чаз-ып-ты-ң
хорошо прицелься-CV₂ V-IMP.2SG промахиваться-PFV-PST₁-2SG
‘Хорошенько **прицелься**, ох, **смотри не промахнись**’.

Таким образом, форма прошедшего времени на *-ды* в тувинском языке обладает следующими компонентами значения: 1) предшествование MP; 2) прямая засвидетельствованность действия или прямой доступ к информации; 3) законченность некоторого одноразового действия, достижение предела или завершение некоторого динамического процесса; 4) маркирование временной дистанции — ближайшее к MP предшествование. Характерна для разговорной речи, используется в прямой речи и повествовании. Дополнительными значениями являются: 1) выражение настоящего недлительного времени; 2) выражение будущего предположительного времени (в первом и третьем лицах); 3) выражение будущего предупредительного времени — прохибитива (во втором лице).

2. Форма прошедшего времени на *-ган*

В тувинском языке форма прошедшего времени на *-ган* является также многозначной. Исследователи тувинского языка придерживаются разных точек зрения по поводу основного значения этой формы: в зависимости от того, какое значение выделяется ими как основное, данная форма называется «прошедшим несовершенным временем» [Катанов 1903: 722—724], «прошедшим неопределенным временем», «давнопрошедшим временем» [Сат 1955: 686; Исхаков, Пальмбах 1961: 369] и «прошедшим временем на *-ган*» [Монгуш 1963: 71].

Форма на *-ган* (*-ген*; *-кан*, *-кен*) в тувинском языке является базовой формой прошедшего времени. Отрицательная форма образуется от нее при помощи формы отрицания *-ба* (*-бе*, *-ва*, *-ве*, *-па*, *-пе*).

(17) *Хем доңган.*

хем-Ø доң-ган
река-NOM мерзнуть-PST₂.3SG
'Река замерзла'.

(18) *Хем доңмаан.*

хем-Ø доң-ма-ан
река-NOM мерзнуть-NEG-PST₂.3SG
'Река не замерзла'.

1) Форма на *-ган* выражает значение **немаркированного прошедшего времени** — простое указание на действие, предшествовавшее МР.

(19) *Автобус доктаар черге келиримге, каш борбак кижии турган* [ВМ: 71].

автобус-Ø докта-ар чер-ге кел-ир-им-ге
автобус-NOM останавливаться-PF₁ место-DAT приходит-PF₁-POSS.1SG-DAT
каш борбак кижии-Ø тур-ган
всего несколько человек-NOM стоять-PST₂.3PL
'Когда я подошел к остановке автобуса, (там) стояло всего несколько человек'.

(20) *Бригадир улуг үүле-херектиң дүрген бүткенинге аажок өөрээн* [МТ: 65].

бригадир-Ø улуг үүле=херек-тиң дүрген бүт-кен-ин-ге
бригадир-NOM большой дело-GEN скоро совершаться-PP-POSS.3SG-DAT
аажок өөрэ-эн
очень радоваться-PST₂.3SG
'Бригадир обрадовался тому, что так скоро свершилось большое дело'.

(21) *Бир катан Тар-Узук деп черге кара өгге келген мен* [ББ: 103].

бир катан Тар=Узук деп чер-ге кара өг-ге кел-ген мен
один раз Тар=Узук под.названием место-DAT черный юрта-DAT приезжать-PST₂ 1SG
'Однажды я приехал в черную юрту в местечке Тар-Узук'.

Указанное значение формы на *-ган* определяет ее употребление в официальной и деловой речи, языке деловых бумаг, прессе и научной литературе, в которых требуется описание и перечисление фактов.

2) Вторым значением формы на *-ган* является значение **перфекта**. Выражение данного значения обусловлено семантикой глагольной основы, которая включает идею результата действия.

(22) *Чаа бажынын тудуу доозулган* [И1].

чаа бажың-ның туду-у-Ø дооз-ул-ган
новый дом-GEN стройка-POSS.3SG-NOM заканчиваться-PASS-PST₂.3SG
'Стройка нового дома закончилась' (результат: дом построен).

(23) *Студент номун чидирген* [И2].

студент-Ø ном-у-н чидир-ген
студент-NOM книга-POSS.3SG-ACC терять-PST₂.3SG
'Студент потерял книгу' (результат: книги нет).

(24) *Айдыстың ада-иези хеймер оглунга чүнү-даа харамнанмаан* [ВМ: 66].

Айдыс-тың ада=иез-и-Ø хеймер огл-ун-га чүнү=даа
Айдыс-GEN родители-POSS.3SG-NOM младший сын-POSS.3SG-DAT ничего
харам-на-н-ма-ан
жадный-VBLZ-RFL-NEG-PST₂.3PL
'Родители Айдыс ничего не пожалели для своего младшего сына' (результат: его обеспечили всем).

В примерах (22)—(24) представлены закончившиеся до МР действия, результат которых как состояние или положение объекта / субъекта наличествует в МР, поэтому внимание говорящего сосредоточено на результате действия.

3) Форма на *-ган* передает значение **вневременного действия** в описаниях явлений природы, в которых субъектом является природный объект. Действия субъекта (природного объекта) выступают как его свойство.

(25) *Улуг-Хем Соңгу чүкче аккан.*

Улуг=Хем-Ø Соңгу чүк-че ак-кан
Енисей-НОМ север сторона-LAT течь-PST₂.3SG
'Енисей **течет** на север'.

(26) *Таңды-Уула Тываның Мурнуу-Чөөн чүгүнде, Саян даглары Соңгу талазында шөйлүп чоруткан.*

Таңды=Уула-Ø Тыва-ның Мурнуу=Чөөн чүг-үн-де Саян-Ø даг-лары-Ø
Танну=Ола-НОМ Тува-GEN юго=восток сторона-POSS.3SG-LOC Саян-НОМ гора-POSS.3PL-НОМ
Соңгу тала-зын-да шөй-л-үп чор-ут-кан
север сторона-POSS.3SG-LOC **протягиваться-PASS-CV₂** **V-PFV-PST₂.3SG**
'Хребет Танну-Ола находится на юго-востоке Тувы, Саяны **протянулись** на Севере'.

(27) *Хая баарында, хунге дөгеленчек черде кезек чодураалар үнген.*

хая-Ø баар-ын-да хун-ге дөге-лен-чек чер-де кезек
скала-ACC перед-POSS.3SG-LOC солнце-DAT подставлять.солнцу-RFL-ADJ место-LOC несколько
чодураа-лар-Ø үн-ген
черемуха-PL-НОМ **расти-PST₂.3SG**
'У подножья скалы, на солнечной стороне **растет** несколько кустов черемухи'.

Способность формы на *-ган* обозначать вневременное действие можно объяснить как след ее причастного происхождения. Такое же обозначение вневременного действия характерно для аналитической формы настоящего обычного времени на $T_v-n V_{(бытия)}-ар$. В этом значении они могут свободно взаимозаменяться без ущерба для семантики.

Таким образом, форма на *-ган* выражает: 1) немаркированное прошедшее время — как констатация факта совершения действия, предшествовавшего МР; 2) перфектное (результативное) значение — констатация результата некоторого действия; 3) значение вневременного действия, также связанное с констатацией факта. По параметрам модальности и эвиденциальности эта форма нейтральна. Эвиденциальные значения могут проявляться лишь опосредованно в сочетании с выражением временной дистанции (очевидные и давнопрошедшие действия; неочевидные давнопрошедшие и недавнопрошедшие действия), поэтому они не являются основными. По сфере употребления форма на *-ган* характерна для разговорной речи, официальной речи, языка деловых бумаг и прессы, научной литературы. Кроме того, она является основным средством описания в художественной литературе и используется в фольклоре.

3. Форма прошедшего времени на *-чык*

Значения формы на *-чык* в тувинском языке впервые были описаны К. Менгесом, который определил ее как «перфект 3» [Menges 1959: 664]. Ф. Г. Исхаков и А. А. Пальмбах отмечали следующее: «Основное значение формы на *-чык* — категорическое утверждение или подтверждение (напоминание) того, что данное действие было совершено в прошлом. Эта форма характерна для диалогической речи, особенно для речи сценической, — там, где одно из действующих лиц, возражая другому, что-либо утверждает или подтверждает; для аналогичных реплик в ораторской и бытовой речи. В вопросительных предложениях форма на *-чык* придает вопросу эмоционально-экспрессивный характер и часто сопровождается эмоционально окрашенными частицами» [Исхаков, Пальмбах 1961: 376—378].

К таким же выводам, что и Ф. Г. Исхаков и А. А. Пальмбах, приходит Д. А. Монгуш. Он подробно и тщательно проанализировал значение этой формы и отметил, что категоричность совершения действия, выражаемая формой на *-чык*, вытекает из значения **очевидности** действия (как и в прошедшем времени на *-ды*). Этим объясняется употребление данной формы только в случаях, когда рассказ ведется от первого лица [Монгуш 1963: 137—144].

Модально окрашенная форма на *-чык* (*-чик / -чук / -чүк; -жык / -жик / -жук / -жүк*) является формой прошедшего времени, выполняет только финитную функцию и употребляется только в прямой речи. Она передает действие, предшествовавшее МР и засвидетельствованное говорящим. Информация о данном действии передается эмоционально, с интонацией подчеркнутого утверждения о его наличии на основе прямого восприятия действия.

- (28) *Ол-дур. Өре кылбайн көр деп чеже катап аңаа чугаалажык мен* [ВМ: 48].
 ол=дур өре-Ø кыл-байн көр-Ø деп чеже катап аңа-а чугаала-жык мен
 он=PTCL долг-NOM делать-NEG.CV смотри-IMP.2SG так сколько раз он-DAT говорить-PST₃ 1SG
 ‘Ну вот. Ведь я сколько раз **говорила** ему, чтобы не делал долгов’.
- (29) *Ак-Төштүң чаа ээзи меңээ ажынган-дарынган маңнап келчик* [Сүр, 1: 232].
 Ак=Төш-түң чаа ээ-зи-Ø меңээ-э ажынган=дарынган маң-на-п кел-чик
 Ак=Тош-GEN новый хозяин-POSS.3SG-NOM я-DAT сердитый-PP бег-VBLZ-CV₂ V-PST₃.3SG
 ‘Новый хозяин (собаки) Ак-Тош **прибежал** ко мне сердитый’.
- (30) *Өг-же чоокиулап олурувуста, ийи бичии уруглар үне халчын келчиктер* [ТК: 51].
 өг-же чоок-шула-п олур-увус-та ийи бичии уруг-лар-Ø үн-е
 юрта-LAT близкий-VBLZ-CV₂ сидеть-POSS.1PL-LOC два маленький ребенок-PL-NOM **выходить**-CV₁
хал-ч-ып кел-чик-тер
 V-REC-CV₂ V-PST₃-PL
 ‘Когда мы подходили к юрте, **выбежали** (оттуда) двое маленьких детей’.

Отрицательная форма от формы на *-чык*, образуемая при помощи отрицания на *-ба*, передает подчеркнутое утверждение говорящего о том, что то или иное действие до МР не произошло, не имело место.

- (31) ⟨...⟩ *бүзээлей-ле бержик бис. Хенергедипкен бис. — Удурланмаан?*
 — *Чок, удурланмажык. Чай-даа чок болган* [Сүр, 1: 73].
 бүзээле-й=ле бер-жик бис хенергед-ип-кен бис удур-ла-н-ма-ан
 окружить-CV₁=PTCL V-PST₃ 1PL заставить.врасплох-PFV-PST₂ 1PL против-VBLZ-RFL-NEG-PST₂.3SG
 чок **удур-ла-н-ма-жык** чай=даа чок бол-ган
 нет **против**-VBLZ-NEG-PST₃.3SG время=PTCL нет быть-PST₃.3SG
 ‘⟨...⟩ мы окружили. Застали врасплох. — Не противился? — Нет, **не противился**. И времени (у него) не было’.
- (32) *Кара-оол чеже катап ээрежип келчик, харын чүгле баарынга үнгеп-сойбажык* [ЧК: 32].
 Кара=оол-Ø чеже катап ээреж-ип кел-чик харын чүгле баар-ын-га
 Кара=оол-NOM сколько раз **просить**-CV₂ V-PST₃.3SG да только перед-POSS.3SG-DAT
үнгеп=сой-ба-жык
ползать-NEG-PST₃.3SG
 ‘Кара-оол **ведь** сколько раз **просил**, да перед ней только **не ползал**’.

В вопросительных предложениях форма прошедшего времени на *-чык* в зависимости от контекста может выражать: 1) желание говорящего уточнить наличие известного ему ранее действия, получить подтверждение у своего собеседника, см. примеры (33) и (34); 2) напоминание говорящего собеседнику о действиях, субъектом или участником которых он был (с соответствующей интонацией упрека), см. пример (35).

- (33) *Сенден каш акша чээп алчык?* [ВМ: 47].
 сен-ден каш акша-Ø чээп ал-чык
 ты-AVL сколько деньги-NOM **брат.в.долг**-CV₂ V-PST₃.3SG
 ‘(Напомни мне,) сколько же он у тебя **занял** денег?’
- (34) *Адыр, дүүн Салбак-оол чүү дижик?* [ТК: 152].
 адыр дүүн Салбак=оол-Ø чүү-Ø ди-жик
 погоды вчера Салбак=оол-NOM что-NOM **говорить**-PST₃.3SG
 ‘Погоди, что вчера Салбак-оол **говорил**?’
- (35) *Сен аңаа дузалажып-ла чордуң. А сени ол канчалчык?*
 сен-Ø ол-га дуза-ла-ж-ып=ла чор-ду-ң а сен-и ол-Ø канча-л-чык
 ты-NOM он-DAT помощь-VBLZ-REC-CV₂=PTCL V-PST₁-2SG а ты-ACC он-NOM **делать**-PASS-PST₃.3SG
 ‘Ты ему все время помогала. А как он с тобой **поступил** [вспомни]?’

Форма на *-чык* часто употребляется с частицей *чоп* ‘ведь, же’; в этом случае категорическое утверждение о совершении действия в прошлом подчеркивается еще сильнее [Монгуш 1963: 137—144].

- (36) *Сээң эки аьдың болуп, эки эдиледип чоржук мен чоп* [А].
 сээң эки аьд-ың бол-уп эки эдиле-д-ип чор-жук мен чоп
 ты-GEN хороший конь-POSS.2SG быть-CV₂ хороший **пользоваться**-PASS-CV₂ V-PST₃ 1SG PTCL
 ‘Я **ведь был** тебе хорошим конем, хорошо использовался тобой’.

- (37) *Ол медээ Хем-Белдиринге келгеш, Чадаанага ол-ла дораан келчик чоп* [ББ: 111].
 ол медээ-Ø Хем=Белдирин-ге кел-геш Чадаана-га ол=ла дораан
 то новость-NOM Хем=Белдири-DAT достигать-CV₃ Чадан-DAT сразу же
кел-чик чоп
приходить-PST₃.3SG PTCL
 ‘Та весть, достигнув Хем-Белдири, сразу же **ведь пришла** в Чадан’.

Вопросительно-отрицательная форма прошедшего времени на *-чык* передает значение положительной формы и обозначает действие, которое было известно и говорящему, и собеседнику и о котором говорящий напоминает собеседнику.

- (38) *Дивежик мен бе. Ол-дур хей-ле оларның-биле сүржүр* [Сүр, 2: 58].
 ди-ве-жик мен бе ол=дур хей=ле олар-ның=биле сүр-ж-үр
 говорить-NEG-PST₃ 1SG Q вот-PTCL впустую они-GEN=INSTR гоняться-REC-FUT₁.3SG
 ‘Я **ведь говорил**. И вот, впустую за ними гоняется’.

- (39) *Угбам чоокта чаа маңа кээп чорбажык бе.*
 угба-м-Ø чоокта чаа маңа кээ-п чор-ба-жык бе
 сестра-POSS.3SG-NOM недавно только здесь **приходить-CV₂** V-NEG-PST₃ Q
 ‘Недавно только сестра **ведь приходила**’.

Прошедшее время на *-чык* нейтрально в отношении аспектуальных значений, а также, в отличие от формы на *-ды*, выражает действие, которое может быть отдалено от МР любым промежутком времени.

С опорой на работы Д. М. Насилова по уйгурскому языку [Насилов 1966] и Д. А. Монгуша по формам прошедшего времени [Монгуш 1963], а также на основе анализа имеющегося у нас материала мы привели в обобщающей сравнительной таблице (Табл. 2) значения формы на *-чык* в тувинском языке и формы на *-жик* в древнейуйгурском.

Таблица 2

Значения древнейуйгурской формы на *-жик* и тувинской формы на *-чык*

значение, употребление, синтаксическая функция	древнейуйгурская форма на <i>-жик</i> (<i>-та-жик</i>)	тувинская форма на <i>-чык</i> (<i>-бажык</i>)
временное	прошедшее время	прошедшее время
модальное	эмоционально окрашенное, экспрессивное	модально окрашенное (подчеркнутое утверждение или подтверждение)
эвиденциальное	данный признак не подвергался анализу	прямая эвиденциальность
аспектуальное	данный признак не подвергался анализу	—
употребление	в прямой речи	в прямой речи, рассказ ведется от первого лица
синтаксическая функция	финитная	финитная

Близость древнейуйгурской формы на *-жик* и тувинской на *-чык* очевидна. Объединяют эти формы следующие характеристики: 1) обе формы относят действие в плоскость прошедшего времени; 2) обе формы обладают эмоциональной окрашенностью, экспрессивны; 3) обе формы употребляются в прямой речи и 4) являются финитными. В тувинской форме отмечается нейтральность по отношению к аспектуальности и очевидность (прямая засвидетельствованность). Под углом эвиденциальных и аспектуальных значений древнейуйгурская форма на *-жик* не рассматривалась.

4. Форма прошедшего-настоящего времени на *-бышаан*

В тувинском языке функционирует форма на *-бышаан*, родственная тофаларской форме на *-бышаанга*. Этот факт объединяет эти языки и отличает от других тюркских языков, в которых подобной формы нет. Значения данных форм в обоих языках идентичны: передают специфическое значение выражения действия, которое началось в неопределенном прошлом и продолжается в настоящем (в МР).

Это дает возможность называть эту форму «настоящим перфективно-продолженным временем» [СИГТЯ 1988: 419], «прошедшим продолжающимся временем» [Оргу 1960: 119] или «прошедшим-настоящим временем» [Исхаков, Пальмбах 1961: 379].

(40) Хар чагбышаан.

хар-Ø чаг-бышаан
снег-NOM идти-PST₄.3SG
'Снег все еще идет'.

(41) Эрткен дайын чоннуң сактыышкыннарында артпышаан.

эрт-кен дайын-Ø чон-нуң сактыышкын-нар-ын-да арт-пышаан
проходить-PP война-NOM народ-GEN память-PL-POSS-LOC оставаться-PST₄.3SG
'Прошедшая война также осталась в памяти народа'.

(42) Оон өске каразыпкы дег кижси чок деп, Соян бадыткавышаан [КО: 125].

о-он өске каразы-п-кы дег кижси-Ø чок деп Соян-Ø бадытка-вышаан
он-AVL другой подозревать-PFV-PF₃ человек-NOM нет так Соян-NOM утверждать-PST₄.3SG
'Соян продолжает утверждать, что, кроме него, нет никого, кого можно было бы подозревать'.

Таким образом, форма на *-бышаан* как временная форма передает длительное незаконченное действие, начавшееся в неопределенном прошлом и продолжающееся в МР. При этом в значении формы на *-бышаан* не обнаруживается оттенок значения косвенной модальности и не актуализируется значение эвиденциальности. В силу своего значения форма на *-бышаан* не имеет отрицательной формы. Форма на *-бышаан* употребляется преимущественно в разговорной речи и художественной литературе (в прямой речи или в рассказах от первого лица).

Функционально эта форма выступает и как финитная, выражая временное значение, и как инфинитная форма (деепричастная и причастная). Как деепричастие она выражает действие, одновременное с основным действием, или сопровождающее его дополнительное действие и в предложении выполняет функцию обстоятельства. Как причастная форма она выражает признак предмета и выполняет в предложении функцию определения, а также субстантивируется и изменяется по падежам, выполняя в предложении роль дополнения и других членов предложения.

5. Форма прошедшего времени на *-n=тыр*

В индикативе тувинского языка есть две формы, в структуре которых вычленяется частица *=тыр*: это формы прошедшего времени на *-n=тыр* и настоящего времени на *-a=дыр*, которые исследователи возводят к сочетанию «деепричастие + вспомогательный глагол» так же, как и другие аналитические формы типа *T_v-n V_(бытия)*. Форма на *-a=дыр* является сочетанием деепричастия на *-a* и вспомогательного глагола *тур-*, форма на *-n=тыр* — сочетанием деепричастия на *-n* и того же вспомогательного глагола *тур-*.

Формы на *-a=дыр* и *-n=тыр* выделяются среди всех временных форм своей особой семантикой, что не могло не привлечь внимания исследователей. Д. А. Монгуш считает, что в данных формах присутствует общий семантический компонент — значение достоверности, осложненное оттенком мотивированности. Мотивировкой для *-n=тыр* служит то, что говорящий сообщает о совершении действия со слов других или по наличному результату, а для *-a=дыр* — непосредственные ощущения говорящего. На этом основании Д. А. Монгуш предлагал выделить особое наклонение мотивированности [Монгуш 1989: 25—26]. Ш. Ч. Сат также объединяет и представляет аналогичными значения этих форм, они различаются, по его мнению, только в плане времени: *-a=дыр* — настоящее, *-n=тыр* — прошедшее [Сат 1955: 679, 680]. Кроме того, принято считать, что отрицательным вариантом для обеих форм служит одна форма на *-байн=дыр*, состоящая из отрицательного деепричастия на *-байн* и частицы *=тыр* [Монгуш 1989: 25—26; Исхаков, Пальмбах 1961: 374, 384]. Однако наши наблюдения показывают, что указанная отрицательная форма (*-байн=дыр*) релевантна только для формы на *-a=дыр*, тогда как для формы на *-n=тыр* отрицанием служит форма на *-баан=дыр* (< *-ба* + *-ган=дыр*); см. ниже примеры (49)—(52).

По сравнению с формой на *-a=дыр*, форма на *-n=тыр* (*-n=тир*, *-n=тур*, *-n=түр*) изучена менее. В трудах исследователей встречаются разные названия данной формы («прошедшее повествовательное», «прошедшее заглазное», «прошедшее историческое», «прошедшее субъективное», «прошедшее неожиданное»), в которых проявляется то или иное ее значение, принимаемое исследователями как основное.

В исследованиях семантика формы на *-n=тыр* определяется следующим образом: 1) «формой прошедшего повествовательного времени на *-n=тыр* говорящий сообщает о каком-либо событии не только со слов других, но в равной мере как очевидец или действующее лицо; значению данной формы присуще значение неожиданности» [Исхаков, Пальмбах 1961: 374]; 2) «формой на *-n=тыр* передается такое прошлое действие, о совершении которого говорящий сообщает со слов других или по наличному результату» [Монгуш 1989: 25]; 3) «сочетание *-n=тыр* выражает действие с модальным оттенком заочного совершения (*келип=тир* — ‘оказывается, пришел’))» [Сат 1955: 680].

На основе проведенного анализа примеров употребления формы на *-n=тыр* в тувинском языке нами было выявлено, что данная форма используется: 1) в разговорной речи (в прямой речи) и художественной литературе (в рассказах от первого лица); 2) в повествовании — в художественной литературе и повествовательных жанрах фольклора. В официально-деловом и научном стилях, а также в публицистике она не употребляется.

Семантика формы на *-n=тыр* обусловлена ее употреблением в различных контекстах и типах текста.

1) В разговорной речи (в прямой речи) и в художественной литературе (в рассказах от первого лица) форма на *-n=тыр* употребляется в значении **перфекта**, осложненного значением **миратива**.

(43) *Үр-ле боданып чыда, удуй берип-тир мен* [ЕБМ: 64].

үр=ле бода-н-ып чыд-а удуй бер-ип=тир мен
долго=PTCL думать-RFL-CV₂ лежать-CV₁ спать-CV₁ V-PST₅ 1SG
‘Довольно долго лежа думая, **оказалось, я уснул**’.

(44) *Ынчаар-ла боданып чорааш, Элегес-Аксынга чедип келгенивисти эскербейн барып-тыр мен* [КУ: 39].

ынчаар=ла бода-н-ып чора-аш Элегес=Акс-ын-га чед-ип кел-ген-ивис-ти
так=PTCL думать-RFL-CV₂ ехать-CV₃ Элегест=Усть-POSS.3SG-DAT прибывать-CV₂ V-PP-POSS.1SG-ACC
эскер-бейн бар-ып=тыр мен
замечать-NEG.CV V-PST₅ 1SG
‘В раздумьях, **оказалось, я не заметил**, как мы доехали до Усть-Элегеста’.

(45) *⟨...⟩ сени сөөлгү үеде көөрүмге, черле эмин эрттир өскерли берип-тир сен* [АС: 62].

сен-и сөөлгү үе-де кө-өр-үм-ге черле эмин эрттир
ты-ACC последний время-LOC смотреть-PF₁-POSS.1SG-DAT вообще слишком
өскерл-и бер-ип=тир сен
изменяться-CV₁ V-PST₅ 2SG

‘⟨...⟩ я, в последнее время наблюдая за тобой, **заметил (обнаружил)**, что ты вообще в последнее время слишком **изменился**’.

(46) *Оттуп келгеш, карактарым көрүп кээримге, эртенги хүн чап чаа тоганада кызыда дээн кээп-тир* [АТ: 87].

отт-уп кел-геш карак-тар-ым-Ө көр-үп кэ-эр-им-ге эртенги
просыпаться-CV₂ приходиться-CV₃ глаз-PL-POSS.1SG-NOM смотреть-CV₂ V-PF₁-POSS.1SG-DAT утренний
хүн-Ө чап чаа тогана-да кыз-ыд-а дэ-эн кэ-эн=тир
солнце-NOM только что обруч-LOC красный-CAUS-CV₁ прикасаться-CV₂ V-PST₅.3SG

‘Когда я, проснувшись, открыл глаза, то **оказалось**, что утреннее солнце только что **коснулось** обруча юрты так, что он стал красным’.

При употреблении формы на *-n=тыр* в первом лице единственного и множественного чисел, когда говорящий является субъектом либо участником действия (см. примеры (43) и (44)), проявляется следующее значение: говорящий, будучи не в состоянии контролировать себя, совершает то или иное действие, после чего он неожиданно обнаруживает результат своего (и других участников) действия или обнаруживает себя (и других участников) в том или ином состоянии, явившимся результатом этого действия.

2) В повествовании — в художественной литературе и повествовательных жанрах фольклора (сказка, предания, легендах и т. д.) — форма на *-n=тыр* используется как средство **пересказа**. В этом случае эта форма оформляет глагол в третьем лице, т. к. она описывает ситуацию без прямого участия говорящего: говорящий как бы сочиняет или говорит об известных ему событиях, не акцентируя при этом внимания на источнике получения информации.

(47) Шарызының орнунда, инек ышкаш кулактарлыг, Чылбыга кадай олуруп-тур [АА: 55].

шары-зы-ның орн-ун-да инек-Ø ышкаш кулак-тар-лыг
бычок-POSS.3SG-GEN вместо-POSS.3SG-LOC корова-NOM как уxo-PL-POSSV

Чылбыга-Ø кадай олур-уп=тур
Чылбыга-NOM старуха сидеть-PST₅-3SG

‘На месте его бычка сидела старуха Чылбыга с коровьими ушами’.

(48) Кежээликтей караңгыда дөңгүр кара инек калдар ытты айбылап-тыр [М: 130].

кежээликтей караңгы-да дөңгүр кара инек-Ø калдар ыт-ты
вечерком темное.время-LOC безрогий черный корова-NOM с.черной.мордочкой собака-ACC

айбыла-п=тыр
посылать-PST₅-3SG

‘Вечерком, когда стемнело, безрогая черная корова послала собаку с черной мордочкой’.

Отрицанием формы на *-п=тыр* служит отрицательная форма на *-баан=дыр* (< *-ба* + *-ган=дыр*), являющаяся сочетанием отрицания формы на *-ган* и частицы *=дыр*.

(49) <...> аңнарым доора халчы берип-тирлер [ОТ: 45].

аң-нар-ым-Ø доора хал-ч-ы бер-ип=тир-лер
зверь-PL-POSS.1SG-NOM попереk бежать-REC-CV₁ V-PST₅-3PL

‘<...> оказалось, что звери попутали следы’.

(50) <...> аңнарым доора халчы бербээн-дирлер.

аң-нар-ым доора хал-ч-ы бер-бэ-эн=дир-лер
зверь-PL-POSS.1SG попереk бежать-REC-CV₁ V-NEG-PST₂=PTCL-3PL

‘<...> оказалось, что звери не попутали следы’.

(51) <...> ачам мээ чагаа бижээш, салып каап-тыр [ОТ: 91].

ача-м-Ø мэ-э чагаа-Ø бижэ-эш сал-ып ка-ап=тыр
отец-POSS.1SG-NOM я-DAT письмо-NOM писать-CV₃ оставлять-CV₂ V-PST₅-3SG

‘<...> [я обнаружил, что] отец, написав, оставил мне письмо’.

(52) <...> ачам мээ чагаа бижээш, салып кагбаан-дыр.

ача-м-Ø мэ-э чагаа-Ø бижэ-эш сал-ып каг-ба-ан=дыр
отец-POSS.1SG-NOM я-DAT письмо-NOM писать-CV₃ оставлять-CV₂ V-NEG-PST₂-3SG=PTCL

‘<...> [я обнаружил, что] отец, написав, не оставил мне письма’.

Таким образом, форма на *-п=тыр* в тувинском языке выполняет следующие функции: 1) выражает значение перфекта, осложненного значением миратива (значение неожиданного результата), употребляется в разговорной речи (в прямой речи), художественной литературе (в рассказах от первого лица) и оформляет предикат в первом, втором и третьем лицах; 2) передает значение не прямой (косвенной) эвиденциальности — служит средством пересказа или является формой пересказываемости в повествовании, при этом оформляя предикат в третьем лице. Отрицанием для формы на *-п=тыр* служит отрицательная форма на *-баан=дыр* (< *-ба* + *-ган=дыр*).

Выводы

План прошедшего времени в тувинском языке характеризуется пятью полисемантическими формами: на *-ды*, *-ган*, *-п=тыр*, *-чык* и *-бышаан*. Выражаемые данными формами значения имеют характер комплексных в системе прошедшего времени тувинского языка и приводятся в обобщающей таблице (Табл. 3).

Формы, входящие в систему прошедшего времени тувинского языка, кроме своего основного значения (временного) обладают дополнительными значениями: временной дистанции (*-ды*); прямой эвиденциальности (*-ды*, *-чык*); миратива и косвенной эвиденциальности, пересказываемости (*-п=тыр*); аспектуальными значениями законченности (*-ды*), результата (*-ган*, *-п=тыр*) и длительности (*-бышаан*). Указанные дополнительные значения форм прошедшего времени тувинского языка отражают, с одной стороны, семантические межкатегориальные связи: времени — аспекта, времени — косвенной модальности, времени — эвиденциальности. С другой стороны, эти дополнительные значения выделяются как общие системообразующие значения, являющиеся релевантными в системе прошедшего времени тувинского языка: указание на источник получения сведений о действии (прямая эвиденциальность) и соответствие / несоответствие ожиданиям говорящего (миратив).

Таблица 3

Система прошедшего времени в тувинском языке

форма	время	временная дистанция	значения субъективной модальности	аспектуальные значения	эвиденциальные значения	употребление
-ды	прош.	*ближ. ²	— ³	законченность	прямое	разг., худ.
	*буд.	—	*предположительное	—	∅ ⁴	разг.
	*буд.	—	*прохибитив	—	∅	разг.
-ган	прош.	—	—	—	∅	офиц., док., худ., публ., фольк.
	*прош.	—	—	*результат	∅	
	*вневр.	—	—	—	∅	науч.
-чык	прош.	—	утвердительное	∅	прямое	разг., сцен.
-бышаан	прош.-наст.	—	—	длительность	∅	разг.
-п=тыр	перфект	—	миратив	результат	∅	разг.
	∅	—	—	—	пересказывательное	худ., фольк. (третье лицо)

Центром функционального поля прошедшего времени является немаркированная в своем основном значении форма на *-ган*, отличающаяся высокой частотностью употребления и нейтральная в отношении стилистического употребления в современном тувинском языке. Наряду с ней особенно активной в современном языке является форма на *-ды*. Остальные формы прошедшего времени имеют довольно ограниченное употребление — в зависимости от типов контекста и различных стилей.

Сокращения

Языки

тоф. — тофаларский

тув. — тувинский

Глоссы

ABL — аблатив (отложительный падеж)

ACC — аккузатив (винительный падеж)

ADJ — адъективизатор

CAUS — каузатив

CV — конверб (деепричастие)

CV₁ — конверб (первый тип)CV₂ — конверб (второй тип)CV₃ — конверб (третий тип)

DAT — датив (дательный падеж)

FUT — будущее время

FUT₁ — форма будущего времени (первый тип)

GEN — генитив (родительный падеж)

IMP — императив

INSTR — инструменталис (творительный падеж)

LAT — латив (направительный падеж)

LOC — локатив (местный падеж)

NEG — отрицание

NOM — номинатив (именительный падеж)

PASS — пассив

PF₁ — причастие будущего времени (первый тип)PF₃ — причастие будущего времени (третий тип)

PFV — перфектив (завершенный аспект)

PL — множественное число

POSS — посессивность

POSSV — аффикс обладания

PP — причастие прошедшего времени

PST₁ — прошедшее время (первый тип)PST₂ — прошедшее время (второй тип)PST₃ — прошедшее время (третий тип)PST₄ — прошедшее время (четвертый тип)PST₅ — прошедшее время (пятый тип)

PTCL — частица

Q — показатель вопроса

REC — реципрок

² Символом «*» обозначаются дополнительные значения.³ Символом «—» обозначается отсутствие признака.⁴ Символом «∅» обозначается нерелевантность признака.

RFL — рефлексив	VBLZ — вербализатор
SG — единственное число	1 — первое лицо
T _v — основа глагола	2 — второе лицо
V — глагол	3 — третье лицо

Источники

- А — Данные, полученные при проведении анкетирования.
 АА — Аксагалдай ашак. Тыва хуулгаазын тоолдар. Т. 1. Кызыл, 1992. {Aksagaldaj ashak. Tyva huulgaazyn tooldar. Vol. 1. Kyzyl, 1992.}
 АС — Тока С. Араттын сөзү. Кызыл, 1967. {Toka S. Arattyn sözü. Kyzyl, 1967.}
 АТ — Сарыг-оол С. Чогаалдар чыындызы. Т. 1. Ангыр-ооддуң тоожузу. Кызыл, 1988. {Saryg-ool S. Chogaaldar chyundyzy. Vol. 1. Angyr-oodduñ toozhuzu. Kyzyl, 1988.}
 ББ — Кенин-Лопсан М. Буян-Бадырғы. Кызыл, 2000. {Kenin-Lopsan M. Bujan-Badyrgy. Kyzyl, 2000.}
 ВМ — Монгуш В. Кадай-кыска хаан-на мен. Кызыл, 1999. {Mongush V. Kadaj-kyska haan-na men. Kyzyl, 1999.}
 ЕБМ — Бады-Монге Е. Кым улугул? Кызыл, 1990. {Bady-Monge E. Kym ulugul? Kyzyl, 1990.}
 ИБ — Бадра И. Арзылаң Күдерек. Кызыл, 1996. {Badra I. Arzylañ Küderek. Kyzyl, 1996.}
 И1 — Информант Кечил-оол Саида Владимировна, 1974 г. р., носитель центрального диалекта тувинского языка (Сут-Хольский район), высшее образование.
 И2 — Информант Сотпа Аяна Васильевна, 1973 г. р., носитель центрального диалекта тувинского языка (Чеди-Хольский район), высшее образование.
 КО — Сюрюн-оол С. Кымның оглул? Кызыл, 1977. {S'ur'un-ool S. Kymnyñ oglul? Kyzyl, 1977.}
 КУ — Хөвөңмей Б. Кым улугул? Кызыл, 1995. {Höveñmej B. Kym ulugul? Kyzyl, 1995.}
 М — Матпаадыр. Кызыл, 1991. {Matpaadyr. Kyzyl, 1991.}
 МТ — Тирчин М. Күдээлер. Кызыл, 1992. {Tirchin M. Küdeeler. Kyzyl, 1992.}
 ОТ — Туң-оол О. Буруулугну бурган билир. Кызыл, 2001. {Tuñ-ool O. Buruulugnu burgan bilir. Kyzyl, 2001.}
 Сүр, 1 — Сюрюн-оол С. Чогаалдар чыындызы. Т. 1. Кызыл, 1991. {S'ur'un-ool S. Chogaaldar chyundyzy. Vol. 1. Kyzyl, 1991.}
 Сүр, 2 — Сюрюн-оол С. Чогаалдар чыындызы. Т. 2. Кызыл, 1992. {S'ur'un-ool S. Chogaaldar chyundyzy. Vol. 2. Kyzyl, 1992.}
 ТК — Сюрюн-оол С. Тывалаар кускун. Кызыл, 1994. {S'ur'un-ool S. Tyvalaar kuskun. Kyzyl, 1994.}
 ЧК — Даржай А. Чурттаарын күзезинзе. Кызыл, 1984. {Darzhaj A. Churttaaryn küzeziñze. Kyzyl, 1984.}

Общие

ближ. — ближняя (временная дистанция)	прош. — прошедшее время
буд. — будущее время	прош.-наст. — прошедшее-настоящее время
вневр. — вневременной	публ. — публицистический стиль
док. — язык документов	разг. — разговорная речь
ЛСГ — лексико-семантическая группа	сцен. — сценическая речь
МР — момент речи	фольк. — фольклор
науч. — научный стиль	худ. — художественное повествование
офиц. — официальный стиль	

Литература

- Бирюкович 1981 — Бирюкович Р. М. Морфология чулымско-тюркского языка. Ч. 2. Саратов, 1981. {Bir'ukovich R. M. Morfologija chulymsko-t'urkskogo jazyka. Part 2. Saratov, 1981.}
 Исхаков, Пальмбах 1961 — Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка: Фонетика и морфология. М., 1961. {Ishakov F. G., Pal'mbah A. A. Grammatika tuvinskogo jazyka: Fonetika i morfologija. M., 1961.}
 Катанов 1903 — Катанов Н. Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903. {Katanov N. F. Opyt issledovaniya ur'anhajskogo jazyka s ukazaniem glavnejshih rodstvennyh otnoshenij ego k drugim jazykam t'urkskogo korn'a. Kazan', 1903.}
 Монгуш 1963 — Монгуш Д. А. Формы прошедшего времени изъявительного наклонения в тувинском языке. Кызыл, 1963. {Mongush D. A. Formy proshedshego vremeni iz'javitel'nogo naklonenija v tuvinskom jazyke. Kyzyl, 1963.}
 Монгуш 1989 — Монгуш Д. А. О сказуемых тувинского языка, выражающих модальное значение достоверности // Предложение в языках Сибири. Новосибирск, 1989. С. 19—36. {Mongush D. A. O skazuemyh tuvinskogo jazyka, vyrazhajushchih modal'noe znachenie dostovernosti // Predlozhenie v jazykah Sibiri. Novosibirsk, 1989. P. 19—36.}

Насилов 1963 — *Насилов В. М.* Древнеуйгурский язык. М., 1963. {*Nasilov V. M. Drevneujgurskij jazyk. M., 1963.*}
 Насилов 1974 — *Насилов В. М.* Язык тюркских памятников уйгурского письма XI—XV вв. М., 1974. {*Nasilov V. M. Jazyk t'urkskih pam'atnikov uigurskogo pis'ma XI—XV vv. M., 1974.*}

Насилов 1966 — *Насилов Д. М.* Прошедшее время на *-juk / -juq* в древнеуйгурском языке и его рефлексy в современных языках // Тюркологический сборник: К шестидесятилетию А. Н. Кононова / Отв. ред. *Кляшторный С. Г.* М., 1966. С. 92—104. {*Nasilov D. M. Proshedshee vrem'a na -juk / -juq v drevneujgurskom jazyke i ego refleksy v sovremennyh jazykah // T'urkologicheskij sbornik: K shestides'atiletiju A. N. Kononova / Ed. Kl'ashtornyj S. G. M., 1966. P. 92—104.*}

Оргу 1960 — *Оргу К. Х.* Тыва дыл: Лексика, фонетика болгаш морфология. Кызыл, 1960. {*Orgu K. H. Tyva dyl: Leksika, fonetika bolgash morfologija. Kyzyl, 1960.*}

Сат 1955 — *Сат Ш. Ч.* Тувинский язык: Краткий очерк // Тувинско-русский словарь. М., 1955. С. 615—721. {*Sat Sh. Ch. Tuvinskij jazyk: Kratkij ocherk // Tuvinsko-russkij slovar'. M., 1955. P. 615—721.*}

Сат, Салзынмаа 1980 — *Сат Ш. Ч., Салзынмаа Е. Б.* Амгы тыва литературлуг дыл: Фонетика, морфология. Кызыл, 1980. {*Sat Sh. Ch., Salzynmaa E. B. Amgy tyva literaturlug dyl: Fonetika, morfologija. Kyzyl, 1980.*}

СИГТЯ 1988 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология / Отв. ред. *Тенишев Э. Р.* М., 1988. {*Sravnitel'no-istoricheskaja grammatika t'urkskih jazykov: Morfologija / Ed. Tenishev E. R. M., 1988.*}

Menges 1959 — *Menges K. H.* Das Sojonische und Karagassische // *Philologiae Turcae Fundamenta. Vol. 1. Wiesbaden, 1959. S. 640—670.*

Tekin 1968 — *Tekin T.* A Grammar of Orkhon Turkic. (= Uralic and Altaic Series. Vol. 69.) Bloomington — the Hague, 1968.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена описанию системы прошедшего времени в тувинском языке. Каждая из форм прошедшего времени (на *-ды, -ган, -чык, -бышаан, -п-тыр*) выражает, помимо собственно временных значений, дополнительные значения (эвиденциальности, аспектуальности и модальности), поэтому эти формы обладают сложными комплексами значений и различаются сферами употребления. В статье была предпринята попытка определить, какие именно значения для носителей тувинского языка являются релевантными для передачи предшествовавших моменту речи действий, и описать особенности употребления данных временных форм в современном языке.

SUMMARY

The article describes the system of the past tenses in Tuvan (Tuvins). Each of the forms of the past tenses (*-dy, -gan, -chuk, -byshaan, -p-tyr*) expresses temporary meanings and additional meanings (evidentiality, aspect and modality), so they have the complex sets of meanings and different spheres of usage. The article is an attempt to determine, what grammar meanings are relevant for Tuvans (Tuvins) to denote actions happened before the moment of speech, and to describe the usage of these temporary forms in the modern Tuvan (Tuvins) language.

Ключевые слова: тувинский язык, временная система, система прошедшего времени, время, эвиденциальность, аспектуальность, модальность

Keywords: Tuvan (Tuvins), tense system, past tenses, evidentiality, aspect, modality

О научной деятельности Сарии Фазулловны Миржановой

21-го ноября 2014 г. в Уфе прошла XIV Всероссийская научная конференция «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России», посвященная 90-летию со дня рождения известного башкирского языковеда, диалектолога, тюрколога, доктора филологических наук Сарии Фазулловны Миржановой (1924—2000).

С. Ф. Миржанова родилась 24 декабря 1924 г. в д. Кускарново Тамьян-Катайского кантона БАССР (ныне д. Тал-Кускарново Абзелиловского района Республики Башкортостан). После окончания школы Сария Миржанова поступила в Магнитогорский педагогический институт. Свою педагогическую деятельность С. Ф. Миржанова начала в 1948 г. в школе — учителем русского языка и литературы. В 1956 г. Сария Фазулловна окончила Башкирский государственный педагогический институт им. К. А. Тимирязева по специальности «Башкирский язык и литература».

В 1955 г. С. Ф. Миржанова начала работать в Отделе языка в Институте истории, языка и литературы при Башкирском филиале АН СССР, где и происходило ее становление как ученого. За годы работы в Институте Сария Миржанова проявила себя как специалист в области тюркской и башкирской диалектологии, а также лексикографии.

Основная научная деятельность С. Ф. Миржановой была посвящена изучению местных говоров башкирского языка. Ей удалось собрать, систематизировать и ввести в научный оборот огромное количество диалектологических материалов. Первые исследования диалектолога были обращены к кубалаякскому говору, а их результатом стала кандидатская диссертация на тему «Кубалаякский говор башкирского языка» (1967 г.). В результате изучения данной темы в сравнительном плане с другими говорами башкирского языка, а также с диалектными фактами отдельных тюркских языков, памятников древнетюркской письменности и частично с диалектными данными некоторых финно-угорских языков было определено место исследуемого говора в диалектной системе башкирского языка и показано его отношение к другим башкирским говорам, а также к другим тюркским языкам. В приложении к диссертации даны образцы текстов на трех подговорах и карты. Также в диссертации даны краткий обзор состояния и степени изученности говоров башкирского языка, историко-этнографические сведения и краткая характеристика кубалаякского говора. В работе С. Ф. Миржановой подробно описаны фонетические, морфологические и лексические особенности исследуемого говора, а также анализируется лексический пласт, характерный для всего восточного диалекта. В результате автором был сделан вывод о том, что, «находясь на смежной зоне с северо-восточными, юго-восточными говорами восточного диалекта и средним говором южного диалекта, исследуемый говор отражает следы влияния указанных говоров» [Миржанова 1967: 224]. На наш взгляд, на сегодняшний день, когда идут глобализационные процессы, сопровождаемые

исчезновением национальных языков и диалектов, остро стоит вопрос издания данной работы в виде монографии, которая в дальнейшем способствовала бы более глубокому изучению данного говора.

Продолжая исследования по диалектам башкирского языка, Сария Фазулловна Миржанова написала монографию «Южный диалект башкирского языка», которая стала основой ее докторской диссертации. Книга была издана в 1979 г. в издательстве «Наука» объемом 270 страниц. В этой книге впервые было дано полное монографическое описание всех говоров южного диалекта башкирского языка как целостной системы с рассмотрением проблемы становления этого диалекта и формирования его территориальных говоров. В данной работе были выявлены фонетические, морфологические и лексические особенности исследуемых говоров южного диалекта, определены место южного диалекта среди остальных диалектов башкирского языка и его отношение к тюркским языкам Урало-Поволжского, Западно-Сибирского и других регионов. Южный диалект, по мнению автора, подразделяется на три говора: иксамарский, средний и дёмский.

Как и другие диалектологи, Сария Фазулловна Миржанова выделяла в башкирском языке три диалекта: восточный, южный и северо-западный. Вместе с тем, в отличие от других диалектологов, считающих язык северо-западных башкир промежуточным говором в системе южного диалекта, С. Ф. Миржанова определяла его как самостоятельный диалект и высказывала следующее мнение: «Специальное монографическое исследование языка северо-западных башкир, взаимодействующего с говорами татарского, а также финно-угорских языков, показало, что данная языковая зона, во-первых, состоит из группы говоров, которые в своих исторических истоках взаимосвязаны с говорами восточного и южного диалектов башкирского языка и, территориально составляя неразрывный единый лингвистический ареал, органически входят в его диалектную систему, и, во-вторых, вполне может соответствовать определению самостоятельного диалекта в территориально-географическом и языковом планах» [Миржанова 1979: 15]. Позже С. Ф. Миржанова отмечала следующее: «Язык башкир, проживающих в северо-западных районах Башкортостана, был объектом неоднократных научных дискуссий (...). Но до сих пор не было однозначного мнения в определении национальных особенностей языка башкир данной зоны» [Миржанова 2006: 3]. Данный вопрос и по сегодняшний день остается актуальным. Результатом кропотливых научных исследований С. Ф. Миржановой является монография «Северо-западный диалект башкирского языка: Формирование и современное состояние», изданная в 1991 г. [Миржанова 1991]. В ней обобщен богатый материал, отражающий своеобразие северо-западного диалекта и его говоров. Монография переиздавалась три раза, что говорит об актуальности данной темы.

Таким образом, эти две фундаментальные работы С. Ф. Миржановой способствовали развитию башкирской диалектологической науки и внесли значительный вклад в историческое изучение тюркских языков Урало-Поволжского региона.

Глубокий исследовательский талант и научная дальновидность натолкнули ученого на еще одну интересную проблему языкознания — древние этноязыковые связи башкир и венгров. В 1981 г. в журнале «Советская тюркология» вышла научная статья С. Ф. Миржановой под названием «О древних этноязыковых связях башкир и венгров» [Миржанова 1981], которая в свое время вызвала многочисленные отзывы и дискуссии. В данной статье Сария Фазулловна отмечала, что этноисторические связи башкир, мадьяр и обских угров сохранили отголоски в башкирском фольклоре. И в наши дни древние башкиро-мадьярские этноисторические связи представляют большой научный интерес.

С. Ф. Миржанова — автор свыше 40 научных трудов, посвященных диалектам башкирского языка. Сария Фазулловна принимала активное участие в составлении «Словаря башкирских говоров» в трех томах, а также башкирско-русских, русско-башкирских и других словарей. В разработке такой фундаментальной работы, как «Диалектологический атлас башкирского языка», С. Ф. Миржанова принимала самое непосредственное участие.

Кроме того, как всесторонне развитый и эрудированный ученый Сария Фазулловна Миржанова успешно вела исследования и в области фольклористики. Ею был собран огромный материал по фольклору, вошедший в многотомный свод по башкирскому народному творчеству. Нужно отметить, что, к большому сожалению, часть этих материалов до сих пор в нерасшифрованном виде хранится в научном архиве Уфимского научного центра, и задача сегодняшних языковедов и фольклористов — донести эти материалы до широкой публики. Чтобы представить, какую трудоемкую работу вели наши предшественники, в качестве примера можно привести данные из отчета С. Ф. Миржановой по результатам экспедиции 1958 г., где она указывает, что «за время экспедиции было прослушано и записано около 500 песен (*озон көй*), 200 такмаков¹, 16 обрядовых песен и игр, 6 легенд к песням, 19 преданий, 3 байта²,

¹ Такмак — плясовая песня, опирающаяся на четверостишие 8—7 слоговой нормы.

² Байт — эпический и лиро-эпический жанр башкирской поэзии.

4 обряда (свадебных и похоронных), 120 пословиц, 59 загадок, 16 молодежных игр» [Миржанова 2014: 304]. Как видим, эти цифры говорят сами за себя.

Научные труды Сарии Фазулловны Миржановой, несомненно, являются достойным вкладом не только в башкирскую, но и в тюркскую диалектологию в целом.

Л и т е р а т у р а

Миржанова 1967 — *Миржанова С. Ф.* Кубалаякский говор башкирского языка. Дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 1967. {*Mirzhanova S. F.* Kubal'akskij govor bashkirskogo jazyka. Diss. ... kand. filol. nauk. Ufa, 1967.}

Миржанова 1979 — *Миржанова С. Ф.* Южный диалект башкирского языка. М., 1979. {*Mirzhanova S. F.* Juzhnyj dialekt bashkirskogo jazyka. M., 1979.}

Миржанова 1981 — *Миржанова С. Ф.* О древних этноязыковых связях башкир и венгров // Советская тюркология. 1981, 1. С. 44—45. {*Mirzhanova S. F.* O drevnih etnojazykovyh sv'az'ah bashkir i vengrov // Sovetskaja t'urkologija. 1981, 1. P. 44—45.}

Миржанова 1991 — *Миржанова С. Ф.* Северо-западный диалект башкирского языка: Формирование и современное состояние. Уфа, 1991. {*Mirzhanova S. F.* Severo-zapadnyj dialekt bashkirskogo jazyka: Formirovanie i sovremennoe sostojanie. Ufa, 1991.}

Миржанова 2006 — *Миржанова С. Ф.* Северо-западный диалект башкирского языка: Формирование и современное состояние. Уфа, 2006. {*Mirzhanova S. F.* Severo-zapadnyj dialekt bashkirskogo jazyka: Formirovanie i sovremennoe sostojanie. Ufa, 2006.}

Миржанова 2014 — *Миржанова С. Ф.* Отчет С. Ф. Миржановой, участника комплексной этнографической экспедиции 1958 года, по разделу «Башкирский фольклор» // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы Всероссийской научной конференции. Уфа, 2014. С. 304—315. {*Mirzhanova S. F.* Otchot S. F. Mirzhanovoj, uchastnika kompleksnoj etnograficheskoj ekspeditsii 1958 goda, po razdelu "Bashkirskij fol'klor" // Aktual'nye problemy dialektologii jazykov narodov Rossii: Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferentsii. Ufa, 2014. P. 304—315.}

РЕЗЮМЕ

В данной работе содержится анализ роли ученого-диалектолога Сарии Фазулловны Миржановой в исследовании говоров и диалектов башкирского языка, а также краткий обзор ее многолетней деятельности.

SUMMARY

In the paper the author studies Sariya F. Mirzhanova's role in the research on the Bashkir dialectology and gives the brief overview of her studies.

Ключевые слова: башкирский язык, тюркские языки, диалектология, диалект, говор

Keywords: Bashkir, the Turkic languages, dialectology, dialect, local subdialect

**Сергей Григорьевич Кляшторный
(4 февраля 1928 — 21 сентября 2014)**

21 сентября 2014 г. ушел из жизни один из ведущих мировых востоковедов — Сергей Григорьевич Кляшторный, тюрколог, автор множества работ по истории и культуре древних тюрков Центральной Азии и Восточной Европы, истории тюркских и монгольских народов, памятникам древнетюркской рунической письменности.

Сергей Григорьевич родился 4 февраля 1928 г. в Гомеле (Республика Беларусь). В 1950 г. году он закончил Восточный факультет Ленинградского государственного университета. Работая под руководством выдающихся советских специалистов: археолога А. Н. Бернштама, с которым он принимал участие в археологических экспедициях в Среднюю Азию, филологов С. Е. Малова и А. Н. Кононова, у которых он перенимал опыт работы с текстами древнетюркских письменных памятников, — в 1963 г. С. Г. Кляшторный защитил кандидатскую диссертацию на тему «Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии». Через год эта работа была издана (см. [Кляшторный 1964]), по праву вошла в золотой фонд российской тюркологии, продолжив традиции, заложенные В. В. Радловым и В. В. Бартольдом, и навсегда вписала имя автора в историю мирового востоковедения.

В последующие годы, находясь в должности заведующего Тюрко-монгольским кабинетом Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (с 1978 г. — Сектор тюркологии и монголистики), Сергей Григорьевич принимал участие в полевых исследованиях памятников. Возглавляя в 1968—1973 гг. эпиграфический отряд Саяно-Тувинской экспедиции АН СССР (СТЭАН), он опубликовал ряд надписей, как известных ранее, так и новых, обнаруженных в результате деятельности отряда, и пересмотрел результаты работы предшественников и коллег. С 1969 г. С. Г. Кляшторный руководил также отрядом Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции АН СССР и АН МНР. Полевые работы в Монголии позволили ему впервые опубликовать крупнейшие памятники эпохи древних тюрков VI—X вв. [Кляшторный 1983].

Кроме того, хорошая историческая и филологическая подготовка, возможность непосредственной работы с первоисточниками и отличное знание фактического материала позволили Сергею Григорьевичу обращаться к самым разным проблемам истории тюркоязычных народов. Так, ему принадлежат обстоятельные исследования религиозных воззрений древних тюрков и их реконструкция на основе конкретно-исторического материала, а также ряд работ по изучению социальной организации и этнических процессов у кочевых народов евразийских степей [Кляшторный 2006; Klyashtornyy 2008].

Васильев Дмитрий Дмитриевич, Институт востоковедения РАН (Москва); dmivas46@mail.ru;
Тишин Владимир Владимирович, Институт востоковедения РАН (Москва); tihij-511@mail.ru

С. Г. Кляшторный подготовил целую плеяду замечательных ученых, которые представляют теперь тюркологическую элиту в постсоветских республиках. В течение многих лет он читал курс лекций на Восточном факультете СПбГУ и неоднократно приглашался для чтения лекций в университеты Восточной Европы и государств СНГ.

С конца 80-х — начала 90-х гг. Сергей Григорьевич публиковал свои изыскания по истории древних тюрков VI—X вв. в ряде коллективных монографий, например: «Казахстан: Летопись трех тысячелетий» (в соавторстве с Т. И. Султановым) [Кляшторный, Султанов 1992], «Степные империи Евразии: Древность и средневековье» (в соавторстве с Д. Г. Савиновым) [Кляшторный, Савинов 1994, 2005], «Государство и народы евразийских степей: Древность и средневековье» (в соавторстве с Т. И. Султановым) [Кляшторный, Султанов 2000, 2004, 2009; Kljaštornyj, Sultanov 2006]. В этих работах он не только развил высказанные ранее взгляды, но и дал интерпретацию истории Западно-тюркского, Уйгурского, Карлукского и Кимакского каганатов. Перу С. Г. Кляшторного принадлежат разделы и в крупных коллективных сводных трудах: «История Востока» (том 2; М., 1995), «История татар с древнейших времен» (том 1; Казань, 2002), “History of Civilizations of Central Asia” (vol. 3; Paris, 1996), “History of the Turkic Peoples in the Pre-Islamic Period” (Berlin, 2000) и др.

Сергею Григорьевичу принадлежит и ряд весьма интересных гипотез, сделанных на основе изучения древнетюркских текстов: так, среди них уточнение перевода и историко-культурная интерпретация Суджинской стелы, датировка и интерпретация алтын-кельских надписей, толкование термина *bediz* как фигуры погребенного, отождествление термина *sir* в орхонских надписях с кыпчаками и на основе этого реконструкция ранней истории этого племенного объединения, локализация нескольких объединений с названием *tatar* в Центральной Азии в период IX—XII вв., новая реконструкция структуры текста «Ырк битиг», датировка миграции огузов из Монголии в Приаралье, датировка таласских памятников на основе интерпретации встречаемой в них титулатуры, гипотеза о двукрылом делении на бузуков и учуков у тюрков до распада Первого каганата (на основе прочтения и интерпретации термина *buzuq* в Тэсийской стеле), реконструкция ранней истории уйгуров и в связи с ними хазар (исходя из прочтения в Тэсийской стеле и толкования термина *qasar*) и др. [Кляшторный 2005, 2006, 2007]¹. Многие идеи Сергея Григорьевича нашли отражение в работах коллег [Golden 1992; Васильев и др. 1993; Stark 2008; Васютин 2011], а также способствовали дальнейшим дискуссиям и развитию исследований по различным аспектам истории степных народов Евразии [Yoshida, Morigyasu 1999; Васютин, Дашковский 2009; Beckwith 2009]. Хотя некоторые из этих гипотез далеко не бесспорны, они позволяют на уровне первоисточников обозначить ряд проблем, решение которых потребует от будущих исследователей серьезной подготовки и кропотливой работы, чтобы подтвердить или опровергнуть их.

В 1987 г. на основе многолетних исследований С. Г. Кляшторный счел возможным высказаться об особой «древнетюркской цивилизации» с присущими ей признаками материальной и духовной культуры (собственной письменностью и историографической традицией), идеологией, формами социальной и политической организации, цивилизацией со своими традициями, однако гибкой и открытой для культурных инноваций [Кляшторный 2006].

Сергей Григорьевич редко вел с кем-либо полемику, но даже в этих редких случаях он, следуя научной этике, всегда был корректен и выдержан, отвечая оппонентам, и оставался в рамках строго научной дискуссии.

Три книги: «История Центральной Азии и памятники рунического письма» [Кляшторный 2003], «Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии» [Кляшторный 2006; Klyashtornyj 2008] и «Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей» [Кляшторный 2010], — включающие в себя важнейшие труды ученого и результаты его научных изысканий последних лет, как бы венчают многолетнее творчество Сергея Григорьевича Кляшторного и подводят итог его научной деятельности — научной деятельности человека, всю жизнь посвятившего изучению истории и культуры тюркоязычных народов евразийских степей.

Можно сказать, что с Сергеем Григорьевичем Кляшторным ушла целая эпоха петербургской / ленинградской тюркологии, фактически подведя черту под очередным этапом истории изучения памятников древнетюркской рунической письменности. Хотелось бы, чтобы это направление не угасло в стенах Института восточных рукописей РАН, чтобы петербургские ученые продолжили дело, которому служил С. Г. Кляшторный.

Мы же, московские коллеги, выражаем сочувствие и, испытывая огромную горечь от тяжелой, невосполнимой утраты, будем стремиться достойно служить науке, продолжая традиции, заложенные отечественными тюркологами.

¹ Список работ С. Г. Кляшторного см. также в [Ragibova 2004].

Литература

Васильев и др. 1993 — *Васильев Д. Д., Горелик М. В., Кляшторный С. Г.* Формирование имперских структур в государствах, созданных кочевниками Евразии // Из истории Золотой Орды. Казань, 1993. С. 33—44. {*Vasil'ev D. D., Gorelik M. V., Kl'ashtornyj S. G.* Formirovanie imperskih struktur v gosudarstvah, sozdannyh kochevnikami Evrazii // Iz istorii Zolotoj Ordy. Kazan', 1993. P. 33—44.}

Васютин 2011 — *Васютин С. А.* Образ правителя в ментальных представлениях кочевников Центральной Азии в период раннего средневековья (по письменным и эпическим памятникам тюркоязычных народов) // Тюркологический сборник 2009—2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М., 2011. С. 79—108. {*Vas'utin S. A.* Obraz pravitel'a v mental'nyh predstavlenijah kochevnikov Tsentral'noj Azii v period rannego srednevekov'ja (po pis'mennym i epicheskim pam'atnikam t'urkojazychnyh narodov) // T'urkologicheskij sbornik 2009—2010: T'urkskie narody Evrazii v drevnosti i srednevekov'e. M., 2011. P. 79—108.}

Васютин, Дашковский 2009 — *Васютин С. А., Дашковский П. К.* Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования). Барнаул, 2009. {*Vas'utin S. A., Dashkovskij P. K.* Sotsial'no-politicheskaja organizatsija kochevnikov Tsentral'noj Azii pozdnej drevnosti i rannego srednevekov'ja (otechestvennaja istoriografija i sovremennye issledovanija). Barnaul, 2009.}

Кляшторный 1964 — *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические надписи как источник по истории Средней Азии. Л., 1964. {*Kl'ashtornyj S. G.* Drevnet'urkskie runicheskie nadpisi kak istochnik po istorii Srednej Azii. L., 1964.}

Кляшторный 1983 — *Кляшторный С. Г.* Новые эпиграфические работы в Монголии (1969—1976 гг.) // История и культура Центральной Азии. М., 1983. С. 112—133. {*Kl'ashtornyj S. G.* Novye epigraficheskie raboty v Mongolii (1969—1976 gg.) // Istorija i kul'tura Tsentral'noj Azii. M., 1983. P. 112—133.}

Кляшторный 2003 — *Кляшторный С. Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003. {*Kl'ashtornyj S. G.* Istorija Tsentral'noj Azii i pam'atniki runicheskogo pis'ma. SPb., 2003.}

Кляшторный 2005 — *Кляшторный С. Г.* Азиатский аспект ранней истории хазар // Хазары / Ред. *Петрухин В., Москович В., Федорчук А., Кулик А., Шапир Д.* Иерусалим — М., 2005. С. 259—264. {*Kl'ashtornyj S. G.* Aziatskij aspekt rannej istorii hazar // Hazary / Eds. *Petruhin V., Moskovich V., Fedorchuk A., Kulik A., Shapira D.* Ierusalim — M., 2005.}

Кляшторный 2006 — *Кляшторный С. Г.* Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб., 2006. {*Kl'ashtornyj S. G.* Pam'atniki drevnet'urkskoj pis'mennosti i etnokul'turnaja istorija Tsentral'noj Azii. SPb., 2006.}

Кляшторный 2007 — *Кляшторный С. Г.* Суджинская надпись: Этапы интерпретации // *Basileus: Сборник статей, посвященный 60-летию Д. Д. Васильева.* М., 2007. С. 193—197. {*Kl'ashtornyj S. G.* Sudzhinskaja nadpis': Etagy interpretatsii // *Basileus: Sbornik statej, posv'ashchonnyj 60-letiju D. D. Vasil'eva.* M., 2007. P. 193—197.}

Кляшторный 2010 — *Кляшторный С. Г.* Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб., 2010. {*Kl'ashtornyj S. G.* Runicheskie pam'atniki Ujgurskogo kaganata i istorija evrazijskih stepej. SPb., 2010.}

Кляшторный, Савинов 1994 — *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи Евразии: Древность и средневековье. СПб., 1994. {*Kl'ashtornyj S. G., Savinov D. G.* Stepnye imperii Evrazii: Drevnost' i srednevekov'e. SPb., 1994.}

Кляшторный, Савинов 2005 — *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи Евразии: Древность и средневековье. СПб., 2005. {*Kl'ashtornyj S. G., Savinov D. G.* Stepnye imperii Evrazii: Drevnost' i srednevekov'e. SPb., 2005.}

Кляшторный, Султанов 1992 — *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Казахстан: Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992. {*Kl'ashtornyj S. G., Sultanov T. I.* Kazahstan: Letopis' tr'oh tys'acheletij. Alma-Ata, 1992.}

Кляшторный, Султанов 2000 — *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Государство и народы евразийских степей: Древность и средневековье. СПб., 2000. {*Kl'ashtornyj S. G., Sultanov T. I.* Gosudarstvo i narody evrazijskih stepej: Drevnost' i srednevekov'e. SPb., 2000.}

Кляшторный, Султанов 2004 — *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Государство и народы евразийских степей: Древность и средневековье. СПб., 2004. {*Kl'ashtornyj S. G., Sultanov T. I.* Gosudarstvo i narody evrazijskih stepej: Drevnost' i srednevekov'e. SPb., 2004.}

Кляшторный, Султанов 2009 — *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Государство и народы евразийских степей: Древность и средневековье. СПб., 2009. {*Kl'ashtornyj S. G., Sultanov T. I.* Gosudarstvo i narody evrazijskih stepej: Drevnost' i srednevekov'e. SPb., 2009.}

Beckwith 2009 — *Beckwith C. I.* Empires of the Silk Road: a History of Central Eurasia from the Bronze Age to the Present. Princeton (New Jersey), 2009.

Golden 1992 — *Golden P. B.* An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden, 1992.

Klyashtornyj 2008 — *Klyashtornyj S. G.* Old Turkic Runic Texts and History of Eurasian Steppe / Eds. *Spinei V., Spinei C.* Bukuresti, 2008.

Kljaštornyj, Sultanov 2006 — *Kljaštornyj S. G., Sultanov T. I.* Staaten und Völker in den Steppen Eurasiens. Altertum und Mittelalter / Hrsb. von *Schletzer R.* Berlin, 2006.

Ragibova 2004 — *Ragibova İ. S. G. Klyaştorıny’ın hayati ve ilmî çalışmalarına dair (1951—2003)* // Манас Университети «Коомдук илимдер» журналы. Manas Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi. Bişkek, 2004. Cilt 6. Sayı 11. S. 175—189. {*Ragibova İ. S. G. Klyaştorıny’ın hayati ve ilmî çalışmalarına dair (1951—2003)* // Manas Üniversitesi “Koomduk ilimler” zhurnaly. Manas Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi. Bişkek, 2004. Cilt 6. Sayı 11. S. 175—189.}

Stark 2008 — *Stark S. Die Alttürkenzeit in Mittel- und Zentralasien: Archäologische und historische Studien*. Wiesbaden, 2008.

Yoshida, Moriyasu 1999 — *Yoshida Y., Moriyasu T. The Bugut Inscription (ブグト碑文)* // Provisional Report of Researches on Historical Sites and Inscriptions in Mongolia from 1996 to 1998 (モンゴル国現存遺蹟・碑文調査研究報告) / Eds. *Moriyasu T., Ochir A. Toyonaka*, 1999. P. 177—195.

РЕЗЮМЕ

В данной работе содержится мемориальный материал, посвященный научной деятельности востоковеда и тюрколога Сергея Григорьевича Кляшторного.

SUMMARY

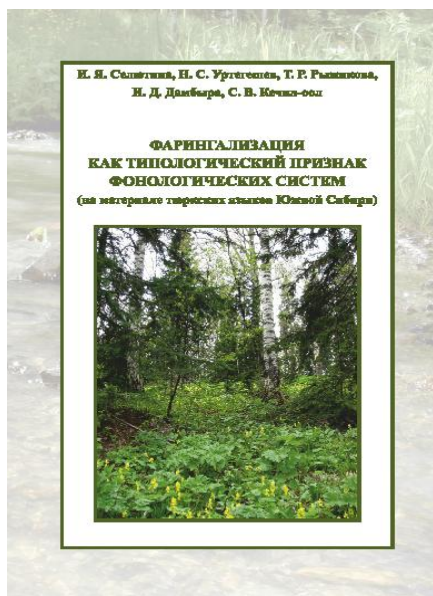
The paper gives the memorial material denoted to Sergey G. Klyashtorny’s researches and studies. There is also data about his expeditions in the paper.

Ключевые слова: тюркские языки, рунология, древнетюркская руническая письменность, орхонские надписи, уйгуры, хазары

Keywords: the Turkic languages, runology, the Old Turkic runic script, Orkhon inscriptions, Uyghurs, Khazars

**Селютина И. Я., Уртегешев Н. С., Рыжикова Т. Р., Дамбыра И. Д.,
Кечил-оол С. В. Фарингализация как типологический признак
фонологических систем (на материале тюркских языков Южной Сибири)**

/ Отв. ред. Широбокова Н. Н. Новосибирск:
Издательство «Омега Принт», 2014. 312 с.

Монография «Фарингализация как типологический признак фонологических систем (на материале тюркских языков Южной Сибири)» (<http://www.philology.nsc.ru/departments/lefi/books/Faring.php>) является обобщением результатов многолетних исследований коллектива сибирских фонетистов об одном из наиболее специфических фонетических явлений, неизменно привлекающих внимание алтаистов, но не получивших однозначного истолкования.

Проблематика, рассматриваемая в работе, вписывается в приоритетные научные направления: задача планомерного изучения звуковых систем является безотлагательной, поскольку для адекватного отражения артикуляционно-акустической базы этноса и выявления специфики фонологической системы необходима работа с носителями языка, хорошо владеющими навыками произношения. Важно отметить, что некоторые из исследуемых в монографии языков и территориальных диалектов коренных тюркских этнических групп Сибири относятся к числу миноритарных бесписьменных и находятся перед вполне реальной угрозой их утраты в качестве языков компактных групп населения.

Фарингализация как дополнительная тембровая характеристика звуков рассматривается тюркологами и фонетистами лишь на материале вокальных систем [Исхаков, Пальмбах 1961; Иллич-Свитыч 1963; Щербак 1970; Рассадин 1971; Бичелдей 2001а; Кормушин 2002; Janhunen 1980]. Возможность функционирования этого явления в сфере тюркского консонантизма в научной литературе не обсуждается. При этом фарингализация как специфическая особенность тюркских языков урянхайской группы трактуется как явление реликтовое, отмирающее [Щербак 1970: 44; Janhunen 1980: 35].

В данной работе в результате обобщения большого объективного инструментального материала, собранного авторами в регионах проживания носителей языков по единой программе и проинтерпретированного в русле разработанной В. М. Надеяевым теоретической концепции, пересматривается традиционный взгляд на фарингализацию как остаточное явление, лишь эпизодически встречающееся в современных тюркских языках на периферии звуковых систем.

Проанализированные авторами данные свидетельствуют о полноценном функционировании фарингализации, пронизывающей все составляющие компоненты звуковой материи языков саяно-байкальского ареала — вокализм, консонантизм и суперсегментный уровень. Результаты последних аппаратных исследований свидетельствуют о том, что фарингализация свойственна не только вокальным, но и консонантным системам ряда тюркских языков Южной Сибири: шорского, барабинско-татарского и тувинского. Более того, в тувинском языке функционирует фарингальный сингармонизм, регламентирующий правила сочетаемости звуков (как гласных, так и согласных) и детерминирующий фонетическую модель словоформы.

Исследования, результаты которых излагаются в рецензируемой монографии, свидетельствуют о том, что лингвистический статус дополнительной фарингализованной артикуляции гласных в тюркских языках Южной Сибири различается функционально: в одних языках в процессе исторического развития произошла ее фонологизация, в других она реализуется на уровне аллофонного варьирования. Если в тувинском языке фарингализация является основным конститутивно-дифференциальным признаком гласных фонем, то в тувинском (тубаларском) и шорском — это релевантный параметр, сопутствующий непоследовательно выраженной долготе гласных. В кумандинском же, где фонологическая дифферен-

циация кратких и вторичных долгих гласных фонем выражена достаточно контрастно, фарингализация долгих гласных факультативна. В тофском (тофаларском) языке, по мнению В. М. Наделяева, в отличие от тувинского, отсутствует группа фарингализованных гласных фонем, а функционирующие в нем фарингализованные гласные являются оттенками кратких гласных фонологических единиц, комбинаторно обусловленными соседством сильных согласных [Наделяев 1969: 236]; таким образом, в тофском языке фарингализация гласных носит не фонологический, а фонический характер. В южных диалектах алтайского языка, в том числе и в диалекте алтай-кижи, базовом для литературного языка, фарингализация фиксируется лишь эпизодически, непоследовательно. В барабинско-татарском языке шесть фарингализованных гласных звуков реализуются на уровне аллофонов — комбинаторных и факультативных.

Инструментальные исследования фонетики южносибирских тюркских языков позволили коллективу авторов выявить консонантные системы, базирующиеся на оппозиции единиц по положению гортани: поднятое, нейтральное и опущенное. Впервые такая система была установлена для шорского языка (мрасский диалект), в котором функционируют инъективные / нейтральные / эйективные согласные [Уртегешев 2002]. Выявленное на материале шорского языка противопоставление согласных фонем по инъективности / эйективности в барабинско-татарском языке реализуется в виде фонологической оппозиции по нефарингализованности / фарингализованности; при этом отсутствие или наличие дополнительной фарингализованной окраски является основным конститутивно-дифференциальным признаком, определяющим барабинско-татарскую консонантную систему, а степень напряженности артикуляторного аппарата — сопутствующим фонематическим признаком [Рыжикова 2005; Селютина, Рыжикова, Уртегешев 2011].

Исследование консонантизма тувинского языка (сут-хольского говора) с использованием комплекса субъективных и объективных методов свидетельствует о том, что основным фонематическим признаком, структурирующим сут-хольскую систему согласных, является степень напряженности ее единиц: фонемы противопоставлены как сильные / слабые / сверхслабые, — но при этом все согласные являются фарингальнонапряженными.

Как показывает приведенный в монографии материал, функциональный статус фарингализации согласных в южносибирских тюркских языках различен: фарингализация является релевантным системообразующим признаком в шорском и барабинско-татарском языках (основной конститутивно-дифференциальный признак в барабинско-татарском, дополнительный — сопутствующий эйективным настроям — в шорском) и оттенковым — в тувинском.

Таким образом, результаты исследования южносибирского консонантизма позволили коллективу сибирских фонетистов получить важный теоретический вывод о наличии корреляции между степенью напряженности и фарингализацией как дополнительной работой стенок глоточного резонатора с акустическим эффектом низкого по тону резонирования при продуцировании напряженных согласных. В консонантных системах, организованных по иному принципу — по длительности (языки алтай-кижи, туба, куманды, чалканский, телеутский, хакасский) и по звонкости / глухости (северные тюркские языки — якутский, долганский), — фарингализация согласных не констатируется [Селютина 2008]. Необходимо отметить, что подобное предположение было высказано ранее К. А. Бичелдеем: «⟨...⟩ фарингализация, возможно, в той или иной форме наблюдается в тех тюркских языках, в которых имеется градуальная оппозиция согласных по степени напряженности их артикуляции (сильные, слабые, сверхслабые)» [Бичелдей 2001б: 5]. Тот факт, что исследователи пришли к одному и тому же выводу независимо друг от друга, повышает значимость и подтверждает правомерность сделанного ими заключения.

Сингармонизм как явление морфонологического характера относится к числу базовых типологических характеристик урало-алтайских языков агглютинативного типа. Как отмечается в монографии, впервые на существование в тувинском языке, помимо небной и губной гармонии гласных, третьего вида гармонии — по фарингализованности (т. е. глоточной гармонии) — обратили внимание К. А. Бичелдей [Бичелдей 1980; Бичелдей 2001а: 46—52] и С. Ф. Сегленмей (в устной форме).

Однако консонантный аспект сингармонизма и, в частности, глоточного сингармонизма оставался за пределами внимания тюркологов [Сегленмей 2010]. Инструментальные исследования, результаты которых излагаются в данной монографии, показали, что сингармонизм — в т. ч. и фарингальный — включает в себя и консонантную составляющую [Селютина 2002: 91; Селютина, Дамбыра, Кечил-оол 2004]. Тувинский язык — язык с развитым фарингальным сингармонизмом, определяющим принципы организации и функционирования фонической и фонологической систем и специфику артикуляционно-акустической базы этноса; исключение составляют разговоры II и III типов юго-восточного диалекта, для звуковой системы которых фарингализация не характерна. В соответствии с закономерностями тувинского глоточного сингармонизма вся словоформа (включая и вокальную, и консонантную ось) реализуется либо как нефарингализованная, либо как фарингализованная.

Новейшие изыскания, результаты которых обсуждаются в анализируемой монографии, не позволяют согласиться с мнением А. М. Щербака о том, что позднее заимствование слова является ограничением для фарингализации [Щербак 1970: 44], а также с утверждением Ю. Янхунена о кратковременности периода развития тувинской фарингализации (XII—XIII вв.) [Janhunen 1980: 35]. Результаты выполненного И. Д. Дамбыра исследования закономерностей фонетического освоения тувинцами лексических заимствований из русского языка и через русский свидетельствуют о том, что фарингализация — это живое продуктивное явление, охватывающее не только исконную тюрко-монгольскую лексику, но и значительно более поздние русские заимствования [Дамбыра 2000, 2005]. На материале каа-хемского говора было установлено, что заимствования из русского языка осваиваются современными тувинцами с обязательной фарингализацией, начинающейся с ударного слога и распространяющейся до конца словоформы независимо от морфологической структуры постударной части слова, т. е. аффиксальные морфемы, присоединяемые при словообразовании и словоизменении, подчиняются закону тувинской фарингальной гармонии гласных. Исключение составляют однослоги, не имеющие в своей звуковой оболочке консонантных сочетаний, а также неоднослоговые слова с ударением на первом слоге.

Авторы монографии разделяют точку зрения В. М. Наделяева [Наделяев 1986], в соответствии с которой фарингализация является субстратным наследием части языков байкало-саянского региона (включая и енисейский ареал), входивших в состав циркумбайкальского языкового союза: только исходя из этой гипотезы, можно объяснить наличие фарингализации в эвенском и корякском языках.

Важно также отметить, что монография, подготовленная и изданная учеными-тюркологами Института филологии Сибирского отделения РАН и преподавателями Тувинского государственного университета, является результатом интеграции усилий академической и вузовской науки.

Экспериментальные данные и теоретические положения, приведенные в монографии, представляют несомненный интерес для специалистов в области общей лингвистики, тюркологии и экспериментальной фонетики, а также для этнографов-сибиреведов.

Л и т е р а т у р а

Бичелдей 1980 — *Бичелдей К. А.* Фарингализованные гласные в тувинском языке // Звуковой строй сибирских языков. Новосибирск, 1980. С. 39—66. {*Bicheldej K. A. Faringalizovannnye glasnye v tuvinskom jazyke // Zvukovoj stroj sibirskih jazykov. Novosibirsk, 1980. P. 39—66.*}

Бичелдей 2001a — *Бичелдей К. А.* Фарингализация в тувинском языке. М., 2001. {*Bicheldej K. A. Faringalizatsija v tuvinskom jazyke. M., 2001.*}

Бичелдей 2001b — *Бичелдей К. А.* Теоретические проблемы фонетики современного тувинского языка. Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2001. {*Bicheldej K. A. Teoreticheskie problemy fonetiki sovremennogo tuvinskogo jazyka. Diss. ... dokt. filol. nauk. M., 2001.*}

Дамбыра 2000 — *Дамбыра И. Д.* Фарингализация гласных в русских заимствованиях в тувинском языке // Вторая зимняя типологическая школа «Универсалии в культуре и языке». М., 2000. С. 118—120. {*Dambyra I. D. Faringalizatsija glasnyh v russkih zaimstvovanijah v tuvinskom jazyke // Vtoraja zimn'aja tipologicheskaja shkola "Universalii v kul'ture i jazyke". M., 2000. P. 118—120.*}

Дамбыра 2005 — *Дамбыра И. Д.* Вокализм каа-хемского говора в сопоставлении с другими говорами и диалектами тувинского языка. Новосибирск, 2005. {*Dambyra I. D. Vokalizm kaa-hemskogo govora v sopostavlenii s drugimi govorami i dialektami tuvinskogo jazyka. Novosibirsk, 2005.*}

Иллич-Свитыч 1963 — *Иллич-Свитыч В. М.* Алтайские дентальные: *t, d, δ* // Вопросы языкознания. 1963, 6. С. 37—56. {*Illich-Svitych V. M. Altajskie dental'nye: t, d, δ // Voprosy jazykoznanija. 1963, 6. P. 37—56.*}

Исхаков, Пальмбах 1961 — *Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А.* Грамматика тувинского языка: Фонетика и морфология. М., 1961. {*Ishakov F. G., Pal'mbah A. A. Grammatika tuvinskogo jazyka: Fonetika i morfologija. M., 1961.*}

Кормушин 2002 — *Кормушин И. В.* Тобаская группа // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции / Ред. *Тенишев Э. Р.* М., 2002. С. 600—660. {*Kormushin I. V. Tobaskaja gruppa // Sravnitel'no-istoricheskaja grammatika t'urkskih jazykov: Regional'nye rekonstruktsii / Ed. Tenishev E. R. M., 2002. P. 600—660.*}

Наделяев 1969 — *Наделяев В. М.* Особенности звуковой системы языка тофов // Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии». Новосибирск, 1969. С. 235—236. {*Nadel'aev V. M. Osobennosti zvukovoj sistemy jazyka tofov // Materialy konferentsii "Etnogenez narodov Severnoj Azii". Novosibirsk, 1969. P. 235—236.*}

Наделяев 1986 — *Наделяев В. М.* Циркумбайкальский языковой союз // Исследования по фонетике языков и диалектов Сибири. Новосибирск, 1986. С. 3—4. {*Nadel'aev V. M. Tsirkumbajkal'skij jazykovoj sojuz // Issledovanija po fonetike jazykov i dialektov Sibiri. Novosibirsk, 1986. P. 3—4.*}

Рассадин 1971 — *Рассадин В. И.* Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971. {*Rassadin V. I.* Fonetika i leksika tofalarskogo jazyka. Ulan-Ude, 1971.}

Рыжикова 2005 — *Рыжикова Т. Р.* Консонантизм языка барабинских татар: Сопоставительно-типологический аспект. Новосибирск, 2005. {*Ryzhikova T. R.* Konsonantizm jazyka barabinskih tatar: Sopostavitel'no-tipologicheskij aspekt. Novosibirsk, 2005.}

Сегленмей 2010 — *Сегленмей С. Ф.* Консонантизм тувинского языка: Экспериментально-фонетическое исследование. Кызыл, 2010. {*Seglenmej S. F.* Konsonantizm tuvinskogo jazyka: Ekperimental'no-foneticheskoe issledovanie. Kyzyl, 2010.}

Селютина 2002 — *Селютина И. Я.* Фонетика языков народов Сибири: Учебное пособие. Горно-Алтайск, 2002. {*Sel'utina I. Ja.* Fonetika jazykov narodov Sibiri: Uchebnoe posobie. Gorno-Altajsk, 2002.}

Селютина 2008 — *Селютина И. Я.* Фарингализация как типологический признак звуковых систем в тюркских языках Южной Сибири // Вестник ВЭГУ. № 4 (36). Филология. Уфа, 2008. С. 69—75. {*Sel'utina I. Ja.* Faringalizatsija kak tipologicheskij priznak zvukovyh sistem v t'urkskih jazykah Juzhnoj Sibiri // Vestnik VEGU. № 4 (36). Filologija. Ufa, 2008. P. 69—75.}

Селютина, Дамбыра, Кечил-оол 2004 — *Селютина И. Я., Дамбыра И. Д., Кечил-оол С. В.* Фарингальный сингармонизм в тувинском языке // Гуманитарные науки. № 4. Новосибирск, 2004. С. 108—114. {*Sel'utina I. Ja., Dambyra I. D., Kechil-ool S. V.* Faringal'nyj singlarmonizm v tuvinskom jazyke // Gumanitarnye nauki. № 4. Novosibirsk, 2004. P. 108—114.}

Селютина, Рыжикова, Уртегешев 2011 — *Селютина И. Я., Рыжикова Т. Р., Уртегешев Н. С.* Артикуляторные параметры фарингализации в тюркских языках Южной Сибири // Историко-культурное наследие Хакасии: Материалы Международной научной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения д. и. н., археолога Якова Ивановича Сунчугашева (Абакан, 20—21 октября 2011 г.). Абакан, 2011. С. 159—166. {*Sel'utina I. Ja., Ryzhikova T. R., Urtegeshev N. S.* Artikul'atornye parametry faringalizatsii v t'urkskih jazykah Juzhnoj Sibiri // Istoriko-kul'turnoe nasledie Hakasii: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii, posv'ashchonnoj 85-letiju so dn'a rozhdenija d. i. n., arheologa Jakova Ivanovicha Sunchugasheva (Abakan, 20—21 okt'abr'a 2011 g.). Abakan, 2011. P. 159—166.}

Уртегешев 2002 — *Уртегешев Н. С.* Шумный консонантизм шорского языка (на материале мрасского диалекта). Новосибирск, 2002. {*Urtegeshev N. S.* Shumnyj konsonantizm shorskogo jazyka (na materiale mrasckogo dialekta). Novosibirsk, 2002.}

Щербак 1970 — *Щербак А. М.* Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970. {*Shcherbak A. M.* Sravnitel'naja fonetika t'urkskih jazykov. L., 1970.}

Janhunen 1980 — *Janhunen J.* On glottalization in Sayan Turkic // Bulletin of the Institute for the Study of North Eurasian Cultures. Hokkaido, 1980. P. 23—41.

РЕЗЮМЕ

В рецензируемой коллективной монографии обобщены результаты сопоставительно-типологического исследования фарингализации в тюркских языках Южной Сибири. На объективном инструментальном материале показано, что, вопреки сформировавшимся в тюркологии представлениям, фарингализация — живое развивающееся явление, охватывающее не только вокализм, но и консонантизм, а также суперсегментный уровень звуковых систем ряда языков байкало-сянского региона.

SUMMARY

The review presents a brief overview of the collective monograph, which summarizes the results of the comparative and typological study of pharyngealization in the Turkic languages of South Siberia. Objective instrumental material shows that, despite the views formed in turkology, pharyngealization is a living evolving phenomenon, covering not only the vocalism, but the consonantism and the supersegmental level of the sound systems of several languages of the Baikal-Sayan region.

Ключевые слова: тюркские языки Южной Сибири, фонетика, фонология, фарингализация, вокализм, консонантизм, сингармонизм

Keywords: the Turkic languages of South Siberia, phonetics, phonology, pharyngealization, vocalism, consonantism, synharmonism

Требования к оформлению статей / Style sheet

Резюме

Просьба приложить к статье два резюме: 1) написанное на языке статьи, 2) написанное на одном из языков сборника (напоминаем, что это русский, английский, немецкий), но не на языке статьи.

Оформление

Допустимые форматы файла: .rtf или .doc.

Просим Вас также обязательно присылать текст в формате .pdf или распечатку.

Должны использоваться шрифты, поддерживающие Unicode.

В начале статьи указываются фамилия автора и место его работы.

Заголовки выделяются **полужирным шрифтом**.

Языковые примеры выделяются *курсивом*; смысловые выделения отмечаются **полужирным шрифтом** или **разрядкой**.

Примеры, которые занимают отдельную строку или абзац, просьба нумеровать; номера ставятся в начале в круглых скобках.

Длинные цитаты даются как отдельный абзац и отделяются в начале и в конце одной пустой строкой.

Цитаты заключаются в «кавычки».

Переводы и значения выделяются ‘одинарными (марровскими) кавычками’.

Просьба не расставлять переносы.

Язык и орфография

В статьях на английском языке просьба последовательно придерживаться британского или американского варианта и соответствующей орфографии; в статьях на немецком языке — старых либо новых орфографических правил.

Если статья написана не на родном языке автора, мы рекомендуем дать текст на вычитку носителю языка.

Библиографические ссылки

В тексте статьи по образцу:

в квадратных [] скобках Фамилия год: страница (страницы) (например, [Aijmer 1996: 22—25]).

В конце статьи дается список использованной литературы по приводимым ниже образцам.

Если статья написана не на русском языке, то в библиографии к ней работы на русском и других языках с кириллическим шрифтом можно дать отдельным блоком, без латинской транскрипции. В любом случае ссылка в тексте статьи должна соответствовать написанию в списке литературы.

Summaries

Please provide two summaries: 1) in the language of your paper, 2) in one of the languages of the journal (Russian, English, German), but not in the language your paper is written in.

Formatting

The file is to be submitted in one of the following formats: .rtf or .doc.

Please also add either a .pdf version or a hard copy of the text.

Please use Unicode fonts.

Please indicate the author's name and affiliation on the title page.

Headings have to be **boldfaced**.

Use *italics* for language data; **boldface** or **s p a c i n g** for emphasis.

Please number language examples which are not in the body of the text; enclose each number in parentheses.

Please format long quotations as separate paragraphs; add one blank line before and after them.

Please use «double quotes» for quotations.

Please use 'single quotes' for meanings.

Please do not hyphenate the document.

Language and spelling

In English articles please use consistently either British or American norm and the respective spelling; in German articles please follow either the old or the new orthography rules.

If the paper is not written in the author's native language, we highly recommend to have it checked by a native speaker.

References

In the body of the text please use the following format:

[Name year: page(s)] (e.g. [Aijmer 1996: 22—25]).

In papers not in Russian works in Cyrillic can be listed separately, without Latin transcription. In any case, their spelling must be identical with the references cited in the text.

At the end of the paper add a list of references as exemplified below.

Примеры оформления библиографии / Sample lists of references

Монография, словарь с именами авторов на титульном листе / Monographic work or dictionary with author's (authors') name(s) on the title page

Грунина 1991 — Грунина Э. А. Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991.

Janhunen 1977 — Janhunen J. Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Коллективная монография, словарь с именем ответственного редактора на титульном листе / Collection of papers or dictionary with editor's (editors') name(s) on the title page

Этническая история 1982 — Этническая история народов Севера / Отв. ред. Гурвич И. С. М., 1982.

Lessing 1960 — Mongolian-English Dictionary / Ed. Lessing F. Berkeley; Los Angeles, 1960.

Статья в коллективной монографии, сборнике / Paper in an (edited) book

Дёрфер 1986 — Дёрфер Г. О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 71—134.

Дмитриев 1958 — Дмитриев Н. К. О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. Вып. 3. М., 1958. С. 3—47.

Kiefer, Gyuris 2006 — Kiefer F., Gyuris B. Szemantika // A magyar nyelv kézikönyve / Ed. Kiefer F. Budapest, 2006.

Nikolaeva 2005 — Nikolaeva I. Agreement and linguistic construal // Uralic languages today / Ed. Fernandez-Vest J. Paris, 2005.

Статья в журнале / Journal paper

Иллич-Свитыч 1963 — Иллич-Свитыч В. М. Алтайские дентальные: *t, d, δ* // ВЯ. 1963, 6. С. 23—45.

Clark 1980 — Clark L. V. Turkic Loanwords in Mongol. I: The Treatment of non-initial *s, z, š, č* // Central Asiatic Journal. 1980. Vol. 24, 1—2. P. 23—45.

Doerfer 1969 — Doerfer G. Ein altosmanisches Lautgesetz im Kurdischen // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1969. Bd. 62. S. 250—263.

Цифровые и интернет-источники / Digital and Internet sources

Helimski 2007 — Helimski E. База данных энецкого языка // www.helimski.com, 2007.

Как подписаться / How to subscribe

Стоимость журнала по СНГ

Для организаций:

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 1500 руб.;
- годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 800 руб.

Агентствам предоставляется скидка 20%.

Для частных лиц:

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 1000 руб.;
- годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 500 руб.;
- стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 300 руб.;
- стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 150 руб.

не в странах СНГ

Для организаций:

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 89 €;
- годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 39 €;
- стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 49 €;
- стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 29 €.

Агентствам предоставляется скидка 20%.

Для частных лиц:

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 69 €;
- годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 29 €;
- стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 39 €;
- стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 19 €.

Оплатить журнал «Урало-алтайские исследования» можно:

- В ОТДЕЛЕНИИ ЛЮБОГО БАНКА;
- ЧЕРЕЗ СИСТЕМУ PAYPAL.

Порядок оформления подписки или покупки одного номера для частных лиц

Оплата через отделения банка

1. Заполните квитанцию об оплате, перечислите деньги на наш расчетный счет через Сбербанк; в настоящее время принимаются только банковские переводы; квитанцию Сбербанка можно вырезать из последних страниц журнала.
2. Информацию об оплате, почтовый или электронный адрес, по которому следует высылать журнал, отправьте по электронному адресу: jurnaluralaltai@mail.ru.
3. Номера два раза в год будут высылаться заказной бандеролью.

Оплата через систему PAYPAL

1. Если у Вас есть банковская карточка и электронный адрес, зарегистрируйтесь на сайте www.PAYPAL.com.
2. Напишите через систему PAYPAL письмо на электронный адрес jurnaluralaltai@mail.ru с информацией о том, какую именно подписку Вы хотите оформить и какую конкретно сумму перевести в качестве оплаты за подписку.

Порядок оформления подписки для организаций

Отправьте запрос по электронному адресу: jurnaluralaltai@mail.ru.

Внимание!

Стоимость подписки включает в себя почтовые расходы и не включает оплату банковских операций.

**Journal Price
for CIS countries**

For organizations:

- annual subscription for the printed copy of the journal is 1500 RUB;
- annual subscription for the electronic copy of the journal is 800 RUB.

Discount for agencies is 20%.

For individuals:

- annual subscription for the printed copy of the journal is 1000 RUB;
- annual subscription for the electronic copy of the journal is 500 RUB;

- price for a single printed issue without subscription is 300 RUB;
- price for a single electronic issue without subscription is 150 RUB.

outside CIS countries

For organizations:

- annual subscription for the printed copy of the journal is 89 €;
- annual subscription for the electronic copy of the journal is 39 €;

- price for a single printed issue without subscription is 49 €;
- price for a single electronic issue without subscription is 29 €.

Discount for agencies is 20%.

For individuals:

- annual subscription for the printed copy of the journal is 69 €;
- annual subscription for the electronic copy of the journal is 29 €;

- price for a single printed issue without subscription is 39 €;
- price for a single electronic issue without subscription is 19 €.

You can purchase URAL-ALTAIC STUDIES:

- 1) VIA ANY BANK;
- 2) VIA PAYPAL.

How to make a subscription or to purchase a single issue for individuals**Payment via bank transfer**

1. You shall fill the payment receipt, transfer the money to our account via Sberbank. Presently we accept only banking transfer. The Sberbank receipt you can cut out from the last pages of the journal.
2. You shall send your payment details, postal or electronic mail for sending the journal to: jurnaluralaltai@mail.ru.
3. The issues will be sent to you via registered mail biannually.

PayPal payment

1. If you have a credit card and an e-mail you can register at www.paypal.com.
2. Please send us an e-mail to jurnaluralaltai@mail.ru via PAYPAL system, specifying which kind of subscription you need, and what amount of money you are going to transfer as a payment for subscription.

How to make a subscription for an organization

Please send a request to jurnaluralaltai@mail.ru.

Attention!

Subscription price includes postage expenses and does not include banking fees.

Извещение

Форма № ПД-4

ИП Кормушин И.В.,

Москов. фил. ОАО «АКВ «ТАТФONDBANK»
(наименование получателя платежа)

ИНН 772631307908
(ИНН получателя платежа)

№ р/с 40802810041000000004
(номер счета получателя платежа)

в ОАО «АКВ «ТАТФONDBANK», г. Москва
(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810700000000831, БИК 044583831

Оплата журнала:

«Урало-алтайские исследования»
(наименование платежа)

Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. ____ коп.

Плательщик (подпись) _____

Кассир

ИП Кормушин И.В.,

Москов. фил. ОАО «АКВ «ТАТФONDBANK»
(наименование получателя платежа)

ИНН 772631307908
(ИНН получателя платежа)

№ р/с 40802810041000000004
(номер счета получателя платежа)

в ОАО «АКВ «ТАТФONDBANK», г. Москва
(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810700000000831, БИК 044583831

Оплата журнала:

«Урало-алтайские исследования»
(наименование платежа)

Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. ____ коп.

Плательщик (подпись) _____

Квитанция

Кассир

Информация о плательщике:

_____
(Ф.И.О., адрес плательщика)

_____
(ИНН налогоплательщика)

№

_____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

Журнал «Урало-алтайские исследования»

год / №	1	2	3	4

Информация о плательщике:

_____
(Ф.И.О., адрес плательщика)

_____
(ИНН налогоплательщика)

№

_____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

Журнал «Урало-алтайские исследования»

год / №	1	2	3	4
2010				

Редактор
М. К. Амелина

Компьютерная верстка
В. Ю. Гусев

Адрес редакции
125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, корп. 1,
Отдел урало-алтайских языков

Телефон
+7 (495) 691-63-06

Editor
Maria Amelina

Computer typesetting
Valentin Gusev

Editorial office
125009, Moscow, B. Kislovskiy sidestr., 1, 1,
Department of Uralo-Altaic languages

Phone
+7 (495) 691-63-06

Co-Published by Gorgias Press LLC
954 River Road Piscataway, NJ 08854 USA
Internet: www.gorgiaspress.com
Email: helpdesk@gorgiaspress.com

ISSN 2079-1003

9 772079 100004 >